

1256
27798 к. чет. нр.
20/хл-24/2
№ 3327
ИМПЕРАТОРСКО
Историко-Филологическ
ИНСТИТУТ
Проф. ИВ. ОЗЕРОВЪ.

КУДА МЫ ИДЕМЪ?

(ИТОГИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ XIX ВѢКА).

2-ое изданіе,
значительно дополненное.

Издательство „Вѣстника Знанія“ (В. В. Битнера).
С.-Петербургъ, Невскій, 40.
1911.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманию читателя книжка первоначально представляла собою 2 публичныхъ лекціи, прочитанныя авторомъ въ Москвѣ и изданныя затѣмъ отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ „Итоги экономическаго развитія XIX вѣка“.

Въ настоящее время она переиздается со значительными дополненіями и измѣненіями.

Авторъ.

МОСКВА
20 авг. 1910.

I.

Вплоть почти жгучее желаніе сколько-нибудь разобраться, куда мы идемъ, приподнять край завѣсы, отдѣляющей отъ насъ будущее, проникнуть въ даль, еще при туманномъ разсвѣтѣ XX вѣка прозрѣть то направленіе, въ какомъ мы идемъ, намѣтить ту тропинку, изъ многихъ лежащихъ предъ нами, которой желовѣчеству суждено будетъ идти. Я это и постараюсь сдѣлать, но моя задача распадается на 2 части: 1) свести (очень кратко) итоги развитія Европы (XIX вѣка и 2) начертить тѣ пертурбаціонныя вліянія, которыя въ будущемъ окажутъ на Европу, Соед. Штаты и развитіе этихъ послѣднихъ.

Эти вопросы постоянно стоятъ предъ человѣкомъ, но особенно обостряются они въ душѣ современнаго человѣка, когда онъ подходитъ къ этимъ великимъ Границамъ, именуемымъ началомъ новаго вѣка. Тогда инстинктивно всѣ, кто мыслитъ, дѣлаютъ какъ бы остановку, оглядываются назадъ на пройденное пространство, выбираютъ какой-нибудь *Aussichtspunkt* и окидываютъ взоромъ прошлое, заглядываютъ вопрошающе въ далекое будущее.

Промышленная волна на зарѣ XIX вѣка стремительно хлынула, сметая всѣ препятствія и неся съ собой массу разрушеній ранѣ сложившихся устоевъ: она огребла въ своихъ волнахъ и прежняго ткача съ его станкомъ и съ бѣднымъ, о все-таки его собственнымъ, коттѣджемъ, а взамѣнъ этого вынесла она на воемъ хребтѣ крупную фабрику съ десятками тысячъ рабочихъ.

Еще раньше первые всплески этой волны снесли тотъ кровъ, который защищала отъ переменъ погоды (каприза) промышленнаго рынка мастера и рабочаго (отъ перепроизводства продуктовъ, отъ слишкомъ быстраго колебанія цѣнъ)—мы имѣемъ въ виду уничтоженіе цеховъ съ ихъ организаціей по урегулированію цѣнъ, размѣра производства, продолжительности рабочаго времени. Въстѣ въ этомъ промышленная волна погребла и много нашихъ лучшихъ чаяній, вѣроуваній и иллюзій.

На мѣсто разрозненныхъ одиночныхъ ткачей, сидящихъ, какъ пауки по угламъ, въ своихъ мастерскихъ, съ особымъ міросозерцаніемъ, явилась крупная фабрика; атмосфера наполнилась ея тяжелыми вѣяніями: пронзительно засвистали фабричные свистки тамъ, гдѣ прежде слышался только тихій шопотъ молитвы одинокаго ткача, запыльили паровики, удушливые газы наполнили мастерскія, мѣсто зеленой растительности передъ окнами встали мрачныя стѣны фабричныхъ корпусовъ, вмѣсто добродушныхъ, чисто товарищескихъ, отношеній мастера подмастерья, когда послѣдній и обѣдалъ-то со своимъ хозяиномъ за однимъ столомъ, пышно стала распускаться система отношеній, покоящаяся на штрахахъ, взаимномъ недоуверіи...

Машинѣ на первыхъ порахъ ненужна стала больше искусная рука опытнаго рабочаго, и она все болѣе и болѣе привлекала къ себѣ дѣтей 8—10 лѣтъ все болѣе и болѣе выбрасывала рабочихъ съ фабрики, и крикъ: „дайте намъ работы“—раздается въ Англій, этой колыбели новой формы производства.

Машинна, это великое благодѣяніе человѣчества, принесшая намъ искру свѣта съ неба, была встрѣчена проклятіемъ голодныхъ рабочихъ: они ломали машины, не давали ставить новыхъ, а между тѣмъ все наше научное завоеваніе, все наше умственное развитіе, развитіе нашихъ массъ, весь пышный расцвѣтъ культуры XIX вѣка былъ намъ посланъ въ этомъ паровомъ станкѣ, на которомъ человѣчество, работая, къ концу XIX вѣка вышло узоры, превосходящіе замыслы восточной фантазіи. На этомъ станкѣ сдѣланы и тѣ нити, крѣпкія какъ сталь, которыя въ настоящее время связываютъ человѣчество въ одно органическое цѣлое, чуткое къ малѣйшимъ перемѣнамъ, совершающимся въ разныхъ частяхъ свѣта (биржа, колебаніе курсовъ). Здѣсь же соткано то платье, которыми теперь человѣчество стремится покрыть всѣхъ голодныхъ и холодныхъ.

Но кто могъ тогда предвидѣть, что этотъ паровой станокъ принесетъ намъ волшебные дары—и коверъ-самолетъ, и бурку-кавурку, которые чуть не съ быстротою вѣтра переносятъ насъ изъ одного мѣста въ другое. Объ этомъ человѣчество только въ сказкахъ мечтало, и въ легендахъ передавало другъ другу.

Паровой станокъ принесъ намъ сотни миллионъ даровыхъ работъ, работающихъ на насъ денью и ночью—смирныхъ, тихихъ: ихъ трупами не ардятся увѣшпывать дорогъ, какъ было во время возстанія Спартака. Человѣкъ изведенъ теперь до роли надсмотрщика за этими рабами, а, вѣдь, объ этомъ прежде человѣчество позволяло себѣ только въ легендахъ мечтать. Вспомнимъ легенду объ одномъ святомъ, къ которому на поле были посланы ангелы работать, и онъ только смотрѣлъ за работой. А развѣ за насъ не работаютъ въ настоящее время даровыя силы, похищенные у природы человѣческимъ гениемъ?.. Но тогда этого не предвидѣло человѣчество, и этотъ даръ—великій даръ небесъ—былъ встрѣченъ глухимъ роптаніемъ, плачемъ, проклятіемъ голодныхъ и холодныхъ рабочихъ: плакали женщины, плакали маленькія дѣти...

Люди, загнанные изъ зеленыхъ полей въ душную атмосферу фабрикъ: этотъ оглушающій грохотъ машинъ; это полуголодное существованіе; плачь маленькихъ дѣтей, стоящихъ у машинъ; перспектива не сегодня, такъ завтра, по капризу мирового рынка, быть выброшеннымъ съ фабрики—вотъ картина перваго появленія этого дара небесъ среди человѣчества.

Глубокая, давящая почъ спустилась на души людей и придавила ихъ, и, не видя разсвѣта, человѣчество металось изъ стороны въ сторону, ломало этихъ мнимыхъ своихъ враговъ—машинъ, проклидало ихъ, но все напрасно: новыя машины сыпались одна за другой, и человѣчество, бесплывное въ борьбѣ съ этимъ врагомъ, горевало о прежней жизни, мечтало о новыхъ формахъ,—и мы видимъ, въ это время появляются въ роли вожакъ человѣчества Фурье, Оувенъ и другіе утописты: они своими утопіями навѣваютъ пріятныя грезы на страдающее человѣчество, они манятъ людей въ другой міръ, предлагаютъ имъ другія формы жизни, и человѣчество, жалкое, несчастное, страстно хватается за эту чашу сладкихъ грезъ и сновидній, опьяняется ими, ищетъ утѣшенія, дремлетъ яркими, сладкими грезами... И мы, дѣйствительно, на зарѣ XIX вѣка въ этомъ гамѣ и шумѣ фабричныхъ свистковъ видимъ страстное исканіе человѣчествомъ новыхъ формъ жизни, въ видѣ фантастическихъ проектовъ устройства фаланстеровъ, коммунъ въ Америкѣ; но это были только грезы—дѣтскія грезы человѣка XIX вѣка.

Возвращаясь отъ сна, отъ этихъ грезъ, человѣчество еще болѣе охватывалось мрачнымъ колоритомъ дѣйствительности: лихорадочно, какъ дѣти, оно строитъ себѣ миниатюрныя дѣтскія избушки, миниатюрныя, но въ которыхъ человѣчество со своими дѣтскими фантазіями думаетъ найти себѣ уютность (фаланстеры, коммуны въ Америкѣ), но все это—бумажные домики... Строительное социальное искусство, или, лучше, законы социальной архитектуры, не были еще извѣстны.

Но человѣчество убѣждалось, что это—продукты фантазій, карточные домики, не болѣе: они не давали защиты человѣчеству отъ непогоды, а въ лучшемъ случаѣ могли только тѣшить фантазію въ минуты досуга, и человѣчество, наученное опытомъ, охладѣвало къ нимъ. Между тѣмъ зерно промышленнаго развитія распускалось новыми и все болѣе и болѣе яркими побѣгами: пути сообщенія сближали людей, фабричная крыша ихъ объединяла, и на развалинахъ стараго строя горделиво подымала свою голову новая жизнь. Пышные плоды новаго строя были уже на лицо, но неравнобѣрно распредѣлялись они, и человѣчеству страдало: если успѣло оно разувѣриться въ своихъ грезяхъ о возможности созданія новой жизни за океаномъ на дѣвственной почвѣ Америки, то все еще продолжало оно искать попрежнему панацеи, искало ее то въ коопераціи, то въ рабочихъ организаціяхъ, то въ нравственномъ перевоспитаніи. Человѣчество слишкомъ вѣрило въ механическія средства—своего рода социальныя порошки и пилюли. Исторія богата страстными сильными дѣятелями на этой почвѣ, по здѣсь опять-таки сказывалась фантазія, хотя она расписывала свои узоры уже на реальной дѣйствительности.

Но эта связанность людей вслѣдствіе развитія путей сообщенія, эта нервная чуткость, развившаяся подъ вліяніемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, эти неудачныя попытки человѣчества воплотить свои мечтанія разомъ за океаномъ и разныя дѣйствительности наперекоръ этимъ мечтаніямъ, все это стало показывать людямъ, что есть что-то органическое въ строеніи народнаго хозяйства, и человѣчество, ища средствъ парализовать неравнобѣрное распредѣленіе богатствъ и внести больше счастья въ свою жизнь, стало прислушиваться къ пульсу этой жизни, стало изучать законы хозяйственной жизни, и роль фантазій въ построеніи новыхъ формъ суживалась. Мы видимъ только вспышки грезъ и мечтаній, но „то были послѣдніе сны“.

Улавливается пониманіе народнаго хозяйства, устанавливается законобѣрность его, изыскиваются способы врачеванія социальныхъ золъ, и постепенно мы видимъ, какъ въ нѣдрахъ старой жизни, хаотически созданной наплывомъ промышленной волны, распускается другая: такъ, вмѣсто прежняго безправнаго положенія рабочихъ на фабрикахъ мы видимъ рожденіе т. н. новой „конституціонной“ фабрики (выраженіе фабриканта Greese о фабрикахъ, при которыхъ существуютъ т. н. комитеты рабочихъ, принимающіе нѣкоторое участіе въ регулированіи отношеній между рабочими и предпринимателями), отрицательныя явленія фабричной жизни смягчаются и широкимъ развитіемъ фабричнаго законодательства, и рабочими союзами, и организованнымъ содѣйствіемъ самого общества. Человѣчество страшится отъ призрака голодной смерти страховыми учрежденіями въ Германіи, Австріи, Даніи; обезпечивается безбѣдная старость въ Германіи, Новой Зеландіи; финансовая политика—прогрессивное подоходное обложеніе, наследственные налоги—пытаются кое-что сдѣлать въ смыслѣ болѣе равнобѣрнаго распредѣленія богатствъ. Всеобщее образованіе, публичныя бібліотеки распространяютъ блага культуры на массы населенія, словомъ, со всѣхъ сторонъ въ новомъ грандіозномъ зданіи промышленнаго развитія, въ которомъ вначалѣ только немногимъ было уютно, теперь дѣлаются перестройки въ новомъ вкусѣ, въ новомъ стилѣ.

Итакъ, человѣчество въ началѣ XIX вѣка напоминало собой малаго ребенка, сажающаго сегодня вѣтку березки и думающаго, что завтра изъ нея вырастетъ большая береза; ребенка, грезящаго о воздушныхъ замкахъ, которые по мановенію доброй феи должны явиться; ребенка, мечтающаго о чудныхъ подаркахъ, которые та же фея должна ему принести,—но кончается XIX вѣкъ человѣчество уже взрослымъ человѣкомъ: оно утратило вѣру въ эти грезы и мечты и вѣрится только въ медленный трудъ, въ органическое развитіе съ девизомъ:

нужно брать стволъ дѣйствительности и прививать ему новые ростки, — и оледѣтельно, съ бодрой вѣрой въ свою энергию и силу, въ свой геній принялось за работу и прививаетъ новую жизнь къ старому стволу, и мы видимъ уже плоды этого. По характерному выраженію Зомбарта, мы въ рамкахъ существующаго строя вырастаемъ въ новую жизнь.

Правда, и теперь мы встрѣчаемъ въ литературѣ утопія, но онѣ имѣютъ уже другое значеніе. Это — не призывъ порвать связь съ существующимъ строемъ жизни и перенестись въ невѣдомые края за океанъ, чтобы тамъ осуществить свои мечты: вѣтъ, человечество прекрасно знаетъ теперь, что и тамъ оно, какъ паукъ, сплететъ ту же паутину, по тому же типу, и человечество оставило эти мечты, — утопія имѣютъ теперь значеніе лишь методологическое, чтобы лучше освѣтить современный экономическій и общественный строй.

Вліяніе путей сообщенія въ XIX вѣкѣ мы ставимъ на первомъ планѣ, потому что есть отрасли, напр., сельское хозяйство, гдѣ техника не получила такого развитія, какъ въ промышленности, и тѣмъ не менѣе онѣ подверглись крупнымъ измѣненіямъ: напр., крупный переворотъ, которому подверглось сельское хозяйство, конечно, не можетъ быть никомъ образомъ объясняемъ только техническимъ прогрессомъ¹⁾.

Развитіе путей сообщенія, сблизивъ людей, сдѣлало ихъ болѣе доступными ко всякаго рода новшествамъ, примѣненію изобрѣтеній, подѣ угрозой, что если они не введутъ того или другого изобрѣтенія, они должны распахиваться за это упорство своей экономической гибелью. Развитіе путей сообщенія сдѣлало капризный, мѣняющийся рынокъ господиномъ хозяйственной жизни, и люди вмѣсто прежней устойчивой почвы подѣ ногами почувствовали подѣ собой колеблющуюся грунтъ, къ которому они должны безпрерывно припоровляться, чтобы удержать равновѣсіе, а это постоянно заставляетъ людей работать, думать.

Проведеніе путей сообщенія поставило людей другъ противъ друга на обширной аренѣ, заставило ихъ вооружаться всѣми возможными средствами для экономической борьбы, убивая рутину, застою; и выталкиваніе на такую арену, конечно, происходило не безъ сопротивленія: люди прижимались къ своимъ ставкамъ, ихъ слѣдилъ свѣтъ открытаго солнца, они больше привыкли ко тѣмѣ, пятислись назадъ и говорили: „зачѣмъ намъ это?“ Такъ, въ серединѣ XVIII вѣка, когда въ Англии принялись за улучшеніе шоссейныхъ дорогъ, въ парламентъ сыпались петиціи изъ аграрныхъ округовъ, сосѣднихъ съ Лондономъ, гдѣ говорилось, что если хорошіе пути сообщенія будутъ проведены въ болѣе отдаленныя части страны, то это позволитъ привозить дешевле зерно и сѣно въ Лондонъ, и они, жители окрестностей Лондона, будутъ разворены. Такъ человечество при первомъ выступленіи на эту всемірную арену боялось этого переворота, но исторія творила свое дѣло.

Итакъ, крупнѣйшее вліяніе на развитіе XIX вѣка оказало проведеніе желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и телефона.

Въ XIII и XIV вѣкахъ существовалъ такъ наз. Grundruhr; въ силу этого права въ случаѣ поломки экипажа, проѣзжающаго по землѣ феодала, всѣ товары, опрокинутые на землю, конфисковались въ пользу территориальнаго владѣльца: товаръ, коснувшійся земли феодала, поступалъ въ его владѣніе, — слѣдовательно, существовала въ то время какъ бы премія за дурные пути сообщенія, и феодалы не были заинтересованы въ улучшеніи ихъ.

Артуръ Юнгъ оставилъ слѣдующее характерное описаніе дорогъ Англии въ 1770 году: „ни на одномъ языкѣ не нахожу словъ достаточна сильныхъ, чтобы

¹⁾ Prof. W. Lotz. „Verkehrsentwicklung in Deutschland 1800 — 1900“. Leipzig, 1900.

описать эту адскую дорогу, и совѣтую избѣгать ее, какъ чорта. Тысяча противъ одного за возможность опрокинуться и сломать себѣ шею или руки и ноги. Здѣсь они найдутъ выбоины — я ихъ измѣрилъ — въ 4 фута глубины, наполненные вязкою грязью. Я проѣхалъ здѣсь 18 миль и сломалъ 3 повозки“.

Въ Лондонѣ въ XVIII столѣтіи депутаты ходили въ парламентъ на ходуляхъ, а для пѣшеходовъ строили заборы въ 4 фута высоты, чтобы не быть забрызганными грязью. Когда королю нужно было идти въ парламентъ, то улицы покрывали фашинникомъ, чтобы онъ не утонулъ въ грязи. Это было въ концѣ XVIII вѣка.

Еще къ характеристикѣ путей сообщенія въ XVIII вѣкѣ: герцогъ Сомерсетскій въ 1748 году ѣдетъ изъ Лондона въ Retworth и отдаетъ приказанія, чтобы сторожа и другіе, кто знаетъ ямы и трясины, выжили встрѣтить его милость съ фонарями и длинными пестями, чтобы похочъ ему на дорогѣ. (П. Георгіевскій, „Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX вѣкѣ“. С.-Петербургъ, 93).

Но развивающаяся промышленность требовала улучшенныхъ путей сообщенія: создавались товары, и, чтобы возить ихъ, нужны были пути сообщенія: начинають строиться желѣзныя дороги, пароходы, которые теперь опутываютъ міръ, какъ паутина во всѣхъ направленіяхъ, и вслѣдствіе этого мы, живущіе въ Европѣ, получаемъ легко все, что намъ нужно отъ нашихъ антиподовъ—австралійцевъ: изъ Америки мы получаемъ каменный уголь, машины, хлопокъ, изъ Австраліи—шерсть, вино; а прежде американскіе фермеры на далекомъ западѣ въ урожайные годы пшеницей лучшаго сорта топили печи, и это—въ то время, какъ тысячи умирали отъ голода въ Парижѣ или Лондонѣ, а американскіе земледѣльцы банкротились отъ низкихъ цѣнъ.

Въ урожайные годы въ нашей Сибирѣ, за невозможностью вывоза результатовъ урожая на рынки, гатили гати мукой.

Теперь же, благодаря развитію путей сообщенія, такіе факты невозможны: міръ приобрѣлъ органическую цѣльность. Пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфы, телефонъ связали людей въ одно цѣлое, создали единый международный рынокъ. Пространство уничтожено: фрахты страшно понизились. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было думать, что когда-нибудь Соединенные Штаты Америки будутъ въ состояніи поставлять каменный уголь въ Европу: въ Неаполь, Марсель, въ Россію, а это теперь—фактъ. Развитіе путей сообщенія сдѣлало міръ чуткимъ ко всѣмъ вліяніямъ, переменамъ, которыя имѣютъ мѣсто въ какой-либо части свѣта. Пути сообщенія можно сравнить съ нервами, и эта чувствительность будетъ расти и расти, такъ какъ пути сообщенія въ будущемъ широко будутъ развиваться.

Въ Россіи въ 1898 году эксплуатаціонная длина желѣзныхъ дорогъ равнялась 56,022 кил., въ Соединенныхъ Штатахъ—358,293 кил., въ Германіи—57,935 кил., въ Великобританіи—37,225 кил. И нѣтъ сомнѣнія, что желѣзнодорожная сѣть быстро будетъ опутывать міръ. Можно было бы привести грандіозныя цифры, выражающія развитіе телефоннаго и телеграфнаго сообщеній.

Залогомъ того, что пути сообщеній будутъ развиваться, являются интересы промышленности, которые требуютъ все болѣе и болѣе новыхъ рынковъ: товары стараются проникнуть въ самые отдаленные закоулки уголки міра, разлагая натуральное хозяйство. Желѣзныя дороги, по выраженію одного автора, это—гвозди, заколачиваемые въ крышку гроба натурального хозяйства. Кромѣ того, отъ проведенія путей сообщеній сильно поднимается стоимость земли, а въ этомъ—интересъ землевладѣльцевъ. По одному нечисленію, съ улучшеніемъ путей сообщеній въ штатѣ Иллинойсѣ, гдѣ въ настоящее время насчитывается 32 милл. акровъ земли, находящейся подъ фермами, цѣнность земли увеличилась бы на цѣлыхъ 160 милл. долларовъ. Справедливо говоритъ одинъ инженеръ, что едва

ли какимъ-либо другимъ болѣ легкимъ путемъ можно сразу создать такую цѣнность. Итакъ, путемъ сообщений принадлежитъ широкая будущность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и люди еще болѣ будутъ сближаться между собой и будутъ больше сталкиваться другъ съ другомъ; люди—что алмазы, шлифуются только другъ отъ друга, а это—залогъ широкаго умственнаго развитія человѣчества въ будущемъ.

А какъ поднялось общеніе населенія другъ съ другомъ: въ 1801 г. писемъ ежедневно въ среднемъ проходило чрезъ англійскую почту 50,000, а въ 1900—8.300,000; ежедневная циркуляція газетъ въ 1801 г. равнялась всего 60,000 экземпляровъ, а въ 1900 г.—8.500,000; отсюда уже можно судить, какъ образованіе должно было подняться въ населеніи.

Цѣны на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ, несомнѣнно, будутъ понижаться, и продукты будутъ проникать на самые отдаленные рынки, и отдѣльные хозяйства такимъ образомъ будутъ все болѣ и болѣ сплетаться въ одно органическое цѣлое, обладающее тонко-развитой чувствительной нервной системой, и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ расти зависимость людей другъ отъ друга. Если прежде человекъ исключительно зависѣлъ отъ себя самого, отъ результатовъ своей экономической дѣятельности, то теперь это далеко не такъ: экономическое благосостояніе лица въ значительной степени зависить отъ того, уродился ли или вѣтъ хлѣбъ у нашихъ антиподовъ, какъ прошла биржа въ Америкѣ, въ какомъ положеніи находится война съ бурами и т. д. Эти общественныя связи и являются той старой орфической цѣпью, о которой уже древніе пѣвцы пѣли, что она неразрывно связываетъ все существующее другъ съ другомъ; эта цѣпь выкована въ XIX вѣкѣ, и дѣйствительно крѣпкими узлами связываетъ она человѣчество, и ударъ по этой цѣпи—по одному изъ ея звеньевъ—можетъ больно отозваться на всѣхъ лицахъ, связанныхъ ею: волны экономической жизни у однихъ вырываютъ теперь блага, а другимъ приносятъ ихъ.

Современное отношеніе въ распредѣленіи благъ можно себѣ представить въ видѣ человека, сидящаго на берегу моря, которое, бушуя, забѣгаетъ на берегъ и лижетъ его своими волнами, то унося и послѣднее достояніе отшельника, то выбрасывая ему груды золота и драгоценныхъ камней.

Человекъ прежде несъ отвѣтственность за результаты своей экономической дѣятельности, а теперь, когда тяжелыя звенья этой цѣпи обвили его плечи, онъ нерѣдко отвѣчаетъ и за то, чего онъ не сдѣлалъ, и нерѣдко не отвѣчаетъ за то, что сдѣлалъ. Человекъ можетъ, не теряя, потерять. Огромную роль теперь играютъ движимыя цѣнности, т. е. цѣнные бумаги, и если XX вѣкъ съ точки зрѣнія техники будетъ вѣкомъ электричества, какъ XIX вѣкъ былъ вѣкомъ господства пара, такъ съ финансовой—XX будетъ вѣкомъ движимыхъ цѣнностей. Въ самомъ дѣлѣ, уже теперь только для 11 странъ цѣнные бумаги обцѣниваются въ цѣлыхъ 452 миллиарда франковъ, а эти цѣнности—наиболѣ чувствительны. Вы можете хранить у себя на миллионъ рублей этихъ цѣнностей, и въ одинъ прекрасный день вы можете найти, что всѣ онѣ исчезли: онѣ остались на самомъ дѣлѣ, но вслѣдствіе каприза биржи онѣ могутъ потерять всю или часть своей цѣнности, и такъ—вотъ пріобрѣтеніе XIX вѣка: созданіе единаго международнаго рынка, связанность людей между собою единой, неразрывной, очень чувствительной экономической цѣпью, сближеніе людей—все это чревато большими послѣдствіями, тѣмъ болѣе, что пути сообщенія будутъ развиваться, фрахты будутъ понижаться, и все новыя и новыя пространства и новыя и новыя хозяйства будутъ вовлекаться въ эту міровую организацію.

Вѣдь, уже и теперь говорятъ не только о пониженіи фрахтовъ—особенно пассажирскаго тарифа, но мы имѣемъ проекты бесплатнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Нѣкто Брандонъ въ Англій предлагалъ однообразный тарифъ: для перваго класса—1 шиллингъ, для 2 класса—6 пенсовъ и для 3 класса—

3 пенса, и за эту плату, по его проекту, пассажиръ могъ ѣхать, куда ему угодно. Нѣкто Перротъ предлагалъ 3 тарифа: 2 талера, 10 грошей и 5 грошей въ зависимости отъ класса, и опять-таки пассажиръ приобрѣталъ право ѣхать, куда ему угодно. Докторъ Герцка, бывшій министръ финансовъ, предложилъ для Австро-Венгрии 2 тарифа: въ 26 крейцеровъ—для дальняго и 10 крейцеровъ—для мѣстнаго сообщения. Нѣчто подобное предлагалъ извѣстный статистикъ докторъ Энгель. Въ пользу же однообразнаго тарифа, на подобіе того, какъ оплачиваются теперь почтовые письма, высказывался Наполеонъ III въ 1857 году. Замѣтимъ, что эти проекты введенія однообразнаго пассажирскаго тарифа вовсе не исходятъ отъ утопистовъ, а нерѣдко идутъ изъ лагеря лицъ, вполне компетентныхъ, которые говорятъ, что съ введеніемъ такого тарифа разовьются движеніе, и что въ концѣ концовъ желѣзнодорожнаго управленія не останутся въ убыткѣ: въ самомъ дѣлѣ, Герцка утверждаетъ, что при теперешнихъ высокихъ пассажирскихъ тарифахъ лишь 4-ая часть всѣхъ пассажирскихъ мѣстъ въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ занята публикой, остальные же мѣста остаются незанятыми (см. подробнѣе нашу замѣтку въ „Сборникѣ Правовѣдннхъ“, томъ 4, стр. 81 и далѣе). Кромѣ того, авторы этихъ проектовъ говорятъ: пониженіе пассажирскаго тарифа и введеніе однообразнаго на подобіе того, какъ оплачиваются теперь письма, еще больше воздѣйствуетъ на сближеніе людей, стимулирующе подѣйствуетъ на всю экономическую жизнь, и человечество только выиграетъ: оно теперь какъ бы связано въ своемъ движеніи высокими тарифами, а тогда расправитъ свои члены и смѣло и бодро примется за новыя завоеванія въ области человѣческой мысли.

Да не то же ли самое, указываютъ они, мы видимъ въ развитіи почтоваго тарифа на перевозку писемъ? Здѣсь мы встрѣчаемся съ послѣдовательной смѣной трехъ системъ тарифа: градаціоннымъ (Stufentarif), классовымъ (Zouentarif) и однообразнымъ (Einheitstarif) тарифомъ. Разница между этими тремя системами заключается въ томъ, что оплата по первому способу точно соразбѣряется съ тѣмъ пространствомъ, на которое письмо должно быть переслано; при существованіи второй системы вся страна дѣлится на концентрические круги, и сообразно съ тѣмъ, сколько такихъ круговъ письмо должно пробѣжать, взимается плата, между тѣмъ какъ при однообразномъ тарифѣ (Einheitstarif) разстояніе не принимается во вниманіе; куда бы письмо ни посылалось, оно оплачивается одинаково. Примѣненіе той или другой системы оплаты зависитъ не отъ произвола законодателя, а отъ извѣстныхъ историческихъ условій: градаціонная система соответствуетъ первымъ стадіямъ развитія общества, когда еще очень несовершенны средства сообщенія, а потому пересылка письма обходится очень дорого, почтовый обмѣнъ очень незначителенъ, при томъ онъ ограниченъ извѣстными классомъ лицъ; послѣдняя система, наоборотъ, тогда только можетъ быть применена, когда оборотъ развивается, почтовые услуги сдѣлаются доступными всѣмъ классамъ общества, улучшатся средства сообщенія, разовьются желѣзныя дороги, которыя перевозятъ письма или совѣтъ безъ вознагражденія, или за очень небольшую плату. Въ почтовомъ дѣлѣ теперь уже вездѣ перешли къ однообразному тарифу (Сб. Прав., т. IV).

Нѣчто подобное мы имѣемъ и теперь въ венгерскомъ желѣзнодорожномъ тарифѣ¹⁾, т. е. поясномъ тарифѣ, соответствующемъ исторіи почтовой марки

¹⁾ Даже такіа мелочи въ желѣзнодорожномъ передвиженіи имѣютъ огромное экономическое значеніе, какъ комфортъ и отдѣлка вагоновъ. „Чѣмъ красивѣе отдѣланы наши вагоны и чѣмъ комфортабельнѣе они, тѣмъ лучше нашъ балансъ“, говоритъ одинъ изъ представителей компаніи пульмановскихъ спальныхъ вагоновъ. „Дѣловой человѣкъ охотно сдѣлаетъ 200—300 миль въ хорошей обстановкѣ, но онъ испугается монотонности путешествія при дурныхъ условіяхъ“ (см. „American Engineering“, 1901, стр. 125).

во 2-ой стадіи ея развитія, т. е. здѣсь страна дѣлится какъ бы на концентрическіе круги, и пассажиръ уплачиваетъ за свой билетъ въ зависимости отъ пояса, въ который онъ ѣдетъ, безъ точнаго соответствія съ количествомъ проѣжаемаго пространства, но пока еще однообразнаго пассажирскаго тарифа мы нигдѣ не находимъ.

Нѣкто Куперъ дѣлательно проводитъ идею о предоставленіи всѣмъ права дарового проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. Куперъ вычисляетъ, какое огромное количество мѣстъ въ вагонахъ остается незанятыми: въ 3 классѣ около 50%, во 2 и 1 гораздо болѣе: такимъ образомъ, происходитъ огромная потеря — желѣзнодорожныя приспособленія въ значительной степени остаются неиспользованными. Куперъ вычисляетъ, что для полученія желѣзнодорожнаго билета требуется въ среднемъ отъ каждаго пассажира не менѣе двухъ минутъ, и если исчислить общую потерю времени для всѣхъ ѣдущихъ, то окажется, что въ 1888 году были истрачено времени англійской путешествующей публикой на полученіе билетовъ 2.474,999 дней, считая день въ 10 часовъ, или былъ потерянъ періодъ въ 7,734 года; кромѣ того, по окончаніи путешествія отбирание билетовъ у публики опять соединено съ большой тратой времени, такъ какъ публику приходится пропускать только чрезъ опредѣленные выходы. Если образованіе безплатно, то почему не можетъ быть даровымъ путешествіе? Въ Новомъ Южномъ Валлисѣ до извѣстной степени свобода путешествій по желѣзнымъ дорогамъ уже осуществлена: тамъ дѣти, посѣщая школу безплатно, также безплатно для посѣщенія школы пользуются желѣзными дорогами, и, быть-можетъ, только вопросъ времени, говорить Куперъ, когда и всѣ другія лица будутъ пользоваться желѣзными дорогами безплатно. Вѣдь, мы имѣемъ теперь безплатное обученіе, безплатныя читальни. Прежде на большихъ дорогахъ много было заставъ, гдѣ взимались за проходъ и за проѣздъ извѣстныя пошлины, а теперь эти дороги содержатся за суммы, получаемыя путемъ обложенія: эти заставныя пошлины были уничтожены потому, что онѣ служили большимъ препятствіемъ для путешествующихъ. Не служатъ ли также препятствіемъ путешествію и теперешніе желѣзнодорожныя билеты? — спрашиваетъ Куперъ.

Куперъ въ своемъ памфлетѣ¹⁾ о безплатномъ путешествіи по желѣзнымъ дорогамъ вычисляетъ тѣ огромныя сбереженія для Англій, которыя произошли бы съ переходомъ желѣзныхъ дорогъ изъ частныхъ рукъ въ руки правительства, и затѣмъ, отмѣчая дѣйствительно огромную важность свободнаго передвиженія людей по территоріи, авторъ ратуется за уничтоженіе всякихъ желѣзнодорожныхъ билетовъ, предлагая ту сумму, которую правительству пришлось бы выплачивать по выкупу желѣзной дороги, уплатить изъ особаго источника, именно — изъ поступленій отъ повышеннаго поземельнаго налога. Какъ извѣстно, въ Англій въ 1691 году былъ установленъ поземельный налогъ въ размѣрѣ 4 шиллинговъ съ каждаго фунта арендной платы, т. е. въ размѣрѣ 20%, но англійскіе землевладѣльцы успѣли достигъ того, что земля въ продолженіе двухъ столѣтій не переоцѣнивалась, и землевладѣльцы теперь платятъ всего поземельнаго налога около 1 милл. фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ при переоцѣнкѣ земли по дѣйствительной ея стоимости въ настоящее время имъ пришлось бы уплачивать около 40 милл. фунтовъ стерл. ежегодно. Куперъ предлагаетъ возстановить прежній поземельный налогъ въ настоящемъ его размѣрѣ, т. е. въ размѣрѣ 20% арендной платы, и эту сумму употребить на проведеніе реформы по обезпеченію всему населенію дарового проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ. По его вычисленію эта сумма далеко превзошла бы ту, которая нужна была бы для проведенія этой реформы (около 30 милл. фунт. стерлинговъ): англичане уже организовали

1) Politics for people. Bell. Libr. № XI.

лигу съ цѣлью пропаганды этой идеи, и эта лига, помѣщаящаяся въ Лондонѣ, носитъ названіе „лиги дарового путешествія“.

Конечно, едва ли можно разсчитывать на осуществленіе этой реформы въ ближайшемъ будущемъ, но во всякомъ случаѣ это движеніе крайне характерно для нашего времени, гдѣ сфера бесплатнаго пользованія многими институтами все болѣе и болѣе расширяется!

XIX вѣкъ характеризуется развитіемъ путей сообщенія, пониженіемъ стоимости переѣзда и перевозки грузовъ—это одна изъ характернѣйшихъ чертъ минувшаго столѣтія, и кто знаетъ, быть-можетъ, XX вѣкъ пойдетъ еще далѣе въ этомъ направленіи!

Желѣзные дороги внесли огромный переворотъ въ экономическую и общественную жизнь, и не даромъ проведеніе ихъ было встрѣчено населеніемъ съ большими страхами. Человѣчество какъ будто чуяло тотъ огромный переворотъ, который внесутъ въ его жизнь развитые пути сообщенія, оно какъ бы инстинктивно боялось этого и предсказывало много всякихъ ужасовъ. Такъ, говорили, что съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ птицы будутъ убиты дымомъ, курицы перестанутъ нести яйца, скотъ, пасущійся на поляхъ, умретъ отъ страха при этихъ отвратительныхъ звукахъ и свисткахъ, лошади переведутся, пассажиры, ѣздящіе по желѣзнымъ дорогамъ, будутъ заболѣвать отъ путешествія, благодаря дурному воздуху, дыму и сѣрѣ...

Желѣзные дороги прорѣзали теперь весь міръ, но опасенія и страхи не оправдались, новые же пути создали другія формы жизни, связавъ людей въ одно цѣлое.

Итакъ, когда XIX вѣкъ начинался, люди еще сидѣли каждый въ отдѣльной своей мастерской, за своимъ станкомъ, сидѣли раздѣленные другъ отъ друга непрѣздными путями не сообщенія, а разобщенія, каждый зналъ только себя, да свой маленькій рынокъ, а къ концу XIX вѣка люди сгруппировались въ огромныхъ фабрикахъ, сгруппировались здѣсь подъ одной крышей массами въ десятки тысячъ человѣкъ, работая за чужими машинами, на чужомъ матеріалѣ, но зато близко другъ къ другу, будучи соединены прекрасными средствами сообщенія, которая словно въ сказкѣ быстро переносятъ людей изъ одного конца свѣта въ другой, и благодаря которымъ люди имѣютъ легкую возможность вмѣстѣ мыслить, думать, дѣйствовать. Изъ этого сближенія людей возникли новыя задачи, о которыхъ мы будемъ говорить далѣе.

И нѣтъ ничего невозможнаго, что даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ или, по крайней мѣрѣ, проѣздъ по марочной системѣ будетъ осуществленъ. Во-1-хъ, и теперь провозъ пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ совершается по вѣснмъ желѣзнымъ дорогамъ съ убыткомъ для послѣднихъ (см. статистическій сборникъ мин. пут. сообщенія: свѣд. о желѣзныхъ дорогахъ), но этотъ убытокъ покрывается тѣмъ доходомъ, который желѣзные дороги выручаютъ отъ товарнаго движенія, а, во-2-хъ, желѣзные дороги по причинамъ, о которыхъ мы будемъ далѣе говорить, имѣютъ тенденцію переходить въ руки казны, а вѣдь сколько институтовъ, которые прежде эксплуатировались государствомъ, какъ доходный источникъ, теперь эксплуатируются имъ съ убыткомъ или даже, въ видахъ общаго блага, предоставляются вѣснмъ въ даровое пользованіе, напр., шоссеиные пути-сообщенія прежде являлись доходной статьёй, и пользованіе ими обставлялось массой всевозможныхъ пошлинъ, а теперь они въ западныхъ государствахъ зачастую являются статьёй чистаго расхода, въ интересахъ лучшаго развитія народнаго хозяйства. Затѣмъ, судъ прежде также былъ доходной статьёй, какъ и школа, какъ чеканка монеты, эксплуатация библиотекъ и т. д., а теперь въ интересахъ народнаго хозяйства все большее и большее количество институтвъ предоставляется свободному пользованію гражданъ, и въ виду огромнаго значе-

ня пассажирскаго движенія съ извѣстной степенью вѣролнтности можно говорить, что эта задача, наарѣвшаая къ концу XIX вѣка, будетъ въ утвердительномъ смыслѣ разрѣшена въ XX столѣтнн. Въ самомъ дѣлѣ, помимо уже образовательнаго значенія, даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ окажетъ крупнѣйшее влннене на лучшее перераспределенне по странѣ рабочей силы, и то, что фискъ потеряетъ въ пассажирскомъ тарифѣ, онъ сторнцей вернетъ себѣ въ общемъ экономическомъ подъемѣ страны.

Волна промышленнаго развитія разбила много старыхъ связей, которыми были сцементированы люди: въ самомъ дѣлѣ, исчезла патрнрхальная деревенская близость, исчезла однородность возрѣвнн, однородность, навѣваемая однообраземъ той экономической обстановки, въ которой люди тогда жили,—казалось, общество распалось, могъ умирать человекъ отъ голода, а рядомъ люди сидѣли за лукулловскимъ обѣдомъ... дѣти сосали грудь матерей, и тамъ ничего не доставали, кромѣ выжатыхъ ими капель крови, а въ то же время за завтраки 2—3 лица по счету уплачивалось по 25,000 франковъ... Но невидимая рука уже осизательно сговивала людей новыми нитями, болѣе крѣпкими, чѣмъ эта случайная близость, чѣмъ единство взглядовъ, вѣрованнн, и эти нити могли противостоять разлагающему влнненю промышленной волны, которая еще болѣе дѣлала ихъ крѣпкими: это—раздѣленне труда. Раздѣленне труда, достигшее такого развитія въ XIX вѣкѣ, связало людей въ одно органическое цѣлое и въ XX еще болѣе свяжетъ насъ... Раздѣленне труда органически связывало людей, народы, страны въ одно цѣлое, настолько связывало, что они не могутъ быть оторваны другъ отъ друга или изолированы. Такъ какъ различныя части агрегата исполняютъ различныя функцнн, то онѣ не могутъ быть легко отдѣлены. „Если бы,—говоритъ Спенсеръ,—отдѣляли отъ Миддлсеенса его окрестности, то все его операцин остановились бы черезъ нѣсколько дней за недостаткомъ матеріаловъ. Отдѣлите округъ, въ которомъ обрабатываютъ хлопокъ, отъ Ливерпуля и другихъ центровъ, и его промышленность прекратится, затѣмъ погибнетъ его населенне. Отдѣлите населенне каменноугольной копи отъ сосѣдняго населення, плавящаго металлы или изготовляющаго машиннымъ образомъ сукна, и тотчасъ эти послѣднне умрутъ соціально, а затѣмъ и индивидуально. Безъ сомнѣнн, когда какое-нибудь цивилизованное общество подвергается такому раздѣленню, что одна изъ его частей остается лишенной центральной власти, то оно не замедлитъ создать себѣ другую, но оно рискуетъ подвергнуться разложению, и прежде, чѣмъ реорганизацин установитъ достаточно сильную власть, оно должно оставаться въ теченне долгаго времени въ состояннн безпорядка и слабости“. Поэтому насильственные присоединення, нѣкогда столь частыя, ставятся все болѣе сомнительными операциями. Оторвать теперь провинцнн у страны—это значнтъ отрѣзать одинъ или нѣсколько органовъ у организма. Жизнь присоединенной области, отдѣленной отъ существенныхъ органовъ, отъ которыхъ она зависитъ, глубоко нарушается, но такія изувѣчення и пертурбацнн неизбежно вызываютъ продолжительное страданне, память о которомъ не скоро изглаживается... (Дюркгеймъ, „О раздѣленнн общественного труда“, 1900).

Если бы мы припили характеризовать XIX вѣкъ, то я бы назвалъ его вѣкомъ рабовладѣльскимъ раг excellense: мы думаемъ, что исторнн еще не знала такого пышнаго расцвѣта рабства, какое мы видимъ въ XIX вѣкѣ. Правда, это—рабство нѣсколько иного рода, чѣмъ бывшее прежде, это—рабы, служащне современному человечеству, рабы мирные, довольные малымъ, не устраивающне возмущеннн противъ своихъ господъ... махаютъ они своими нечеловѣческими руками и въ шумѣ и гамѣ, день и ночь, работаютъ на человечество, стараясь удовлетворить все его капризы. Мы имѣемъ въ виду ту паровую силу, которая день и ночь работаетъ теперь на человечество. Въ 1888 году человечество распола-

гало 50 миллионами лошадиныхъ силъ, и, если считать каждую силу равной 12 человѣческимъ силамъ, то у человѣчества было въ 1888 г. 600 милл. рабовъ; въ концѣ вѣка, вѣроятно, это количество удвоилось:—я потому говорю удвоилось, что еще за 8 лѣтъ до того, т. е. въ 1880 году, въ распоряженіи человѣчества было 34 милл. лошадиныхъ силъ, а въ 70-хъ годахъ—18 милл., въ 60-хъ годахъ—9, въ 50-хъ—4, въ 40-хъ—2 милл.; такимъ образомъ, по этимъ даннымъ видно, что это количество паровыхъ рабовъ удваивается каждое десятилѣтіе, но мы въ концѣ XIX вѣка присутствуемъ, можно сказать, на зарѣ рабовладѣльчества, расцвѣтъ котораго, вѣроятно, выпадетъ на XX вѣкъ.

Любопытно поставить вопросъ, какимъ количествомъ рабовъ располагаетъ каждый житель. Въ Великобританіи на одну тысячу жителей приходилось 250 лошадиныхъ силъ въ 1888 году, т. е. при переводѣ на человѣческую силу—3 тысячи человѣческихъ силъ; слѣдовательно, можно сказать, что англичанинъ располагалъ въ 1888 г. тремя рабами, работающими на него, а къ моменту начала XX вѣка, вѣроятно, можно считать эту цифру удвоенной. Въ Соединенныхъ Штатахъ почти то же самое отношеніе: на одну тысячу жителей приходилось 240 паровыхъ силъ, въ Бельгіи—140, въ Германіи—130, во Франціи—110, въ Швейцаріи—100, во всей Европѣ—90, т. е., другими словами, каждый европеецъ располагалъ даровымъ трудомъ одного человѣка.

Въ концѣ XIX вѣка мы присутствуемъ при огромномъ скопленіи народнаго богатства: такъ, въ 1888 году народное богатство Великобританіи исчислялось въ 68 миллиардовъ долларовъ (136 миллиардовъ руб.), во Франціи—45 миллиардовъ долларовъ (90 миллиардовъ руб.), въ Германіи—43,5 миллиардовъ долларовъ, въ Россіи—35 миллиардовъ долларовъ, въ Австріи—20 миллиардовъ долларовъ, въ Италіи—13 миллиардовъ долларовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ—120 миллиардовъ долларовъ¹⁾.

Конечно, эти цифры не совсѣмъ точно передаютъ дѣйствительность, такъ какъ исчислены на основаніи довольно проблематическихъ данныхъ, между прочимъ—данныхъ объ обложеніи, а, какъ извѣстно, плательщики въ большинствѣ случаевъ стремятся показать свое имущество, въ виду обложенія, въ преуменьшенномъ видѣ. Очень любопытны данныя народнаго богатства, исчисленные на одну душу населенія. Такъ, въ Великобританіи на одну душу населенія приходится 300 ф. ст., во Франціи—240, въ Германіи—160, въ Россіи—60, въ Австріи—105, въ Швеціи—140, въ Испаніи—150, въ Даніи—230, въ Голландіи—240, въ Бельгіи—170, въ Швейцаріи—150, во всей Европѣ—180, въ Соединенныхъ Штатахъ—210, въ Канадѣ—200, въ Австраліи—370, въ Аргентинѣ—140 ф. ст., такъ что по этимъ даннымъ самой богатой страной является Австралія. Ростъ богатства совершается особенно сильно за послѣднее время.

Такъ, все богатство Англій въ 1800 г. было 1,740 милл. ф. ст. (замѣтимъ здѣсь, что первая приведенная нами цифра относится только къ Англій съ Уэльсомъ), въ 1822 г. богатство всей Великобританіи исчислялось въ 2,600 ф. ст., въ 1865 году—6,113, а въ 1885 году—10,037 милл. ф. ст.

Такимъ образомъ, огромное накопленіе народнаго богатства есть, можно сказать, исключительно продуктъ XIX вѣка. То же самое и относительно другихъ странъ: во Франціи, напр., по исчисленію Гюйо, народное богатство въ 1826 г. исчислялось въ 2,000 милл. ф. ст., въ 1860 г.—4,360 милл., въ 1875 г.—6,800 милл. и въ 1885 г.—8,560 милл. Въ Австраліи еще въ 1838 г., по даннымъ Когляна, на голову населенія приходилось 130 ф. ст., а въ 1888 г.—307 ф. ст.

Конечно, не менѣе гадательны и данныя о чистомъ доходѣ, который полу-

¹⁾ См. The World Almanac, 1910, стр. 257.

чаютъ жители той или другой страны, но тѣмъ не менѣе они представляютъ нѣкоторый интересъ. По этимъ даннымъ, приводимымъ Мюльхгаемъ, видно, что Великобританія получаетъ дохода 1,285 милл. ф. ст. или 33,7 ф. ст. на голову населенія, Франція—1,046 милл. ф. ст. или 27,8 на голову населенія, Германія—1,076 милл. ф. или 22,2 на голову, Россія—975 милл. ф. ст. или 11,5 ф. ст. на голову. Вся Европа получаетъ 6,274 милл. ф. ст. или на голову 19,4, Соединенные Штаты—2,358 милл. ф. ст. или на голову 39, Австралія—144 милл. ф. ст. или на голову 40,2. Еще въ 1664 году Англія съ Уэльсомъ получала дохода на одного жителя 7,8 ф. ст., въ 1800 г.—26, а вся Великобританія въ 1840 г.—19,2, а въ 1889—33,6. Изъ этихъ данныхъ видно,—по крайней мѣрѣ, относительно отдѣльныхъ странъ,—что онѣ вполне обезпечены въ средствахъ существованія: напр., въ Великобританіи, какъ мы только что видѣли, на cadaго жителя, не исключая и дѣтей, исчисляется доходъ въ размѣрѣ 33,7 ф. ст., что на наши деньги составляетъ 300 руб.; слѣдовательно, доходъ семьи, состоящей изъ 5 человекъ, простирается не менѣе 1,500 руб.; кромѣ того, и здѣсь нужно принять во вниманіе то, что нами отмѣчено ранѣе, т. е. что эти данныя вѣроятно преуменьшены, такъ что на самомъ дѣлѣ доходъ семьи гораздо выше, и очевидно, что эти цифры даютъ возможность болѣе или менѣе безбѣднаго существованія, конечно, при одномъ условіи, если бы доходъ болѣе или менѣе равномерно распредѣлялся между жителями.

Для характеристики обезпеченности существованія человѣка въ концѣ XIX вѣка приведемъ еще данныя относительно снабженія человечества главнѣйшими средствами существованія, какъ-то: топливомъ, хлѣбомъ, мясомъ. Производство каменнаго угля съ 11.600,000 тоннъ въ 1800 г. достигло 1.078,000,000 тоннъ въ 1907 г., и потребленіе каменнаго угля на жителя по даннымъ на 1888 г. достигаетъ очень крупнаго размѣра: такъ, въ Великобританіи на одного жителя приходится огромная цифра—цѣлыхъ 72 центнера (центнеръ равенъ 60 пуд.), въ Бельгіи—48 центн., въ Соединенныхъ Штатахъ—40, въ Германіи—28, во всей Европѣ—18, во Франціи—16, въ Голландіи—16, въ Австріи—11, въ Швейцаріи—5, въ Италіи—2, въ Россіи—2 центн.

Такіе же почти результаты получаются и отъ разсмотрѣнія данныхъ потребленія мяса. Такъ, въ Австраліи, про которую говорятъ, что рабочіе тамъ питаются газетами и мясомъ, потребленіе мяса на человѣка въ годъ достигаетъ огромной цифры—цѣлыхъ 276 ф., при чемъ надо помнить, что здѣсь не исключены маленькія дѣти, и что англійскій фунтъ нѣсколько больше нашего; въ Аргентинѣ потребленіе мяса на человѣка достигаетъ 160 ф., въ Соединенныхъ Штатахъ—150, въ Великобританіи—118, въ Ирландіи—56, въ Россіи—51. Если бы мы стали прослѣживать наличность средствъ для удовлетворенія другихъ потребностей человечества даннаго времени, то мы нашли бы, что оно не менѣе обильно удовлетворяется и въ другихъ сферахъ, но фактъ на лицо, что, хотя мы и потребляемъ такъ много угля, а все-таки люди гибнутъ отъ холода, хотя и ѣдимъ столько мяса, но многіе умираютъ отъ голода, слѣдовательно, кто-нибудь ѣсть очень много, грѣетъ себя больше, чѣмъ слѣдуетъ, а другимъ не хватаетъ. Чему мы обязаны, спрашивается, такимъ обильнымъ снабженіемъ человечества средствами существованія? Пока мы опускаемъ вопросъ о распредѣленіи, который мы поставимъ далѣе.

Если мы посмотримъ на то, что мы пьемъ, что ѣдимъ, во что одѣваемся, посмотримъ, какъ построено наше жилище, то вездѣ мы увидимъ работу тѣхъ желѣзныхъ работъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ. Вездѣ они приложили свои могучія руки: эти желѣзные гиганты собираютъ хлѣбъ на полѣ, они же превращаютъ его въ видъ, годный для потребленія, они теперь въ Соединенныхъ Штатахъ боронятъ, сѣютъ, жнутъ, мелютъ, пекутъ, они переносятъ хлѣбъ изъ

Америки чрезъ громадный океанъ въ Европу, они переносятъ мясо изъ Австраліи въ Англію, яйца изъ Россіи, масло изъ Даніи, англичане получаютъ шерсть для одежды изъ Австраліи опять чрезъ посредство этихъ желѣзныхъ рабовъ, лѣсъ для постройки изъ Америки опять приносятъ имъ тѣ же гиганты. Въ самомъ дѣлѣ, самый бѣдный изъ насъ, самый неимущій—и тотъ чувствуетъ на себѣ услужливую руку этихъ желѣзныхъ гигантовъ: бумажная рубашка сдѣлана изъ хлопка, посѣяннаго въ Америкѣ при помощи паровыхъ машинъ, на полѣ, взрытомъ паромъ же, изъ хлопка, привезеннаго къ намъ также на паровомъ двигателѣ. Этотъ хлопокъ превращенъ въ ткань опять—таки при посредствѣ пара, при посредствѣ послѣдняго онъ выкрашенъ и т. д. . .

Если обратить вниманіе на то, какъ распредѣляется народное богатство въ Соединенныхъ Штатахъ ¹⁾, то мы увидимъ, что 1% всѣхъ семей владѣтъ 50% всего дохода, получаемаго націей, а если взять семьи, получающія дохода до 5 тыс. долларовъ, то окажется, что 12,5% всѣхъ семей въ Соединенныхъ Штатахъ владѣтъ 88% всего дохода, получаемаго націей. Слѣдовательно, остальные 87,5% семей располагаютъ только 12% дохода націи. Такое распредѣленіе богатствъ объясняетъ намъ, почему, несмотря на огромное накопленіе богатства, множество лицъ не имѣетъ возможности удовлетворять самыя первыя свои потребности. Конечно, такая неравномѣрность распредѣленія богатствъ создаетъ крупную общественную опасность, и какъ-то на вашингтонскомъ конгрессѣ одинъ ораторъ патетически воскликнулъ: „Когда тьма спустилась на Египетъ, 3% населенія владѣли 75% всей территоріи; когда погибъ Вавилонъ, 2% владѣло всѣмъ его богатствомъ; когда Персія склонила свою голову, 1% владѣлъ всей землей; когда солнце Рима закатилось, 1,800 человекъ владѣли всѣмъ тогда извѣстнымъ міромъ. Мы идемъ по тому же пути, и насъ постигнетъ та же участь, только въ нашъ вѣкъ пара и электричества мы въ 10 разъ скорѣе достигнемъ до того предѣла, на пути къ которому мы находимся“.

Ростъ богатства идетъ быстрѣе роста населенія. Если мы примемъ для Англіи въ 1801 г. населеніе и богатство того времени за 100, то въ 1900 г. населеніе будетъ равняться 263, а богатство поднялось за это время со 100 до 550, торговля—со 100 до 1,250, паровая сила—со 100 до 18,840, доходъ населенія—со 100 до 312. Въ 1801 г. человѣчество почти совсѣмъ не знало даровыхъ рабовъ—паровой силы: всего въ распоряженіи человѣчества въ этомъ году было въ Англіи едва 80.000 лошадиныхъ паровыхъ силъ, а на 1900 г. насчитывается для одной Англіи 15.000.000.

Въ настоящее время населеніе Англіи ежедневно увеличивается на 1,000 душъ, и также ежедневно съ 1870 года растетъ количество паровыхъ рабовъ на 1,000 лошадиныхъ силъ (The „Daily Mail“ Yearbook for 1901, стр. 13—14): слѣдовательно, въ Англіи является въ міръ новый человѣкъ, и для него уже готова цѣлая свита рабовъ—12 человекъ (при переводѣ лошадиной силы на человѣческую). „Новый“ человѣкъ конца XIX вѣка родится на свѣтъ съ чисто царственнымъ комфортомъ. Съ 1870 г. ежедневно увеличивается народное богатство въ Англіи на 450,000 ф. ст., т. е. опять—таки на каждого вновь прибывающаго въ

Размѣръ имущества.	Число семей въ %.	Общая сумма имущества этихъ группъ, въ доллар.	Въ среднемъ на семью. Доллары.	
Свыше 50,000 доллар.	125,000 (1%)	33 000.000,000 (50%)	} 88% 264,000	
Отъ 50,000—5,000 доллар.	1.375,000 (12½%)	23.000.000,000 —		16,000
„ 5,000—500 „	5.500,000 —	8.200.000,000 —		1,500
Ниже 500 долл.	5 500,000 —	800.000,000 —		150
	12.500,000 —	65.000.000,000 —	5,200	

(Spahr, „Distrib. of Weelth“, 1891).

мѣръ фортуна не забываетъ принести и подарокъ на зубокъ въ размѣрѣ 450 ф. ст., т. е. на наши деньги—въ 4,5 тыс. р.

Въ 1801 г. каждый англичанинъ располагалъ богатствомъ въ 140 ф. ст., а въ 1900 г.—въ 303 ф. ст.

Въ Англии добыча чугуна въ XVIII столѣтїи поднялась съ 10,000 тоннъ въ началѣ столѣтїя до 135,000 тоннъ въ концѣ того же вѣка, а въ XIX—съ 135,000 т. до 9.355,500 т.

Добыча каменнаго угля въ началѣ XIX ст. не превосходила 10 милл. тоннъ, а къ концу дошла до 220 милл. тоннъ. Во всемъ свѣтѣ добывалось не болѣе 18 милл. тоннъ, а теперь—болѣе 700 милл. т. Стали во всемъ свѣтѣ въ началѣ XIX ст. добывалось не болѣе 60,000 тоннъ, а теперь—26 милл. тоннъ.

Изъ Англии экспортъ въ 1801 г. былъ менѣе 30 милл. ф. ст., а къ 1900 г. поднялся почти до 300 милл. ф. ст., ввозъ же за это время поднялся съ 25—6 милл. ф. ст. до 485 милл. ф. ст. (Comm. Intell. 26 jan. 1901).

Да, мы сдѣлали успѣхи: пришли мы въ мѣръ нищими, трепеща за каждый часъ своего существованїя,—мы были рабами стихїи, рабами собственной фантазїи, вѣчно голодные, вѣчно холодные, бродили мы по мѣру, ища чѣмъ укрыться, чѣмъ накормиться, а теперь въ Англии каждый вновь родящїйся получаетъ въ свое распоряженіе 12 рабовъ, которые неустанно работаютъ на него и будутъ работать всю жизнь, выполняя всѣ его капризы. Но при современномъ строе нельзя работать безъ орудїи труда, и тутъ природа услужливо даетъ въ распоряженіе вновь приходящаго въ мѣръ 450 ф. ст. Подаркомъ встрѣчаетъ природа новорожденнаго, а не призракомъ голодной смерти, какъ было равнѣе. Мы страшно богаты, но эти богатства неравномѣрно распределяются: у однихъ много тысячъ паровыхъ рабовъ и они вѣчно окружены толпами рабовъ, ищущихъ удовлетворить всѣ ихъ капризы, а другїе сами превращены въ рабовъ. Въ Англии иногда родители страхуютъ жизнь своихъ дѣтей подъ предлогомъ покрытїя издержекъ въ случаѣ смерти послѣднихъ, но иногда родители искусственно сокращаютъ жизнь, чтобы получить застрахованный капиталъ, такъ велика бѣдность (Logia „Problèmes Contemp.“, стр. 30).

И при этихъ огромныхъ богатствахъ люди умираютъ отъ голода, отъ холода; такъ, за 1899 годъ въ Лондонѣ буквально отъ голода или отъ истощенїя силъ, вслѣдствїе недостаточнаго питанїя, умерло 68 человекъ. Есть здѣсь и старики въ 70 лѣтъ, въ 77, есть и маленькїя дѣти въ 5 мѣсяцевъ, въ 5 недѣль, въ 11 дней... Вотъ съ какимъ наслѣдіемъ мы вступаемъ въ XX вѣкъ, и это въ то время, когда, какъ только что мы видѣли, каждый вновь являющїйся англичанинъ получаетъ въ свое распоряженіе 12 рабовъ (одна паровая лошадиная сила), которые должны удовлетворять всѣ его прихоти и фантазїи. Да будетъ намъ стыдно!

Мы ужасаемся, мы негодуемъ, когда читаемъ въ учебникахъ финансовой науки о налогѣ на окна, при существованїи котораго бѣдное населенїе, чтобы избѣжать уплаты этого налога, должно было законопачивать окна, строить новые дома съ небольшимъ количествомъ отверстїй, чрезъ которыя проходитъ солнечный лучъ. Нашъ современный строй побуждаетъ также законопачивать тѣ отверстїя, чрезъ которыя мы теперь смотримъ на мѣръ Вожїи. Мы имѣемъ въ виду тѣ жизни, которыя пропадаютъ теперь безслѣдно для человѣчества: дѣти безъ образованїя, въ голодѣ, холодѣ, дѣти, умирающїя отъ голода,—а, вѣдь, только чрезъ эти окна—человѣческую душу—мы смотримъ на мѣръ и познаемъ его, и кто знаетъ, сколькоихъ счастливыхъ случаевъ мы лишили себя, чтобы шире поглядѣть на мѣръ Вожїи, и какими яркими красками, быть-можетъ, онъ игралъ бы теперь вродѣ нами, если бы во-время всѣ эти окна были открыты и чрезъ нихъ лился свѣтъ яркой струей.

Мы присутствуемъ теперь съ конца XIX вѣка при фактѣ развитія синдикатовъ, трестовъ, которые получаютъ монопольное положеніе на рынкѣ, и это внесло много измѣненій въ экономическую и общественную жизнь. Этѣмъ нарушаются интересы, прежде всего, потребителей, такъ какъ цѣны нерѣдко сильно повышаются, а затѣмъ—и государства, если синдикатъ имѣеть дѣло съ продуктами, облагаемыми государствомъ: это можетъ сократить поступления фиска. Развитіе синдикатовъ вызываетъ усиленную работу со стороны государства и общинъ по регламентированію ихъ: были попытки регламентировать дивиденды синдикатовъ (жельзныя дороги), и, при достиженіи ими известнаго уровня, цѣны на товары или услуги, доставляемые синдикатами, должны были понижаться; пытались опредѣлять и цѣны (жельзнодорожные тарифы), но регламентировать синдикаты чрезвычайно трудно; радикальной мѣрой борьбы въ некоторыхъ признается выкупъ предпріятій или общинами, или государствомъ, и въ XX вѣкѣ государство и общины переходятъ съ большимъ багажемъ разнаго рода предпріятій, сконцентрированныхъ въ ихъ рукахъ.

Государства и община являются теперь въ роли крупнаго предпринимателя... а это открываетъ намъ большіе горизонты, именно: мы на исторіи можемъ прослѣдить, какъ подъ влияніемъ фискальныхъ интересовъ переводится какой-нибудь институтъ въ руки государства, а затѣмъ, подъ влияніемъ интересовъ тѣхъ или иныхъ группъ или интереса всего общества, этотъ институтъ начинаетъ эксплуатироваться государствомъ вовсе не съ фискальной точки зрѣнія, а нерѣдко его услугами предоставляется пользоваться всѣмъ бесплатно; такъ было съ шоссе, съ монетнымъ дѣломъ, съ судомъ и т. д., и здѣсь растяженіе сферы государственныхъ и общинныхъ предпріятій открываетъ возможность расширенія общественнаго пользованія. Ничего нѣтъ невозможнаго, какъ мы уже говорили, что перевозка пассажировъ въ XX вѣкѣ сдѣлается даровою; быть-можетъ, съ переходомъ въ руки государства каменноугольныхъ копей, въ будущемъ каждому члену государства будетъ обезпечено даромъ известное количество каменнаго угля, необходимаго для удовлетворенія потребности въ теплѣ. Но, конечно, это—еще вопросъ будущаго, а пока на ближайшее время человечеству задается одна изъ труднѣйшихъ задачъ, какъ парализовать монопольное эгоистическое стремленіе синдикатовъ. Литература усиленно работаетъ надъ этимъ вопросомъ: предлагается публичность всѣхъ операцій синдикатовъ, просмотръ ихъ книгъ и т. п. А, вѣдь, синдикаты дѣйствительно могутъ создать монополию. Въ Америкѣ недавно былъ проектъ, по которому предлагалось правительству ежегодно ассигновать по 100 милл. долларовъ съ цѣлью выкупа промышленныхъ предпріятій и перевода ихъ въ руки государства. Предлагалось запретить трестамъ пользованіе почтой и телеграфомъ, чтобы убить тресты. Эта проблема, съ которой мы познакомимся подробнѣе далѣе, когда коснемся Америки, за послѣднее время еще болѣе усложняется тѣмъ, что мы наблюдаемъ теперь новыя явленія—объединеніе синдикатовъ и рабочихъ организацій: это—такъ называемые альянсы; рабочіе обязываются, что ихъ члены будутъ работать только у предпринимателей альянса, а предприниматели обязуются допускать къ работѣ лишь членовъ рабочаго союза, и они обязуются повышать заработную плату сообразно съ увеличеніемъ цѣны на свои продукты. Инициатива образованія альянсовъ исходитъ отъ предпринимателей, которые должны были опереться на рабочіе союзы подъ влияніемъ необузданной конкуренціи, и предприниматели сами побуждаютъ тогда рабочихъ объединиться и организоваться. Задачи альянса—установленіе опредѣленныхъ продажныхъ цѣнъ и регулированіе заработной платы на основаніи ихъ. Устанавливаются третейскія суды для разрѣшенія споровъ между сторонами альянса. Въ альянсахъ рабочіе имѣютъ голосъ въ установленіи продажныхъ цѣнъ продуктовъ. Англійскій фабрикантъ Смитъ

24/94 г. 11. 11. 1914

опредѣляетъ число предпринимателей, принадлежащихъ къ вполне организованнымъ альянсамъ, въ 500 человекъ, а число занятыхъ ими рабочихъ—въ 30,000 („Русское Экономическое Обзор.“, „Альянсы“ Лифмана, 1900, кн. 11—12). Это—пока новое явленіе и не вполне еще упрочившееся (см. Jahrbücher Congrad'a за 1901 г.).

Во всякомъ случаѣ это заставляетъ задуматься человѣчество надъ этимъ новымъ теченіемъ, съ которымъ человѣчество перешло въ XX вѣкъ.

Итакъ, XIX вѣкъ открывался мелкими и единоличными предпріятіями, а окончился колоссальными гигантами, такъ называемыми синдикатами и трестами. Множество самыхъ разнообразныхъ предпріятій: желѣзнодорожныхъ, хлопчатобумажныхъ, сахарныхъ, нефтяныхъ, сталелитейныхъ объединились теперь въ могущественные синдикаты и тресты, которые диктуютъ цѣны на мировомъ рынкѣ и безопасно убиваютъ своихъ конкурентовъ. Изъ трестовъ наибольшее крупное значеніе имѣютъ желѣзнодорожные тресты, такъ какъ своевольными тарифами они могутъ въ одной мѣстности создать промышленность, въ другой совсѣмъ уничтожить ее. Создавая благоприятныя условія въ пользу отдѣльныхъ предпринимателей такъ называемыми личными тарифами (tarifs de faveur), они могутъ сдѣлать одного предпринимателя владыкой данной отрасли производства и уничтожить другихъ.

Развитіе крупной промышленности, объединяющей большія группы лицъ подъ одной крышей, развитіе большихъ городовъ,—въ Лондонѣ насчитывается жителей $6\frac{1}{2}$ милл., и по количеству населенія онъ превосходитъ нѣкоторыя государства и даже части свѣта (Австралія),—проведеніе желѣзныхъ дорогъ, уничтожившее пространство, развитіе почтъ и телеграфа—все это сблизило людей, сдѣлало возможнымъ частое общеніе другъ съ другомъ и содѣйствовало ихъ объединенію, содѣйствовало развитію общечеловѣческой и профессиональной солидарности. Люди объединяются, объединяются на почвѣ потребительныхъ обществъ: въ этихъ обществахъ въ 1899 году въ Англіи числилось 1 милл. 677 тыс. членовъ, а всего кооперативныхъ обществъ насчитывается въ Англіи 1,946, и они располагаютъ огромными капиталами (см. мою книгу „Изъ жизни труда“). Люди здѣсь учатся вмѣстѣ думать, вмѣстѣ дѣйствовать, въ нихъ вырабатываются навыки къ совместной общественной жизни, чѣмъ и дорога эта, какъ и всякая другая, организациа. И за послѣднее время объединенные потребители думаютъ выступить въ качествѣ особой политической партіи.

Люди побѣждаютъ природу единеніемъ. Посмотрите, какъ люди объединены въ культурныхъ странахъ. Сколько объединено тамъ въ рабочіе союзы: такъ, въ Англіи въ 1905 году числилось въ рабочихъ союзахъ 1,866 тыс. человекъ, т. е. изъ 100 рабочихъ (промышленныхъ) 26 принадлежало къ профессиональнымъ организациамъ; въ Германіи—1,822 тыс. (24 проц. всѣхъ рабочихъ); въ Даніи—92,627 человекъ, т. е. 49 проц. всѣхъ рабочихъ (Sündbärg 1908 г., стр. 168). Въ Россіи въ профессиональныя организациа объединено совсѣмъ мало народа; подсчетовъ нѣтъ по этому вопросу. Рабочіе союзы прежде были запрещены, да и въ настоящее время, хотя закономъ они и разрѣшены, по администраціи ставитъ всевозможныя препятствія. И здѣсь мы не понимаемъ всей цѣнности коллективнаго дѣйствованія, и искусственно раздѣняемъ людей между собой.

Въ 1907 году въ Англіи числилось 1,173 рабочихъ союза, съ количествомъ членовъ 2,406,746, тогда какъ въ 1904 году членовъ рабочихъ союзовъ насчитывалось всего 1,895,109 человекъ.

Ежегодный доходъ 100 главнѣйшихъ рабочихъ союзовъ составилъ 2,493,282 фунт. стерл., т. е. на наши деньги—около 24 милліоновъ рублей. Капиталь этихъ же 100 союзовъ составлялъ 5,637,661 фунтъ стерл., т. е. около 55 милл. рублей (см. „Labour Gazette“, May, 1909).

Совѣстно намъ не только передъ Англійей, Германіей, Франціей, но и передъ родными по крови славянскими народами, которые понимаютъ великую цѣнность объединенія людей и принципы единенія проводятъ у себя (яркимъ примѣромъ этого можетъ служить Чехія).

Нужно развивать общественность, прививать населенію павыки къ общественной жизни. У насъ для населенія не было поля дѣятельности,—вотъ почему мы не умѣли овладѣть и природой, не можемъ заставить ее вскрыть намъ свои богатства. Посмотрите, если на выборахъ въ законодательныя учрежденія въ Норвегій (гдѣ, какъ и въ Финляндіи, женщины пользуются политическими правами) принимаетъ участіе 33,5 проц. (1907 г.) населенія, въ Финляндіи — 44,1 проц. (1906 г.), въ Германіи (въ рейхстагъ)—22 проц. (1906 г.), въ Бельгій—22,1 проц. (1896 г.), въ Испаніи—22,4 проц. (1891 г.), въ Швейцаріи—22,6 проц. (1906 г.),—то въ Россіи—1,7 проц. (Sundbärg, 1908, стр. 159). А пользованіе политическими правами представляетъ прекрасную школу для населенія.

Развитіе рабочихъ союзовъ оказало крупнѣйшее вліяніе на весь строй экономической жизни: съ развитіемъ ихъ на горизонтѣ сталь вырисовываться типъ такъ называемой „конституціонной“ фабрики. вмѣсто феодальнаго абсолютизма на фабрикахъ стала водворяться оговоренная власть предпринимателя. Рабочіе, организовавшись, выступили равноправной стороной въ установленіи условій труда, и вмѣсто односторонней сдѣлки, условія которой прежде диктовались только предпринимателемъ, явился такъ называемый коллективный договоръ, условія котораго устанавливаются соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, и рабочіе, опираясь на союзы, успѣли многого добиться—и поднятія заработной платы, и сокращенія рабочаго времени. Такъ, заработная плата въ Германіи съ 9—12 марокъ въ недѣлю въ Гамбургѣ въ 60—70-хъ годахъ поднялась до 18 и 24 марокъ въ 1890 г.

Рабочее время, напр., въ Германіи сокращено на 3—4 часа въ день. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ рабочій день продолжался съ 5 час. утра до 8 часовъ вечера, потомъ отъ 5 до 7 часовъ, позднѣе отъ 6 до 7 и, наконецъ, отъ 6 до 6 часовъ (Зомбартъ, „Организаціи труда и трудящихся“, стр. 391).

Оказывается, что рабочіе дѣйствительно могутъ, опираясь на организациі, завоевать себѣ лучшія условія жизни, даже большую долю участія въ общемъ доходѣ производства. Да и опытъ промышленной жизни показалъ, что усовершенствованныя машины требуютъ улучшенныхъ людей; опытъ показалъ, что съ сокращеніемъ рабочаго дня, съ улучшеніемъ питанія рабочихъ производительность труда поднимается, и подъ вліяніемъ указаній опыта и умственного и нравственнаго роста рабочаго класса къ концу XIX вѣка произошелъ цѣлый переворотъ въ міросозерцаніи класса предпринимателей. Они сами увидали, что высоко развитая техника требуетъ высокой заработной платы и короткаго рабочаго времени, и охотно стали прислушиваться къ требованіямъ и пожеланіямъ рабочаго класса. Какъ эти организациі отразились на положеніи рабочаго класса, подробнѣе мы скажемъ далѣе, а пока только подчеркнемъ то, что въ XX вѣкѣ мы вступаемъ съ предпринимателемъ, потерявшимъ значительную долю своей абсолютной власти надъ рабочими; это достигнуто отчасти профессиональной организацией самихъ рабочихъ, а отчасти законодательствомъ. Теперь уже предприниматель не предписываетъ единолично условій труда, а нерѣдко сидитъ съ представителями рабочихъ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, и совместно съ ними устанавливаетъ условія труда.

Другая организациа, чрезвычайно могущественная въ Англій — это, такъ называемыя „дружескія общества“: ихъ насчитывается на 1 января 1899 года

29,985, а членовъ—11.424,810, и они располагают капиталомъ на наши деньги около 370 милл. рублей (см. мою кн. „Изъ жизни труда“). Итакъ, мы присутствуемъ теперь при фактѣ организованности массъ. Прежде, въ XVI, XVII вѣкѣ, масса въ цѣломъ была не организована, за исключеніемъ развѣ цеховой организаціи, и, не будучи организованной, она являлась нулемъ въ общественномъ отношеніи, была безсловесной политической публикой, только иногда дерзавшей аплодировать или шикать тому, что происходило предъ ней на общественной сценѣ, но теперь массы, будучи организованы, оказываютъ крупное вліяніе на государственную и общинную жизнь страны. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ не оказывать этого вліянія, когда существуютъ союзы съ нѣсколькими миллионными членовъ, каковъ, напр., національный фермерскій промышленный союзъ въ Америкѣ съ 3,5 милл. членовъ, основанный г. Хэнли. Этотъ союзъ оригинально построенъ: въ немъ вовсе нѣтъ членскихъ взносовъ, а расходы покрываются отъ коммисіоннаго процента, выручаемаго отъ продажи хлѣба. Въ Соединенныхъ Штатахъ есть еще 4 сельско-хозяйственныхъ союза съ общимъ количествомъ въ 2,4 милл. членовъ, того въ этихъ 5 союзахъ—5,9 милл. членовъ. Вожаки надѣются объединить ихъ и затѣмъ диктовать цѣну на хлѣбъ въ Америкѣ и въ Европѣ; вопросъ даже поднять о совмѣстной организаціи съ европейскими сельско-хозяйственными союзами съ цѣлью регулировать цѣны на хлѣбъ.

Время отъ времени полезно окидывать взоромъ ту колоссальную творческую работу, которая выполняется на Западѣ.

Итоги ея не могутъ не вливать бодрости въ насъ: мы воочію убѣждаемся, какихъ результатовъ здѣсь можно достигнуть.

Съ этой стороны любопытно посмотреть на результаты кооперативнаго движенія въ Англии: количество членовъ въ 1908 г. было 2.446,000, т. е. 9,6 проц. населенія Великобританіи въ возрастѣ 20 лѣтъ и выше.

Капиталъ кооперации—47.000,000 фунт. стерл.; этотъ капиталъ состоитъ изъ савыхъ взносовъ—32,9 милл. ф. стерл., займовъ—10 милл. фунт. стерл. и 3,8 милл. фунт. стерл.—резервный и страховой фондъ.

Торговый оборотъ кооперативныхъ учреждений достигъ 125 милл. фунт. стерл. при чистой прибыли 11,7 милл. фунт. стерл., что составляетъ 35,5 проц. на савой капиталъ.

Упомянутый торговый оборотъ въ 125 милл. ф. стерл. распадается такъ: на отдѣльныя потребительскія общества—69,8 милл. фунт. стерл., на общества оптовыхъ закупокъ—32,4 милл. фунт. стерл. и на производительную кооперацию—22,8 милл. фунт. стерл.

Кооперативныя учреждения содержатъ цѣлую армію служащихъ (свыше 116,000 человекъ).

Кооперативное производство отчасти ведется отдѣльно потребительными обществами (11 милл. фунт. стерл.), обществами оптовыхъ закупокъ (8,5 милл. фунт. стерл.), остальная часть кооперативнаго производства приходится на производительныя товарищества, самостоятельно существующія.

Итакъ, производительная кооперация, главнымъ образомъ, расцвѣла, базируясь на отдѣльныхъ потребительныхъ обществахъ или обществахъ оптовыхъ закупокъ. Это и понятно, такъ какъ такая организація обезпечиваетъ ей рынокъ сбыта.

Часто производительныя товарищества гибнутъ отъ недостатка дисциплины, отъ неимѣнія рынка; но разъ производительное товарищество связано съ потребительнымъ обществомъ, то это послѣднее обезпечиваетъ ему рынокъ сбыта, а, съ другой стороны, оно же играетъ роль властной руки надъ лицами, занятыми въ производствѣ.

Практичные англичане поняли это и развили кооперативное производство на базѣ развѣтвленной системы кооперативныхъ учреждений.

Кооперативное производство охватываетъ теперь весьма многія отрасли, какъ-то: производство пищи, табаку, одежды, мыла, свѣчей, текстильное производство, печатное дѣло, производство мебели, металлообрабатывающую промышленность и т. д.

Организация потребительныхъ обществъ даетъ подсчетъ, какой спросъ существуетъ на тотъ или другой продуктъ и на какіе его сорта, и, слѣдовательно, производительное отдѣленіе потребительнаго общества, направляя свое производство въ опредѣленную сторону, не рискуетъ остаться безъ сбыта: оно заранее знаетъ, что для такого-то продукта сбытъ обезпеченъ, и въ этомъ—весьма сильная сторона англійской системы развитія производительной кооперации.

Мы, русскіе, прежде очень увлекались, да и теперь еще увлекаемся развитіемъ производительныхъ артелей, но мы ихъ строили не на прочномъ фундаментѣ англійской марки, а на колеблющейся почвѣ.

Слабо оборудованную артель мы пускали на обширный рынокъ съ его отливками и приливами, и артель нерѣдко очень скоро садилась у насъ на мель.

И намъ слѣдовало бы воспользоваться уроками Англій и, прежде всего, позаботиться о насажденіи прочной сѣти потребительныхъ обществъ, которыя и сами явятся потребителями продуктовъ производительныхъ товариществъ, а затѣмъ они могутъ сдѣлаться проводниками этихъ продуктовъ къ потребителямъ, т. е., слѣдовательно, какъ бы агентами по сбыту этихъ продуктовъ.

Одной идейности здѣсь мало; нужно внести англійскую дѣловитость, практичность.

Ознакомленіе съ опытомъ другихъ странъ не только вливаетъ бодрость въ насъ, но и указываетъ пути, какъ мы можемъ достигъ и лучшихъ результатовъ.

Хотя Россія и считается страной артельныхъ начинаній, но, какъ мы видѣли, кооперативное производство въ Англій достигло почти 220 милліоновъ рублей на наши деньги, и съ этой стороны мы далеко отстали отъ Англій и даже въ этой области должны перестать кичиться, и какъ ни грустно, но надо сознаться, что и въ созданіи производительныхъ кооперативовъ огромную роль играетъ культура, и, пока мы не поднимемъ ее, до тѣхъ поръ всякія артельныя начинанія будутъ строиться на зыбкомъ пескѣ.

Итакъ, вмѣсто одинокаго ткача, съ которымъ зарождался XIX вѣкъ, въ XX вѣкъ мы вступаемъ съ крупнѣйшими 10—100-тысячными и даже милліонными организациями трудящагося люда, голосъ котораго сильно и увѣренно раздается въ общественныхъ дѣлахъ¹⁾. Они выступаютъ на западѣ сплоченной силой въ парламентахъ со своими требованіями и пожеланіями. Эти организациі дали XIX вѣкъ, создала паровая машина. И организованная масса, или, лучше—подъ влияніемъ ихъ—государственная власть принялась за коренной пересмотръ многихъ институтовъ; такъ, прежде всего на вѣсы, развѣшивающіе налоговое бремя, поставлены были новыя гири, чтобы эти вѣсы, развѣшивая это бремя, не обвѣшивали, какъ это нерѣдко бывало въ прежнія эпохи, и во всѣхъ странахъ во весь XIX вѣкъ мы видимъ усиленную работу по перевѣсу налогового бремени: уничтожаются налоги на мясо, на хлѣбъ, на соль, подушные и вообще

¹⁾ Дезорганизацией начался XIX вѣкъ и организацией онъ кончается. Незащищенностью массъ онъ начинается, а теперь, словно шлемы, профессіе мальмыя организациі разнаго рода прикрываютъ трудящихся.

налоги на предметы первой необходимости, и вводятся масштабы болѣе уравнительные, посредствомъ которыхъ налоговое бремя перекладывается на плечи болѣе имущихъ, а именно—вводится подоходное обложение; при томъ нерѣдко прогрессивное, общепонимательный налогъ, налоги на роскошь, облагается рента, этотъ незаслуженный приростъ поземельной цѣнности, который прежде шель въ карманы землевладельцевъ и домовладельцевъ, вводится въ городахъ такъ наз. „спеціальное обложение“ (см. далѣе). И здѣсь, слѣдовательно, организованныя массы наложили свой штемпель.

Подъ влияніемъ организованности трудящихся развивается фабричное законодательство. Всякій долженъ теперь признать, что страна обязана многимъ мѣрами большой социальной важности влиянію рабочихъ организаций. Фабричное законодательство, законы о дѣтскомъ трудѣ являясь примѣромъ этого. Вѣрно, что и другія лица присоединились, чтобы поддержать этотъ родъ законодательства, но имъ ранѣе не доставало реальной силы—голосовъ, которыми располагають рабочія организации. Недавно еще говорили о рабочихъ организацияхъ, какъ объ угрозѣ обществу, теперь же здравомыслящіе люди начинаютъ смотрѣть на нихъ, какъ на болѣе могучій и болѣе внушающій надежду факторъ въ построеніи экономическихъ и социальныхъ реформъ. Мы должны смотрѣть, говорить Беккеръ, на рабочія организации, какъ на крупный факторъ, содѣйствующій движенію въ пользу реформъ (Baker, „Monopolies and the people“, 1899 г.).

Къ требованіямъ трудящихся начинаютъ прислушиваться, но надо замѣтить, что прислушиваются не только подъ влияніемъ народившейся силы, но и потому, что развитіе путей сообщенія, сблизившее людей, созданіе крупныхъ центровъ, развитіе товарнаго мѣшного хозяйства, когда человѣкъ только ничтожную долю своихъ потребностей удовлетворяетъ самъ, а удовлетвореніе громаднаго большинства стоитъ въ тѣсной зависимости отъ всего общества, развивають солидарность интересовъ,—общечеловѣческую солидарность, выходящую изъ рамокъ профессиональной и классовой. Вѣдь, развитіе народнаго хозяйства въ единый организмъ ведетъ къ тому, что всякая болѣзнь этого организма далеко отражается и нерѣдко отражается во всѣхъ его частяхъ, а потому нерѣдко сильная группа при развѣскѣ налогового бремени не рѣшается отбѣсить другой группѣ столько, чтобы отъ этого плечи этой группы согнулись, такъ какъ нерѣдко отъ правильного функционирования этой группы зависитъ процвѣтаніе и самой развивающейся группы, которая въ данное время приобрѣла особое влияніе у вѣсовъ. Подъ влияніемъ этой общечеловѣческой солидарности развивается забота о жилищахъ для бѣднаго населенія, забота о лучшемъ положеніи рабочихъ, о сокращеніи рабочаго дня, о повышеніи заработной платы, о лучшихъ санитарныхъ и гигиеническихъ условіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, при этой связанности людей, когда большинство нашихъ потребностей удовлетворяется трудомъ другихъ, для насъ очень важно, въ какихъ условіяхъ находится этотъ трудъ другихъ: если онъ дурно оплачивается, если трудящійся вынужденъ проводить за работой цѣлыя ночи, если онъ работаетъ въ дурныхъ санитарныхъ условіяхъ, то онъ болѣе будетъ подверженъ заболѣванію, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ опасность, что вмѣстѣ съ приготовленными продуктами въ нашъ домъ проникнетъ болѣзнь, зараза, и уже одно это заставляетъ людей въ общемъ интересъ принимать мѣры по улучшенію условій труда, такъ какъ дурныя условія труда представляютъ крупную общественную опасность. На уединенно стоящемъ зданіи можно допустить соломенную крышу, но въ центрѣ города—вблизи желѣзной дороги—невозможно.

Отчасти подъ влияніемъ этого момента, какъ характернѣйшая черта конца XIX вѣка, являются т. н. „лиги потребителей“, гдѣ самое общество отказывается приобретать продукты, произведенные при дурной санитарной обстановкѣ, при

неблагоприятныхъ условіяхъ труда, и за производствомъ вводить свой собственный общественный контроль (см. мою ст. „Ворьба общества и государства съ дурными условіями труда“, въ моемъ сборникѣ „Изъ жизни труда“).

Развитіе этой общечеловѣческой солидарности налагаетъ много новыхъ задачъ на общество и государство: вводятся страхованія отъ болѣзни, безработицы, отъ градобія, страхованія движимаго и недвижимаго имущества, облегчается малоимущимъ пользованіе кредитомъ, устраиваются бюро по присканію работы, перѣдко оказывающія эти услуги даромъ, создаются дешевые желѣзнодорожные поѣзда въ цѣляхъ расселенія населенія изъ городовъ, чтобы обезпечить послѣднему лучшія жилищныя условія, строятся дешевыя жилища, создаются строгія санитарныя предписанія и т. д., все это отчасти изъ цѣлей самосохраненія, отчасти подъ влияніемъ требованія организованныхъ массъ, а отчасти подъ влияніемъ болѣе глубокаго чувства, создаваемого сознаніемъ зависимости людей другъ отъ друга и необходимости общенія другъ съ другомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, болные при распространеніи эпидеміи представляютъ, конечно, при современной легкости сообщеній, крупную общественную опасность, и населенію необходимо обезпечивать медицинскую помощь; безработные содѣйствуютъ накопленію недовольства въ современномъ обществѣ и могутъ вести къ волненіямъ,—подъ влияніемъ этого на исходѣ XIX вѣка принимаются энергичныя мѣры, а все это требуетъ средствъ, и мы видимъ, какъ быстро за послѣднее время растутъ бюджеты. Множество потребностей, которыя прежде исключительно послали индивидуальный характеръ, теперь перешли въ разрядъ государственныхъ или общинныхъ, удовлетворяемыхъ на общественный счетъ.

Да, человѣчество заботится объ улучшеніи условій своего существованія, о поднятіи санитарной жилищной обстановки, объ образованіи населенія, но совершенно не обращаетъ вниманія на улучшеніе человѣческой породы путемъ физическаго подбора. Съ этой стороны оно больше заботится объ улучшеніи породы лошадей, но не себѣ подобныхъ. Этотъ вопросъ какъ-то обходится въ примѣненіи къ человѣку, а, между тѣмъ, это—вопросъ величайшей важности.

Но, повидимому, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ этомъ отношеніи дѣлаютъ шагъ впередъ. Практичные американцы и здѣсь оригинально посмотрѣли на вопросъ: они прежде всего поражены фактомъ увеличенія процента дегенератовъ: количество ихъ быстрѣе растетъ, чѣмъ самое населеніе, и Штаты постоянно чувствуютъ необходимость воздвигать все новыя и новыя учрежденія, чтобы содержать въ нихъ дегенератовъ—слабоумныхъ, идиотовъ, эпилептиковъ и т. д.

Любопытно, что вслѣдствіе лучшаго оборудованія учреждений, гдѣ содержатся слабоумные, преступники, идиоты и т. п., за послѣднія 20 лѣтъ средняя продолжительность жизни этихъ лицъ увеличилась на 8 лѣтъ, по даннымъ г. Хёрти, секретаря индіанской государственной управы народнаго здравія, и въ то же время средняя продолжительность жизни населенія увеличилась за тотъ же періодъ только на 4—5 лѣтъ. Эта параллель вскрываетъ весьма невыгодную сторону современнаго положенія вещей. Вотъ это-то, между прочимъ, и было причиной особыхъ оригинальныхъ законовъ, проведенныхъ за послѣдніе годы въ штатѣ Индіана. Мотивы къ законамъ, которые мы изложимъ дальше, г. Хёрти излагаетъ такъ: образованіе не можетъ сдѣлать изъ дегенерата нормальнаго человѣка, и избавиться отъ дегенератовъ можно только путемъ воспрепятствованія имъ размножаться, и контроль надъ размноженіемъ и извѣстныя ограниченія въ этой сферѣ могутъ быть примѣняемы какъ относительно низшихъ животныхъ, такъ и относительно человѣческой семьи. Интересы сохраненія націи должны быть доминирующими.

Люди, въ самую дѣлѣ, настолько въ настоящее время связаны между

собой, что они должны быть самымъ кровнымъ образомъ заинтересованы, какое нарождается новое поколѣніе. Въ настоящее время ограниченія налагаются чуть ли не на всѣ стороны жизни: человекъ не хочетъ учиться, а его заставляютъ; онъ не хочетъ, будучи боленъ, ложиться въ больницу, а его принудительно кладутъ, если онъ боленъ заразительной болѣзью; онъ хочетъ крышу своего дома покрыть деревомъ, а отъ него требуютъ, чтобы онъ покрывалъ ее желѣзомъ; онъ хочетъ употреблять спиртные напитки, а ему ихъ не даютъ тамъ, гдѣ существуетъ запрещеніе торговать спиртными напитками.

Вотъ все это и заставило штатъ Индіану принять „единственные научные и практические пріемы для того, чтобы предупредить появленіе на свѣтъ Божій дефектныхъ экземпляровъ рода человѣческаго“.

По закону 1905 года, въ Индіанѣ для совершенія брака требуется особая лиценція, которая выдается только по письменному заявленію. Форма этого заявленія составляется государственной управой народнаго здравія, но эта лиценція не можетъ быть выдана, если одна изъ сторонъ является эпилептикомъ или сумасшедшимъ, или одна изъ сторонъ больна какой-нибудь заразной болѣзью, или если мужчина находится или раньше былъ въ теченіе пяти лѣтъ въ убѣжищѣ для бѣдныхъ; а бракъ, заключенный безъ такой лиценціи, считается незаконнымъ, и клеркъ, выдавшій такое разрѣшеніе на бракъ лицамъ, не имѣющимъ на него права, подвергается штрафу въ 100 долларовъ; такому же штрафу подвергаются и лица, заключившія бракъ, когда у нихъ не было соответствующаго разрѣшенія.

Скоро этотъ законъ былъ дополненъ другимъ. Новый законъ такъ и называется актомъ въ цѣляхъ предупрежденія продолженія потомства со стороны заключенныхъ преступниковъ, идіотовъ, разслабленныхъ (imbeciles).

По этому закону, на каждое находящееся на территоріи штата учрежденіе, гдѣ заключены преступники, идіоты, слабоумные, возложена обязанность назначать двухъ врачей признанной опытности („recognized ability“), на обязанности которыхъ, вмѣстѣ съ главнымъ врачомъ учрежденія, лежитъ изслѣдованіе умственнаго и физическаго состоянія кліентовъ даннаго учрежденія. Если по изслѣдованію этихъ экспертовъ окажется, что нѣтъ вѣроятности въ улучшеніи умственнаго и физическаго состоянія того или другого субъекта, и что продолженіе ихъ рода нежелательно, то считается законнымъ (law ful) для врачей совершить такую операцію для предупрежденія воспроизведенія рода, которая будетъ найдена наиболѣе дѣйствительной и наиболѣе безвредной для кліента, но операція можетъ быть произведена только въ такихъ случаяхъ, гдѣ нельзя надѣяться на улучшеніе умственнаго и физическаго состоянія кліента.

Такая стерилизація совершается не путемъ кастраціи (последняя вредно дѣйствуетъ на здороваго человека), а посредствомъ особой операціи, такъ называемой вазотоміи. Она дѣлается безъ малѣйшей опасности и можетъ быть совершена въ какия-нибудь три минуты подъ кокаиномъ, путемъ надрѣза менѣе, чѣмъ въ поддѣйма длины. После нея не нужно лежать въ постели, она менѣе серьезна, чѣмъ удаленіе зуба. При посредствѣ этой операціи перерѣзываются особые каналы (если не ошибаюсь, такъ называемые канатики), и если бы позднѣе здоровье того или другого субъекта возстановилось, то эти разрѣзанные концы легко могутъ быть соединены, и лицо опять получаетъ возможность продолжать родъ. Еще ранѣе проведенія этого закона американскіе врачи штата Индіана, по добровольному соглашенію съ кліентами упомянутыхъ категорій, совершали подобныя операціи цѣлымъ сотнями, и у оперированныхъ не наблюдалось никакихъ дурныхъ симптомовъ, первнаго состоянія или умственнаго разстройства; наоборотъ, по отзыву доктора Шерпа, который совершилъ нѣсколько сотъ такихъ операцій, пациенты дѣлались веселѣй, даже своимъ друзьямъ софѣ-

товали совершить ту же самую операцію. Эта операція,—вазотомія,—не оказываетъ никакого вліянія на половую силу,—это установлено огромнымъ количествомъ наблюденій, и въ Соединенныхъ Штатахъ даже женатые мужчины иногда прибѣгаютъ къ такой операціи, если они боятся передать какіе-нибудь свои умственные или физическіе дефекты будущему потомству и предпочитаютъ лучше отказываться имѣть потомство. Нѣкоторыя измѣненія въ операціи могутъ лишить человѣка навсегда возможности имѣть потомство. Это—такъ называемая вазектомія.

Въ тюрьмѣ въ Джефферсонвилѣ послѣ принятія упомянутаго закона въ 1907 г. свыше 300 заключенныхъ моложе 30-ти лѣтъ были стерилизованы, нѣкоторые принудительно, а свыше 200 изъ нихъ — по собственному желанію.

У меня въ рукахъ имѣется собственноручное письмо (на имя моего друга д-ра Н., которому я обязанъ матеріалами по этому интересному вопросу) упомянутаго секретаря государственной управы народнаго здравія въ Индианѣ м-ра Хёрти, который пишетъ, что этотъ законъ дѣйствуетъ очень хорошо (*this law is working ver well indeed*), и „мы надѣемся,—пишетъ дальше г. секретарь,—что эти законы будутъ дѣйствовать въ интересахъ улучшенія и поднятія расы“.

Вотъ на какой путь, въ высшей степени интересный и характерный, вступилъ штатъ Индіана въ Америкѣ.

Дѣйствительно, связанность людей растетъ, вмѣстѣ съ этимъ поднимается и заинтересованность въ условіяхъ существованія себѣ подобныхъ, вотъ почему вмѣшательство общества и государства дѣлается все шире и шире и начинаетъ проникать въ самые интимныя области какъ духовной, такъ и физической жизни. Такъ, школа ставится внѣ конфессіональнаго вліянія, чтобы обезпечить болѣе свободное развитіе духа и тѣмъ поднять духовную культуру. Такъ и въ только что приведенной области дѣлаются первые шаги, но весьма важные для радикальнаго поднятія человѣческой расы. Возможно, что въ будущемъ нашему потомству эти шаги будутъ казаться ничтожными сравнительно съ тѣмъ широкимъ вмѣшательствомъ, котораго въ будущемъ можно, на мой взглядъ, ожидать въ этой области. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь затрогиваются существеннѣйшіе интересы всего общежитія, и внѣ контроля общества эта область не можетъ оставаться, иначе улучшеніе условій экономическаго существованія, жилищныхъ, санитарныхъ и такъ далѣе будетъ только палліативомъ.

Массы тянутся къ свѣту. Желѣзныя дороги создали современную печать, и въ этомъ отношеніи достигнутыми успѣхами міръ можетъ гордиться: въ мірѣ выходитъ ежегодно 12 тыс. милл. экземпляровъ газетъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ было не болѣе 100 библиотекъ съ 50,000 книгъ, а теперь—10,000 съ 40,000,000 книгъ (*The 19 Century. A Review of Progress, New-York, 1901 г., стр. 155*).

Запертыя въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій въ мрачныхъ сводахъ средне-вѣковаго католицизма, массы съ жадностью ловятъ первые пробивающіеся лучи свѣта... Они разбиваютъ готическія раскрашенныя стекла: промышленная волна помогаетъ имъ, унося послѣдніе остатки этой тюрьмы, и мы видимъ огромный ростъ бюджетовъ на народное образованіе, и въ этомъ массы встрѣчаютъ себѣ союзника—растущую промышленность: лозунгъ ея—хорошій, бодрый, умственно-развитой рабочій.

Положеніе массъ улучшилось: заработная плата поднялась, цѣны на многіе продукты понизились, и реальная заработная плата въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1860—1891 гг. поднялась на 60%, а въ Великобританіи — больше, чѣмъ

на 70%.—такъ, каменщики въ Эдинбургѣ въ 1810 году получали 17 шилл. въ недѣлю, а въ 1897 году—38 (Боулей¹⁾).

Рабочее время сократилось, стало больше досуга. Трудящіеся стали образованнѣе. Ихъ общественное положеніе поднялось. Мы имѣемъ въ виду созданіе упомянутого новаго типа фабрики. Ихъ общественное вліяніе усиливается, къ ихъ голосу прислушиваются, создаются учрежденія, изслѣдующія интересы труда, положеніе его (бюро труда въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи, Англіи и т. д.).

Организованныя массы стремятся оказывать болѣе вліяніе на общественную власть, и гдѣ государство явно не становится на сторону одной группы, а хотя бы въ интересахъ самосохраненія дѣлаетъ уступки справедливымъ требованіямъ трудящихся массъ и хотя бы кончикомъ своего покрова покрываетъ и согрѣваетъ и этихъ послѣднихъ и даетъ имъ крохи съ своего стола, тамъ въ концѣ XIX вѣка социальное развитіе начинаетъ направляться на мирный путь, растетъ довѣріе къ государственной власти, растетъ расположеніе къ мирной борьбѣ за реформы (какъ, напр., въ Англіи и Германіи), здѣсь даже крайнія группы начинаютъ приобрѣтать другой характеръ: вывѣсиваютъ на своемъ знамени девизъ эволюціи и новый строй пытаются влести въ рамки существующаго.

Тамъ же, гдѣ государственная власть становится исключительно на сторону одной группы, и влаждующіе классы остаются глухими къ стону и слезамъ трудящихся, тамъ отчаяніе заползаетъ въ душу современнаго человѣка, онъ перестаетъ вѣрить въ прогрессъ, въ возможность счастья, въ развитіе, и тамъ мы видимъ развитіе крайнихъ ученій до анархизма включительно (Италія, Испанія, отчасти Америка; въ послѣдней надвигающаяся гроза рабства трестовъ наполняетъ душу человѣка отчаяніемъ). Во Франціи государственная машина мало работаетъ—она стоитъ, и это бездѣйствіе лишаетъ человѣка вѣры въ мирный прогрессъ. Въ XX вѣкѣ разныя страны перешли съ неодинаковой психологіей, и потому и пьесы будутъ разыгрываться съ различными вариациями.

Вмѣстѣ съ поднятіемъ трудящихся массъ, въ Европѣ падаетъ экономическое положеніе землевладѣльцевъ, и мы видимъ рядъ мѣръ, которыя имѣютъ цѣлью ослабить это паденіе, но предотвратить его невозможно (аграрный протекціонизмъ). Одновременно достигла огромнаго развитія группа промышленниковъ, она сконцентрировала въ своихъ рукахъ огромныя богатства, она накладываетъ свою печать на всю общественную жизнь, подъ ея вліяніемъ создаются экспортныя преміи, субсидіи, таможенные тарифы, торговыя экспедиціи, предпринимаются колониальныя авантюры и т. д.

Развитіе промышленности заставляетъ все страны отыскивать себѣ новые рынки, и колониальная политика требуетъ крупныхъ суммъ. Колониальныя владѣнія нѣкоторыхъ странъ достигли огромнаго размѣра: такъ, англійскія колоніи по размѣру пространства превосходятъ метрополию въ 100 разъ, тогда какъ въ Россіи метрополія превосходитъ колоніи въ то же количество разъ (Daily Mail Yearbook, 105).

Огромное вліяніе этой группы промышленниковъ и группъ трудящихся ведетъ къ росту бюджетовъ, этотъ же ростъ бюджетовъ обусловливается и переходомъ многихъ предпріятій въ руки государства, въ особенности—железныхъ дорогъ, и созданіемъ множества новыхъ задачъ съ развитіемъ солидарности людей;

¹⁾ Economic Journal, March 1895. „Wages in the United States and Great Britain“ by Bowley и того же автора, „Wages in the United Kingdom“. Ростъ заработной платы въ Англіи въ денежной формѣ и реальной заработной платы, выраженной въ ея покупательной силѣ на шеницу, за XIX в. наглядно рисуется въ двухъ діаграммахъ, помѣщенныхъ въ книгѣ G. Steffen'a „Studien zur Geschichte der englischen Lohnarbeiter“, B. I, Th. I. Stuttgart, 1900, стр. 112—3.

мы уже упоминали, какъ съ развитіемъ мѣноваго оборота появляются новыя задачи, которыя прежде были неизвѣстны, и неудвительно, что бюджеты удваиваются и утраиваются: такъ, въ 1817 году англійскій бюджетъ равнялся 58 милл. ф. ст., а въ 1899 году онъ достигъ 111 милл. ф. ст. Нашъ бюджетъ со 100 милл. руб. въ началѣ этого вѣка достигъ 2¹/₂ миллиардовъ. Это, конечно, съ особой силой выдвигаетъ вопросъ о повѣркѣ тѣхъ вѣсовъ, на которыхъ развѣшивается налоговое бремя, и потому-то сильнѣе всего борьба кипитъ въ настоящее время именно около этихъ вопросовъ: кому развѣшивать и по какому масштабу развѣшивать, и такъ какъ къ вѣсамъ притиснулись въ настоящее время другія группы, которыя прежде не играли роли, то мы видимъ дѣйствительно коренныя реформы въ этой сферѣ.

Итакъ, XIX вѣкъ организовалъ массы. Организованныя группы стоятъ другъ противъ друга, готовы защищать свои интересы. Массы подраздѣляются на группы по своему экономическому положенію, по обособленности интересовъ; своей организаціей группы пользуются для лучшей защиты своихъ интересовъ. Казалось бы, эти группы должны были дѣйствовать исключительно въ эгоистическомъ интересѣ, каждая отстаивая свои собственные интересы, между тѣмъ тотъ же XIX вѣкъ, расчленивъ населеніе на ярко очерченныя группы, создалъ, какъ мы говорили, и общественную и государственную солидарность, когда всѣ эти группы объединяются, преслѣдуя общія интересы или дѣлая взаимныя уступки даже въ ущербъ своимъ интересамъ, чтобы обезпечить цѣлое: экономическая эволюція, какъ бы то ни было, видѣруетъ группамъ идею важности здороваго существованія цѣлаго въ интересахъ благоденствія отдѣльныхъ группъ.

Подъ вліяніемъ этой связанности людей, этой чуткости всего народнаго организма къ малѣйшимъ сотрясеніямъ въ разныхъ его частяхъ, мы являемся свидѣтелями неоднократныхъ фактовъ, какъ отдѣльныя группы нерѣдко не используютъ въ той мѣрѣ своего общественаго вліянія, какъ это они могли бы сдѣлать, если бы у нихъ отсутствовало сознаніе необходимости существованія цѣлаго. Эта идея, которая, несомнѣнно, теперь развивается, оказываетъ сдерживающее вліяніе на борьбу эгоистическихъ интересовъ отдѣльныхъ группъ; группы подъ вліяніемъ этого далеко не въ полной мѣрѣ используютъ свое положеніе, потому-то мы и видимъ, что въ настоящее время государственная власть стремится получить нѣкоторое нейтральное положеніе среди борющихся. Мы говоримъ — стремится, но не получила, и быть-можетъ, подъ вліяніемъ грозныхъ симптомовъ Америки, она совсѣмъ не получила.

Отказываясь отъ использованія части своей побѣды, та или иная группа какъ бы страхуетъ продолжительность своего хозяйственнаго счастья, и этотъ отказъ отъ части полученной побѣды можно разсматривать какъ родъ страхово-вой преміи...

Усложненіе экономической жизни дифференцируетъ обширныя группы, создавая все болѣе и болѣе обособленныя, болѣе и болѣе различающіяся другъ отъ друга по своимъ интересамъ, а этотъ фактъ опять-таки даетъ новое объясненіе, почему государственная власть въ настоящее время стремится принять именно нейтральное положеніе; этотъ фактъ еще болѣе усиливаетъ послѣднюю тенденцію.

Подъ вліяніемъ новыхъ интересовъ сегментируются цѣлыя группы; подъ вліяніемъ новыхъ экономическихъ отношеній группы сегментируются первоначально по какому-нибудь одному вопросу, и только постепенно совершается процессъ полного распада обширныхъ группъ на нѣсколько новыхъ подгруппъ, и тогда каждая изъ нихъ является носителемъ своихъ особыхъ интересовъ: конечно, интересы общей солидарности могутъ связать всѣ эти разрозненныя группы, всѣ онѣ съ одинаковымъ рвеніемъ могутъ сойтись на преслѣдованіи одного интереса, напр., защиты цѣлости государства: въ этомъ случаѣ

группы могутъ жертвовать своими интересами, потому-то мы и видимъ нерѣдко, что въ такіе моменты общаго подъема проводятся мѣры, для которыхъ въ данномъ обществѣ нѣтъ нужнаго соотношенія групповыхъ силъ: такія мѣры проходятъ исключительно потому, что группы отказываются отъ преслѣдованія своихъ интересовъ, чтобы спасти цѣлое.

Помимо такого объединенія всѣхъ группъ на преслѣдованіи одной задачи, коалиціи могутъ совершаться между нѣкоторыми группами; при этомъ въ цѣляхъ объединенія могутъ дѣлаться и дѣлаются отдѣльными группами тѣ или другія уступки, заключаются сдѣлки, нерѣдко носящія чисто коммерческой характеръ,— такимъ путемъ подъ влияніемъ этихъ факторовъ совершались реформы въ XIX вѣкѣ: то наиболѣе сильная группа проводила реформу въ своемъ интересѣ, то коалиціи нѣсколькихъ группъ входили въ соглашеніе другъ съ другомъ и путемъ взаимныхъ уступокъ вырабатывали компромиссъ, который и облекался въ законъ, то, наконецъ, подъ влияніемъ опасности внѣшней или внутренней всѣ группы объединялись и проводили мѣры въ общемъ интересѣ, въ интересахъ цѣлаго.

Правда, интересы группы диктовались исключительно узкими близорукими собственными интересами, но нерѣдко и интересы цѣлаго играли крупную роль.

Мало того, даже односторонняя дѣятельность отдѣльныхъ группъ умѣряется на исходѣ XIX вѣка такъ называемыми нейтральными группами къ данному вопросу. Въ самомъ дѣлѣ, по каждому почти вопросу въ данной странѣ могутъ имѣться на лицо такія группы, для которыхъ ни холодно, ни жарко отъ того или другого рѣшенія вопроса, и эти группы, не будучи заинтересованы въ данномъ вопросѣ, можно предполагать, при рѣшеніи этого вопроса, подадутъ свой голосъ въ общемъ интересѣ и такимъ образомъ въ состояніи будутъ умѣрять требованія побѣждающей группы, если, конечно, онѣ не вступятъ въ компромиссъ съ какой-нибудь заинтересованной стороной.

Между тѣмъ сложность современной экономической жизни все болѣе и болѣе ведетъ къ дифференціаціи группъ, а это обезпечиваетъ наличность нейтральнаго отношенія хотя бы нѣкотораго числа группъ ко многимъ вопросамъ, а, слѣдовательно, это является залогомъ того, что будетъ расти умѣряющее влияние этихъ группъ. Нейтральныя группы могутъ вступить въ общемъ интересѣ въ споръ нѣсколькихъ группъ, и это онѣ могутъ сдѣлать просто потому, что эта ихъ дѣятельность въ данномъ случаѣ въ общемъ интересѣ выгодна для нихъ самихъ, если не непосредственно, то посредственно, ради поддержанія цѣлаго, ради развитія общей солидарности, а, кромѣ того, группа, вступая въ общемъ интересѣ въ данный споръ, окружаетъ себя извѣстнымъ ореоломъ и тѣмъ самымъ затушевываетъ эгоистическій характеръ своихъ собственныхъ стремленій и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она будетъ выступать въ собственномъ интересѣ, а это, конечно, будетъ содѣйствовать усѣхамъ ея собственной борьбы. Въ замомъ дѣлѣ, всякая партія въ борьбѣ стремится придать ореолъ святости своимъ стремленіямъ, для чего и создаются нерѣдко очень замысловатая идеологія, и если представляется случай вступить въ борьбу другихъ группъ съ точки зрѣнія общаго интереса, справедливаго разграниченія сферъ влияния этихъ борющихся группъ, то для нейтральной группы нѣтъ основанія упустить такой случай, который окружить ее ореоломъ справедливости и святости, а это—такое приобрѣтеніе, которое окажетъ серьезную услугу группѣ въ дальнѣйшей ея борьбѣ за свои пожеланія.

Нейтральная группа можетъ вступить въ цѣлю справедливаго разграниченія сферъ влияния борющихся группъ, когда она видитъ, что иначе можетъ быть нанесенъ ущербъ цѣлому, частью котораго она является. Итакъ, экономическая дифференціація XIX вѣка, расслоя населеніе, гарантируетъ наличность

нейтральныхъ группъ по многимъ вопросамъ, и это умѣряюще воздействуетъ на борьбу группъ. Нейтральные группы даже служатъ новымъ реформирующимъ стимуломъ, гдѣ дифференціація—тамъ и жизнь, движеніе. . .

При малой дифференціаціи населенія нерѣдко мы видимъ застои, такъ какъ группа наиболѣе вліятельная, использовавъ свое вліяніе, не имѣетъ интереса къ дальнѣйшей реформаторской работѣ, но гдѣ населеніе дифференцировано, тамъ постоянно возникаютъ новыя комбинаціи между группами, постоянно происходятъ броженія среди нихъ, и это является залогомъ того, что жизнь пойдетъ впередъ. . .

Если мы сравнимъ реформаторскую работу въ области законодательства въ прежніе вѣка и въ теченіе XIX вѣка, то мы будемъ поражены быстрымъ темпомъ послѣдней въ наше время. Здѣсь вполне умѣстна параллель между скоростью передвиженія въ XVIII вѣкѣ и молніеносными поѣздами въ концѣ XIX вѣка; силой пара, на которой летитъ соціальное законодательство XIX вѣка, является дифференціація населенія и организованность группъ, и можно предполагать, что и въ XX вѣкѣ эта дифференціація будетъ усиливаться и роль законодателя пойдетъ еще болѣе усиленнымъ темпомъ. Въ концѣ XIX вѣка государство начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторое морализующее значеніе, умѣряющее борьбу, и съ этимъ новымъ пріобрѣтеніемъ человечество вступаетъ въ XX вѣкъ. Правда, это—великое пріобрѣтеніе, но прочно ли оно, вотъ вопросъ, наполняющій душу человѣка XX столѣтія тяжелыми сомнѣніями.

Подъ вліяніемъ общечеловѣческой солидарности и цѣля государства начинаютъ объединяться между собой; такъ, мы видимъ теперь почтовый, телеграфный союзы, видимъ попытки соглашеній по валютному вопросу, поднять вопросъ подѣ вліяніемъ интенсивнаго обмѣна о введеніи единаго языка, единыхъ мѣръ и вѣсовъ; съ цѣлью еще болѣе облегчить сношенія людей поставленъ вопросъ объ единой почтовой маркѣ. И, вѣроятно, скоро мы будемъ присутствовать при международныхъ соглашеніяхъ по фабричному законодательству, по обложенію. И теперь уже различный уровень фабричнаго законодательства въ разныхъ странахъ вноситъ много усложненій въ экономическую международную жизнь, такъ какъ странамъ съ хорошо развитымъ фабричнымъ законодательствомъ приходится защищать условія труда отъ продуктовъ, произведенныхъ низкокачественнымъ, дурно оплачиваемымъ трудомъ, и уже на международныхъ конгрессахъ возбуждаются вопросы объ особенномъ повышенномъ тарифѣ противъ странъ съ отсталымъ фабричнымъ законодательствомъ. Развитіе цѣнныхъ бумагъ ставитъ вопросъ о международномъ соглашеніи по поводу обложенія ихъ. При легкости сообщеній изъ одной страны въ другую, страны начинаютъ быть заинтересованы въ томъ, на какомъ уровнѣ стоитъ образованіе въ другихъ странахъ, какіе тамъ развиваются навыки къ общественной жизни, такъ какъ человѣкъ все болѣе и болѣе дѣлается теперь наиболѣе легко переносимымъ товаромъ, и наплывъ въ какую-либо страну эмигрантовъ, состоящихъ изъ людей мало образованныхъ, невѣжественныхъ, съ антиобщественными инстинктами, представляетъ крупную опасность, потому-то мы видимъ, какъ Соединенные Штаты, Австралія борются противъ наплыва къ себѣ китайцевъ, и возможно, что въ будущемъ это поведетъ къ международнымъ соглашениямъ относительно введенія обязательности образованія, обязательности пріобрѣтенія каждымъ извѣстнаго уровня знаній, и только лицамъ, удовлетворяющимъ этимъ условіямъ, будетъ открытъ доступъ и въ другія страны, какъ это недавно проектировалось въ Австраліи. И такъ, не только мы заинтересованы теперь въ томъ, какъ живетъ нашъ сосѣдъ, насколько онъ умственно развитъ, что онъ пьетъ, ѣстъ, во что одѣвается, при какихъ условіяхъ работаетъ, но и заинтересованы въ томъ, какое образованіе получаютъ граждане другихъ странъ, какія у нихъ привычки,

потребности; такъ, прусскіе сельско-хозяйственные рабочіе неспавидать русскаго батрака, приходящаго работать въ Пруссію, такъ какъ онъ, вслѣдствіе своего низкаго уровня развитія и уровня жизни, сбиваетъ цѣну на трудъ, и, конечно, прусскій рабочій заинтересованъ въ томъ, чтобы уровень жизни русскаго былъ повышенъ. . . Австрійскіе рабочіе сильно чувствуютъ низкій культурный уровень китайцевъ и т. д. Итакъ, мы здѣсь открываемъ уже слѣды международной общечеловѣческой солидарности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Развитіе международныхъ отношеній заставляетъ всѣ государства заботиться, чтобы человѣкъ сдѣлался болѣе подвижнымъ. Національныя рамки для приложенія энергіи слишкомъ узки, онъ бѣтается о нихъ, онъ просится за нихъ, ему надо дать крылья, — широкое образованіе. . .

Государственный кредитъ куеть новую связь, крѣпкую, цѣпкую куеть міровую связь.

Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время цѣлыя большія государства являются кредиторами другихъ: у нихъ такъ быстро совершается процессъ накопленія, что они часть своихъ средствъ помѣщаютъ въ цѣнности другихъ государствъ, оттого-то они становятся заинтересованными въ процвѣтаніи этихъ странъ - должниковъ: они стоятъ на сторонѣ развитія производительныхъ силъ этихъ странъ, т. е. широкаго образованія, развитія представительнаго образа правленія и т. д. И нерѣдко это въ настоящее время диктуется извѣстную политику странамъ-должницамъ.

А чтобы устойчивѣе сдѣлать порядокъ въ странѣ, нужно умѣло во время прислушиваться къ притязаніямъ низовъ. Въ этомъ отношеніи умѣло шла Англія, чѣмъ и создала у себя устойчивое социальное положеніе. Это — извѣстная политическая мудрость, которая диктуется всей совокупностью современныхъ отношеній.

Упроченіе конституціоннаго строя въ европейскихъ странахъ и послѣдующее расширеніе избирательнаго права даетъ все больше и больше возможности массамъ проявить свою творческую способность по перестройкѣ экономическаго и финансоваго зданія, онѣ успѣваютъ въ той или другой формѣ подставить подъ это зданіе другія плечи, болѣе сильныя, и на всѣхъ, гдѣ развѣшивается налоговое бремя, онѣ приносятъ свои гири и иначе развѣшиваютъ налоговое бремя.

Неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, какъ результатъ развитія XIX вѣка, грозитъ человѣчеству тяжелыми послѣдствіями: создаются синдикаты, тресты, о которыхъ мы скажемъ далѣе, вносящіе разложеніе въ государственную жизнь, создается пропасть между бѣдными и богатыми, рождается недовольство массъ. Крупныя состоянія оказываютъ деморализующее вліяніе на общественную жизнь, человѣчество чувствуетъ это и начинаетъ штовать общественный организмъ. Такъ, отчасти подъ вліяніемъ этого, вводится прогрессивное обложеніе, высокіе прогрессивныя же наслѣдственные налоги, и появляется даже особое такъ называемое социальное-политическое направленіе въ финансовой наукѣ, по которому налогъ въ данное время долженъ являться коррективомъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, ибо только исходя изъ этой точки зрѣнія и можно оправдать развитіе прогрессивнаго обложенія и наслѣдственныхъ налоговъ (Адольфъ Вагнеръ). Въ самомъ дѣлѣ, наслѣдственные налоги достигаютъ въ настоящее время иногда 20% и, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ странахъ принимаются съ исключительной цѣлью пріостановить концентрацію богатствъ въ однихъ рукахъ: въ штатѣ Иллинойсѣ былъ проектъ, по которому вводился прогрессивный налогъ съ наслѣдственныхъ массъ, а если эти послѣднія превышали 1 милл. долларовъ, то весь избытокъ сверхъ этого милліона въ формѣ налога долженъ былъ поступать въ пользу казны.

Недавно вышла книга Хатчисона „Очъ ограниченіи богатства“, которая рисуетъ фантастическій планъ ограниченія распоряженія наслѣдственными мас-

сами, и послѣ введенія такого закона въ рукахъ правительства Соед. Штатовъ очень скоро оказалась сумма въ 20 миллиардовъ рубл., часть которыхъ расходуется на широкую постановку народнаго образованія и другія благотворительныя дѣла и, между прочимъ, на снабженіе всякаго американскаго гражданина, достигшаго извѣстнаго возраста, извѣстной, довольно крупной суммой денегъ, чтобы дать ему возможность развивать заложенныя въ немъ силы, энергію и инициативу...

Симпатіи все болѣе и болѣе распространяются въ обществѣ въ пользу такихъ формъ обложенія... Но большой вопросъ, конечно, достигается ли что-нибудь этими мѣрами?..

Загъмъ съ ростомъ богатства мы наблюдаемъ концентрацію производства: экономически болѣе сильныя капиталы въ состояніи лучше и дешевле производить, чѣмъ болѣе слабыя экономически, и мы видимъ, что во многихъ отрасляхъ промышленности мелкія предпріятія сходятъ со сцены, сходятъ со сцены и мелкія промышленныя предпріятія, и мелкія торговыя (мелочная торговля), и на мѣсто ихъ возникаютъ крупнѣйшія фабрики, универсальныя магазины и т. п. и это опять создаетъ крупную опасность для общественного строя: масса людеъ выбивается изъ колеи и переходитъ въ ряды недовольныхъ современнымъ экономическимъ строемъ, и подъ влияніемъ этого теперь ярко выступаетъ на сцену т. наз. „политика поддержанія среднихъ классовъ“; государство старается задержать развитіе крупныхъ универсальныхъ магазиновъ, вводитъ болѣе высокое обложеніе ихъ, оно же старается создать болѣе благоприятныя условія для мелкихъ промышленныхъ предпріятій, въ особенности въ тѣхъ областяхъ промышленности, гдѣ это наиболѣе легко сдѣлать для государственной власти, т. е. въ отрасляхъ производства, продукты коихъ подлежатъ оплатѣ акцизомъ. Такъ, здѣсь мы видимъ, что крупныя предпріятія начинаютъ облагаться прогрессивно выше, напр., сахарныя заводы въ Германіи, у насъ винокуренныя заводы и т. д., наконецъ, создаются разнаго рода льготы для мелкихъ предпріятій, но все это — палліативы, и колесница промышленнаго развитія шествуетъ впередъ, давя своими тяжелыми колесами мелкія предпріятія. Все это пока штопанье, и быть можетъ, человечество откажется отъ этой безплодной попытки дать другое направленіе экономическому теченію исторіи, а быть можетъ, рѣшится на болѣе радикальныя мѣры... Пока же такая политика „поддержанія среднихъ классовъ“, конечно, не можетъ разсчитывать на успѣхъ, она больше разсчитана на временное успокоеніе затронутыхъ экономическимъ развитіемъ группъ, разсчитана болѣе въ данный моментъ на вѣншиній эффектъ, чѣмъ на полученіе реальныхъ результатовъ, а между тѣмъ угрожающіе раздаются крики все громче и громче. Вотъ что говорилось въ вашингтонскомъ конгрессѣ: „Какъ наши миллионеры могли получить въ свои руки столько богатства?—спрашиваетъ Lane.—Трудомъ? Нѣтъ! Какъ долго человекъ долженъ былъ бы работать, чтобы получить 200 милл. долларовъ при теперешнемъ размѣрѣ заработной платы? Около 660 тыс. лѣтъ, но я думаю, что ни одинъ изъ нашихъ миллионеровъ не жилъ такъ долго. Въ прессѣ писали, что если бы Адамъ получалъ по 25 тыс. долларовъ въ годъ, жилъ бы лишь яблоками и одѣвался въ фиговые листья, то онъ имѣлъ бы теперь только 150 тыс. долларовъ дохода“.

Накопленіе огромныхъ богатствъ даетъ возможность человечеству лучше обезпечить свое существованіе, и подъ влияніемъ этого развиваются разныя формы сбереженія, страхованія, страхованія жизни, отъ огня, грабобитія, отъ кражи со взломомъ, страхованіе кредита, даже страхованіе отъ стачекъ рабочихъ (среди предпринимателей), среди домовладѣльцевъ возникаетъ идея страхованія регулярности взносовъ квартирной наемной платы... Страхованіе отъ кражъ со взломомъ получаютъ теперь широкое развитіе: въ 1866 году ассоціація американ-

скихъ банкировъ организовала страхование отъ кражи своихъ членовъ. Эта ассоціація принимаетъ все мѣры по охранѣ имущества банковъ черезъ особыхъ своихъ чиновниковъ, черезъ организацію особаго контроля, отыскиваетъ виновныхъ въ случаѣ совершенія кражи и принимаетъ мѣры къ наказанію виновниковъ. Члены уплачиваютъ извѣстную премію въ зависимости отъ размѣра ихъ капитала; въ 1897 году почти 3 тысячи банковъ состояли членами этой организаціи, и охраняемый такимъ образомъ капиталъ достигалъ 4.173 милл. долл. Доходъ этого учрежденія равнялся за тотъ же годъ 86 тыс. долл., и члены, которые потерпѣли отъ кражи въ 1896—1897 году, получили полное вознагражденіе изъ кассы союза, и ни одинъ преступникъ не остался безнаказаннымъ.

Моральное значеніе этой организаціи таково, что преступникъ, намѣревающийся совершить кражу, разъ только видитъ на дверяхъ надпись „членъ ассоціаціи американскихъ банкировъ“, уходитъ назадъ, такъвъ страхъ предъ могуществомъ этой ассоціаціи (Manes — die Diebstahlversicherung, Berlin 1899, стр. 17).

Нѣкоторыя формы страхованія настолько важны, что человѣчество стало приходить къ выводу, что эти формы страхованія должны быть обязательными для всѣхъ, такъ какъ въ этой обязательности все заинтересованы; такъвы, напр., страхование отъ пожаровъ, страхование на случай старости, отъ увѣчій и т. д., и мы видимъ въ Германіи вводится обязательное страхование на случай старости, инвалидности, отъ увѣчій, на случай болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, увѣчій, лишенный средствъ пропитанія, представляетъ крупную социальную опасность: онъ, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, долженъ будетъ прибѣгать къ незаконнымъ путямъ снисканія послѣдняго, онъ не въ состояніи будетъ дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, а это опять грозитъ серьезнымъ послѣдствіемъ для общества, и человѣчество, изъ инстинкта самосохраненія въ интересахъ обезопасенія себя, должно проводить обязательное страхование; смѣлый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ въ Германіи, и результаты его — колоссальны.

Съ развитіемъ человѣческой солидарности видъ стараго и немощнаго человѣка, не имѣющаго чѣмъ прокормить себя, трогаетъ сердце, и мы видимъ, какъ наканунѣ XX вѣка у нашихъ антиподовъ въ Австраліи проводится еще болѣе смѣлая попытка, чѣмъ въ Германіи: обезпеченіе всѣхъ гражданъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, опредѣленной рентой, дающей возможность болѣе или менѣе сноснаго существованія; за періодъ съ 1885 г. по 1887 г. нѣмецкіе рабочіе получили въ видѣ вознагражденія на случай болѣзни 1.200.000.000 марокъ, а съ 1885—1899 г. почти полтора миллиарда марокъ. За тотъ же періодъ времени, т. е. 1885 по 1899 тѣ же нѣмецкіе рабочіе получили въ качествѣ вознагражденія за несчастные случаи свыше полмиллиарда. Кроме того, по отдѣлу страхованія на случай старости и инвалидности нѣмецкими рабочими получено за періодъ 1891—1899 г. 402 милліона марокъ. Итого въ общей сложности нѣмецкими рабочими получено 2 съ половиной миллиарда марокъ за этотъ періодъ времени. А какому количеству населенія обезпечиваютъ вознагражденія, видно изъ того, что отъ несчастныхъ случаевъ застраховано 18 милліоновъ человѣкъ, на случай старости и инвалидности застраховано 12,5 милліоновъ лицъ, и отъ болѣзни застраховано 9,2 милліона лицъ.

Въ области страхованія въ 1898 году со смѣлымъ закономъ выступила Новая Зеландія: по этому закону всякое лицо, достигшее 65-лѣтняго возраста, имѣетъ право на полученіе пенсіи въ размѣрѣ 18 фунт. стерлинговъ въ годъ, т. е. около 170 руб., и эта пенсія уплачивается ежемѣсячно, но если лицо, имѣющее право получать пенсію, получаетъ доходы изъ другихъ источниковъ,

то размѣръ пенсін сокращается, а при доходѣ въ 52 фунт. стерлинговъ лицо и совсѣмъ теряетъ право на полученіе пенсін. Правда, для полученія пенсін нужно удовлетворять нѣкоторымъ условіямъ: прожить предъ этимъ не менѣе 5 лѣтъ въ колоніи, за послѣдніи 12 лѣтъ не подвергаться тюремному заключенію на срокъ болѣе 3 мѣсяцевъ и т. д. До 31 марта 1899 года было дано 7,487 пенсін, что равносильно ежегодному платежу въ 1.200,000 р., а между тѣмъ весь то бюджетъ Новой Зеландіи составляетъ около 55 милліоновъ руб.

Это стремленіе къ большей обезпеченности своего существованія объясняется и накопленіемъ тѣхъ огромныхъ богатствъ, которыми располагаетъ теперь человѣчество. Не будь этихъ богатствъ, не будь текущая потребность человѣка удовлетворена, конечно, онъ не былъ бы въ состояніи, при всемъ своемъ желаніи, удѣлять часть своихъ средствъ, чтобы обезпечить неопредѣленное будущее. Эти лишенія сильно ощущались бы тогда въ настоящемъ. Я приведу нѣкоторыя данныя, какъ быстро развивается это стремленіе къ обезпеченности существованія: такъ, по страхованію жизни въ Давіи въ 1875 году было застраховано капиталовъ въ 17 милл. шв. кронъ, въ 1895 г.—на 111 милл. кронъ, въ Германіи въ 1875 г. было застраховано капиталовъ 1 милліардъ 714 милліоновъ марокъ, а въ 1895 году уже—5 милліардовъ 280 милліоновъ марокъ. Въ Германіи же за тѣ же годы отъ пожара было застраховано на 26 милліардовъ 648 милліоновъ марокъ, а въ 1895 году на 113 милліардовъ 182 милліона марокъ; отъ градобитія въ 1875 году—1 милліардъ 207 милліоновъ, а въ 1895 г.—2 милліарда 241 милліонъ, скота въ 1878 г. было застраховано на 40 милліоновъ, а въ 1895 году—на 113 милліоновъ, даже область страхованія стеколъ отъ разбитія за этотъ періодъ времени успѣла сдѣлать громадныя успѣхи: въ 1875 года стеколъ было застраховано на сумму въ 5 милліоновъ марокъ, а въ 1895 году—на 46,5 милл. марокъ. Это открываетъ намъ удивительную нѣмецкую предусмотрительность. (Марка 45—6 коп.).

Въ Англіи въ 1875 году капиталы по страхованію жизни достигли до 367 милл. фунт. стерлинговъ, а въ 1895 году—529 милл. фунт. стерлинговъ. Англія—страна, гдѣ, какъ мы видѣли, наиболѣе рано развились дружескія общества и гдѣ страхованіе какъ бы достигло уже своего апогея, потому прогрессъ здѣсь въ этой области медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, но въ области страхованія жизни рабочихъ мы наблюдаемъ огромный прогрессъ. Въ 1875 году застраховано капиталовъ почти на 26 милл. ф. ст., а въ 1895 г.—на 144 милл. фун. стерл.

Во Франціи по страхованію жизни въ 1875 году было застраховано капиталовъ на 1 милліардъ 358 милл. фран., а въ 1895 году — 3 милліарда 478 милл. Въ Италіи за тотъ же періодъ застрахованные капиталы поднялись съ 52 милл. лиръ почти до 580 милл. лиръ, а въ Нидерландахъ съ 41,9 милл. голланд. гульденовъ до 283,7, въ Австріи съ 822 кронъ до 2 милліардовъ 523 милліоновъ кронъ. Здѣсь же страхованіе стекла съ 2 милл. кронъ поднялось до 10 милліоновъ, а страхованіе отъ градобитія съ 1 милліарда 207 милл. до 2 милліардовъ 222 милл. кронъ.

Въ Швеціи застрахованные капиталы по страхованію жизни поднялись съ 61,7 милл. шведскихъ кронъ въ 1875 году до 393,7 милл. въ 1895 г., въ Норвегіи съ 5 милл. до 67 милл. кронъ, наконецъ, въ Америкѣ въ 1875 году было застраховано капиталовъ по страхованію жизни 2,003 милл. долларовъ, а въ 1895 году—4,881 милл. долл.

Въ настоящее время по результатамъ въ области страхованія жизни Соединенные Штаты ушли впередъ; именно на голову населенія въ 1895 году въ Америкѣ приходится 382,4 кронъ, въ Англіи—327,6 кр., въ Швейцаріи—192,2 кр., въ Нидерландахъ—126, въ Германіи—125,4, въ Швеціи—108,2, во Фран-

ціп—85,2, въ Финляндіи—70, въ Італіи—20,3, въ Россіи—8,4; но еще въ 1875 году по страхованію жизни Англія занимала первое мѣсто, именно въ ней приходилось застрахованныхъ капиталовъ на голову населенія 246,4, а въ Америкѣ—133,5, далѣе шла Швейцарія—56,8, Германія—43,1, Финляндія—37, Італія—18,2, Россія—1,6. Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, какой громадный прогрессъ сдѣланъ человѣчествомъ къ концу XIX вѣка въ этой области обезпеченія своего существованія.

Интересно сравнить въ абсолютныхъ цифрахъ результаты страхованія жизни по разнымъ странамъ (въ милліонахъ кронъ): въ Америкѣ застраховано капиталовъ на 24,090, въ Англіи—12,451, въ Германіи—6,212, во Франціи—3,271, въ Австріи—2523, въ Россіи—813.

Въ Америкѣ застрахованные капиталы по страхованію жизни въ періодъ 1875—1895 гг. увеличились на 49,42%, въ Германіи на 14,86%, въ Англіи на 12,4%, во Франціи на 7%, въ Россіи на 2,54%. Итакъ, обезпеченность существованія идетъ быстрыми шагами. Въ XIX вѣкѣ человѣчествомъ созданъ единый хозяйственный организмъ, побѣждено пространство, объединены отдѣльные индивиды, человѣчество обезпечено отъ голода и холода...

Прежде передвигался человѣкъ, словно черепаха, а теперь перемѣняетъ оны мѣсто на земномъ шарѣ съ легкостью птицы небесной, нищимъ пришелъ оны въ міръ, а теперь приходитъ съ царственнымъ убранствомъ, прежде оны долженъ былъ бояться за завтрашній день, будетъ ли оны имѣть кусокъ хлѣба, а теперь въ его рукахъ огромные запасы, огромныя богатства, несмѣтныя силы служать ему...

Но эта картина омрачается толпами обездоленныхъ, которые и теперь живутъ въ голодѣ и холодѣ, но они организуются и отвоевываютъ себѣ все большую и большую долю матеріальнаго обезпеченія: массы растутъ, и это облако, кажется, готово исчезнуть съ горизонта...

Пути сообщенія вызвали къ жизни солидарность людей, большіе центры развили ее, а товарный обмѣнъ разнесъ по всеѣмъ весямъ и глухимъ уголкамъ всего міра, и люди сами начинаютъ стремиться, обезпечиваютъ болѣе человѣчныя условія существованія для своихъ ближнихъ.

Послѣ долгой томительной ночи, кажется, заря восходитъ надъ несчастнымъ страждущимъ человѣчествомъ, и послѣднія тучки: невѣжество, дурное экономическое положеніе массъ, кажется, готовы расплыться подъ влияніемъ новыхъ теченій. Казалось бы, на зарѣ XX вѣка можно поставить тяжелый надгробный памятникъ надъ рабствомъ человѣчества во всеѣхъ его видахъ и формахъ... Но, увы, грозная туча, еще болѣе страшная, несется оттуда, откуда менѣе всего ожидали—изъ свободныхъ Штатовъ Америки.

Ночь была темна, ночь была страшна, не дай Богъ еще разъ человѣчеству погрузиться въ нее... Такъ хотѣлось бы думать, что чаша эта пройдетъ мимо насъ... Такъ хочется мечтать о новомъ днѣ, когда солнце высоко взойдетъ надъ человѣчествомъ и всеѣхъ согрѣетъ, всеѣхъ озаритъ своимъ свѣтомъ, на всеѣхъ прольетъ свои лучи, когда всеѣ будутъ сыты, всеѣмъ будетъ тепло, хорошо, и больше счастья и свѣта будетъ разлито по землѣ. Весь этотъ прогрессъ создала техника.

Но этотъ прогрессъ совершается съ большими тревненіями, и много жертвъ лежитъ на его пути, такъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ многихъ разоррило и лишило куска хлѣба, отъ изобрѣтенія парового станка ткачи умирали отъ голода, и усѣянныя ихъ костями бѣлѣли поля, каждое новое изобрѣтеніе, каждый шагъ впередъ требуетъ тяжелыхъ искупытельныхъ жертвъ отъ человѣчества. Но таковъ законъ природы, и мы должны быть смѣлы и рѣшительны и твердо стоять на томъ посту, который мы избрали или на который

насть поставила судьба; но, думая о прогрессѣ, мы не должны забывать и тѣхъ обездоленныхъ, чѣрной слезъ и страданій которыхъ приобретається прогрессъ, и облегчать ихъ страданія, вносить въ ихъ жизнь хотя капли счастья и радости—это одна изъ нашихъ важнѣйшихъ задачъ, и бывають моменты въ жизни, когда эта задача—роль Краснаго Креста—приобрѣтаетъ особое значеніе.

II.

Въ XIX вѣкѣ наблюдается огромный ростъ городовъ. Такъ, въ Англіи съ Уэльсомъ въ 1800 г. въ городахъ съ населеніемъ свыше 10 тысячъ жило 21,3⁰%, а въ 1891 г.—61,73⁰%, т. е. $\frac{3}{5}$ всего англійскаго населенія живетъ въ городскихъ поселеніяхъ съ населеніемъ не менѣе 10 тыс. въ каждомъ. Если же причислить сюда и мелкія городскія поселенія съ числомъ жителей болѣе 2 тысячъ, то въ городскихъ поселеніяхъ проживаетъ 72⁰% всего англійскаго населенія Англіи и Уэльса. Въ Шотландіи въ поселеніяхъ также съ числомъ жителей болѣе 2 тыс. проживаетъ 66⁰%, въ Саксоніи—54,5⁰%, въ Германіи—47⁰%. Города—очаги свободы: здѣсь развивается свобода мысли... Но скопленіе людей на небольшомъ пространствѣ создаетъ много новыхъ задачъ: городъ долженъ регламентировать многія такія стороны жизни, которыя ввѣ города остаются ввѣ регламентации: мнѣ хотѣлось бы играть въ пріятный лѣтній вечеръ на кортѣ, но это нарушаетъ интересы моего сосѣда, который долженъ рано утромъ идти на работу, и потому ему надо рано ложиться спать. Въ моемъ интересѣ было бы эксплуатировать нужду, давая работу за ничтожное вознагражденіе бѣдной семьѣ; но такая эксплуатация, которая можетъ повести къ развитію заразы и разнесенію ея по моимъ сосѣдямъ, нарушаетъ интересы этихъ послѣднихъ, и въ виду тысячи конфликтовъ, возникающихъ на этой почвѣ, городу приходится создавать сложную регламентацию.

Развитіе большихъ городовъ ставитъ людей въ еще большую зависимость другъ отъ друга. Здѣсь особенно наглядно рисуется, какъ множество потребностей, которая прежде носили индивидуальный характеръ, дѣлаются теперь общественными. Это близкое соприкосновеніе огромныхъ массъ ¹⁾ другъ съ другомъ расширяетъ сферу общественныхъ потребностей. Такъ, водоснабженіе въ городахъ становится коллективной потребностью, т. к., если кто-либо изъ гражданъ не будетъ обеспеченъ водой хорошаго качества, это можетъ повести къ заболѣванію, а это заболѣваніе, вслѣдствіе скученности населенія на небольшомъ пространствѣ, можетъ повести къ заболѣванію и тѣхъ категорій населенія, которыя и сами своими средствами могли бы обезпечить себя хорошей водой. Если бы люди жили разсѣянно на большомъ пространствѣ, то, конечно, для меня, не беря здѣсь въ счетъ чувства состраданія или мотивовъ этического характера, было бы безразлично, снабженъ ли хорошей питьевой водой человѣкъ, живущій отъ меня за нѣсколько десятковъ верстъ, общенія съ которымъ у меня нѣтъ. Мы предполагаемъ отсутствіе мѣноваго хозяйства, но разъ мы живемъ бокомъ о бока, вовлеченные оба въ мѣновый оборотъ, то я становлюсь заинтересованнымъ, насколько удовлетворяются насущныя потребности моего сосѣда, отъ этого зависитъ его здоровье, при дурныхъ санитарныхъ условіяхъ мой сосѣдъ можетъ сдѣлаться очагомъ заразы, которая можетъ перебраться и ко мнѣ. Поэтому-то въ городахъ,—стоитъ сравнить въ этомъ ихъ съ деревней,—особенно быстро

¹⁾ Въ Лондонѣ, если принимать весь т. н. „Metropolitan Police District“, насчитывается 6.580.616 жителей по послѣднему перепису 1901 г. (См. Prelim. Rep. and Tables of the popul and Houses in Engl. and Wales 1901 г., стр. 20).

Населеніе всей Австраліи—3.775.000, Канады—5.339.000, а Лондона—6.580.000 (См. Comm. Intell. Novembre 30. 1901).

расширяется сфера общественных потребностей. Города берутъ въ свои руки водоснабженіе, медицинскую помощь, строятъ для этого свои собственные водопроводы, берутъ въ свои руки снабженіе жилищами немущихъ опять-таки потому, отчасти, что дурныя жилищныя условия въ большихъ городахъ представляютъ общественную опасность, и съ этой цѣлью города затрачиваютъ крупныя суммы на постройку жилищъ. Жилищный вопросъ въ современныхъ городахъ—одинъ изъ насущныхъ вопросовъ. Жилище—предметъ первой необходимости, такъ же, какъ воздухъ, вода, поэтому города издають рядъ строгихъ санитарныхъ предписаній о жилищахъ...

Города затрачиваютъ крупныя суммы на образованіе опять потому, что образованіе содѣйствуетъ улучшенію экономическаго положенія населенія: берутъ въ свои руки пути сообщенія, что является требованіемъ развитой экономической торговой жизни городовъ; устраниваютъ библиотеки, вечерніе курсы, картинныя галлерей, образовательныя сады для дѣтей, все съ той же цѣлью—развить умственно населеніе, обезопасить его, устраниваютъ столовыя, чайныя театры. Городская община съ необходимостью все болѣе и болѣе охватываетъ васъ тѣснымъ кольцомъ: вы идете по городскому тротуару, нѣрѣдко живете въ жилищѣ, построенномъ городомъ, пьете чай въ городской чайной, обѣдаете въ городской столовой, переговариваетесь съ вашимъ знакомымъ по городскому телефону, даже, быть можетъ, согрѣваете ваше жилище каменнымъ углемъ, добытымъ изъ городской копи (Манчестеръ въ Англіи приобрѣлъ собственныя копи въ цѣляхъ борьбы съ каменноугольнымъ синдикатомъ, чтобы такимъ образомъ обезпечить населенію дешевый уголь), освѣщаете ваше жилище газомъ, получаемымъ съ городского газоваго завода, или электричествомъ съ городской электрической станціи, нѣтъ мѣста—ищете работы черезъ городское бюро по присканію мѣста, нѣрѣдко работаете въ городскомъ предриятіи, ѣздите по городской конкѣ или городскому трамваю, заболѣли—идете къ городскому доктору, покупаете лѣкарство въ городской аптекѣ, устали—идете въ городской театръ или концертъ (нѣкоторые города Англіи устраниваютъ за свой счетъ концерты и театральныя представленія), послѣ работы идете въ городскія ванны, мясо получаете, если вы сами дѣлаете обѣдъ, съ городской бойни, имѣете лишнія деньги—помѣщаете ихъ въ городскую сберегательную кассу (Рига), находитесь въ нуждѣ,—берете ссуду въ городскомъ банкѣ, или закладываете ваши вещи въ городскомъ ломбардѣ, хотите провести разумно досугъ—идете въ городской паркъ, гдѣ играетъ навятая городомъ музыка, или читаете газету въ городской читальнѣ. Иногда даже строятъ жилища изъ кирпича, полученнаго съ городского кирпичнаго завода (въ Германіи нѣкоторые города, въ цѣляхъ борьбы съ кирпичными синдикатами, устроили свои заводы) и т. д. . . Итакъ, городъ, изъ инстинкта самосохраненія и солидарности, особенно подчеркнутаго здѣсь близостью живущихъ лицъ, все болѣе и болѣе охватываетъ васъ своей заботливостью. . .

При натуральномъ хозяйствѣ въ деревнѣ, при маломъ скопленіи людей,—очень мало коллективныхъ потребностей, но при усложненномъ строѣ экономической жизни въ большихъ центрахъ возникаютъ все новыя и новыя коллективныя потребности. . . (Характернымъ проявленіемъ этой солидарности въ чертѣ города являются, какъ называемыя, „лиги потребителей“). Крупныя городскія центры являются чрезвычайно пригодной почвой для развитія синдикатовъ въ своей чертѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трамвайныя линіи, газовыя заводы, телефонныя предриятія здѣсь находятъ особенно благоприятныя условія для своего сліянія. . . А это, въ свою очередь, служитъ новымъ стимуломъ къ переводу многихъ предриятій изъ частныхъ рукъ въ руки городовъ (такъ называемая муниципализація).

Говорятъ даже за послѣднее время объ устройствѣ для цѣлыхъ кварта-

ловъ центрального отопленія и даже охлажденія въ лѣтніе мѣсяцы, такъ что изъ одного и того же центра зимой дома будутъ отсыпаться, а лѣтомъ охлаждаться, и населеніе не будетъ страдать отъ удушливой лѣтней жары.

Города страдаютъ отъ недостатка территоріи: цѣнность на землю страшно повышается, приходится строить громадныя, такъ называемыя „небоскребы“ въ Америкѣ, т. е. 25-этажныя зданія. Не такъ давно, въ нѣкоторыхъ американскіихъ газетахъ муссировалась идея объ устройствѣ въ городѣ Нью-Йоркѣ подземнаго города, съ прокладкой улицъ, съ устройствомъ торговыхъ помѣщеній и т. д. Предполагалось устройство прекрасной вентиляціи, освѣщенія электрическими солнцами. Въ такомъ подземномъ городѣ не было бы каприза погоды, измѣненій въ освѣщеніи и, какъ указывали нѣкоторыя американскія газеты, подземный городъ могъ бы сдѣлаться излюбленнымъ мѣстомъ для дамъ, такъ какъ разъ сдѣланные по вкусу костюмы не теряли бы отъ измѣненія въ освѣщеніи.

Можетъ быть, это—пока фантазія, но большіе города несутъ намъ въ настоящее время много новыхъ задачъ, и намъ трудно даже предвидѣть всѣ тѣ проблемы, которыя выдвнутся передъ нами въ будущемъ. Это открываетъ передъ нами широкія перспективы.

Такъ, въ области передвиженія приходится думать о созданіи такъ называемыхъ движущихся троттуаровъ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, большіе центры въ настоящее время съ трудомъ справляются съ передвиженіемъ: устраиваются пути сообщенія и подъ землей, и надъ домами, иногда они прорѣзываютъ цѣлые этажи, какъ это имѣетъ мѣсто въ Берлинѣ: рельсовыя сѣти причудливо раскидываются по всѣмъ улицамъ. Отъ этой скученности въ передвиженіи въ большихъ городахъ получается много увѣщій, смертныхъ случаевъ и т. д.

Но за послѣднее время выдвигается еще новая задача, это — улучшение воздуха въ городахъ. Для этого уже кое-что дѣлается, а именно разводятся сады, парки — эти легкія современныхъ городовъ.

Но этого недостаточно: воздухъ въ городахъ все больше и больше портится, особенно съ развитіемъ автомобильнаго сообщенія: автомобили ужасно отравляютъ воздухъ, и онъ въ Лондонѣ, гдѣ автомобили получили пока наибольшее распространеніе, сдѣлался просто невыносимымъ.

Между тѣмъ распространеніе автомобилей будетъ расти. Возможно, что будутъ изобрѣтены легкіе электрическіе моторы, но это — дѣло будущаго, а пока грозный фактъ — валло: страшная порча воздуха въ городахъ. Это, конечно, сказывается весьма вредно на здоровьи населенія, на его работоспособности, особенно на дѣтяхъ.

Возможно, что изобрѣтеніе воздухоплаванія поведетъ къ разселенію изъ городовъ; опять это — дѣло будущаго, а пока мы должны какъ-нибудь бороться съ надвигающейся грозой — приближающейся страшною порчей воздуха въ большихъ городахъ.

Нельзя ли и здѣсь создать искусственную систему снабженія городовъ чистымъ, чистымъ воздухомъ, какъ они снабжаются водой изъ источниковъ, находящихся на большомъ разстояніи отъ города? Вѣдь можно было бы провести подземныя трубы, въ которыя воздухъ могъ бы накачиваться съ особыхъ охранныхъ лѣсовъ (сосновыхъ и другихъ), или съ полей, покрытыхъ розами, ландышами, и эти трубы, развѣтвляясь, могли бы снабжать воздухомъ отдѣльныя жилища, гостиницы за плату, какъ снабжаются они теперь водой.

Тогда мы, сидя у себя на квартирѣ, могли бы дышать чистымъ, сильно озонированнымъ воздухомъ, проведеннымъ съ моря, или воздухомъ, насыщеннымъ ароматомъ соснового лѣса, розъ, ландышей... Вѣдь это оказывало бы сильное

1) См. мою книгу „Большіе города“.

вліяніе на здоровье населенія, подняло бы его работоспособность; всякій знаетъ, какъ хорошо работается на чистомъ воздухѣ, на морѣ или въ лѣсу. Здѣсь, мнѣ думается, и техническія затрудненія едва ли велики. Когда нужно будетъ обновить воздухъ въ домѣ, откроютъ кранъ, и чистый воздухъ пойдетъ въ квартиру.

Плата могла бы устанавливаться особыми счетчиками.

Нечистоты, которыя теперь вывозятся изъ города, могли бы служить для удобрения упомянутыхъ полей, покрытыхъ цвѣтами, и населеніе города стало бы здоровѣе, дыша воздухомъ, полученнымъ съ полей, удобренныхъ своими собственными нечистотами.

Но далѣе—другой вопросъ: нельзя ли улучшать тѣмъ же способомъ, вообще, воздухъ въ городахъ, а не только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, т. е. нельзя ли сдѣлать такую развѣтвленную систему трубъ, проводящихъ воздухъ, чтобы путемъ открытія крановъ въ разныхъ мѣстахъ можно было бы улучшать воздухъ на улицахъ? Эти краны могли бы быть устроены въ выступахъ у краевъ троттуара. Правда, здѣсь возникаетъ вопросъ, не создается ли постоянно сильное движеніе воздуха въ городѣ, влекущее за собой простуды и т. д. Но вѣдь сильныя струи воздуха могли бы разрѣжаться особыми приборами. . .

Кромѣ того, быть можетъ, можно было бы къ воздуху, выпускаемому въ городѣ, примѣшивать особые газы, которые могли бы съѣдать запахъ бензина и т. д.

Могутъ возразить, что улучшенія воздуха можно достигнуть скорѣе и проще путемъ приобрѣтенія и выпуска кислорода въ квартирахъ.

Но вѣдь, когда проводились первые водопроводы, также говорили: незначѣмъ дѣлать этихъ затѣй, а проще и легче воду доставлять ведрами или въ бочкахъ. Здѣсь есть полная аналогія. . .

Я не техникъ-специалистъ. Для меня, экономиста, ясна важность борьбы съ дурнымъ воздухомъ, и если расселенія городского населенія не послѣдуетъ, то при другихъ одинаковыхъ условіяхъ города должны будутъ взятыся, такъ или иначе, и за эту проблему и въ самомъ недалекомъ будущемъ. . .

Итакъ, задачи городовъ растутъ, приходится думать о расширеніи средствъ городскихъ поселеній: европейскіе города располагаютъ крупными средствами; наши города, въ сравненіи съ ними—нигемн, и увеличеніе финансовыхъ ресурсовъ нашихъ городовъ—одна изъ самыхъ очередныхъ задачъ.

Но измѣненіе избирательной системы должно быть выдвинуто на первую очередь. Пока эта система не будетъ измѣнена, до тѣхъ поръ наши города, и безъ того уже оставшіе въ своемъ благоустройствѣ, далеко не пойдутъ впередъ. При нашей избирательной системѣ все будетъ извращаться: такъ переводъ предприятий изъ рукъ частныхъ лицъ въ руки городскихъ управленій нерѣдко сопровождается высокими таксами, хотя бы на воду, на убой скота и т. д., что равносильно установленію налоговъ на потребленіе, и этимъ самымъ налоговое бремя домовладѣльцы перебрасываютъ съ себя на плечи малоимущихъ.

Только измѣненіе избирательной системы можетъ поставить на правильный путь наше городское хозяйство, только оно дастъ возможность примѣнить другіе приемы и въ расходованіи и въ собраніи средствъ.

Скученность населенія, развитіе связанности между людьми, говоримъ мы, вызываетъ новыя потребности, а это ведетъ къ страшному росту городскихъ бюджетовъ; такъ, бюджетъ города Парижа достигаетъ въ настоящее время 112 милл. рублей, и городамъ приходится выискивать новыя средства, и опять-таки городская жизнь счастливо открываетъ новые источники. Вслѣдствіе роста городского населенія страшно растетъ поземельная рента въ городахъ: въ центрѣ крупнѣйшихъ европейскихъ городовъ квадратная сажень стоитъ десятки тысячъ

рублей, между тѣмъ, какъ въ деревнѣ стоимость ея измѣряется копейками, и эта рента растетъ безъ всякой заслуги со стороны городскихъ поземельныхъ собственниковъ, и на зарѣ XX вѣка мы слышимъ крики въ пользу перевода этой ренты или части ея, этого незаслуженнаго прироста цѣнностей,—въ руки городскихъ управленій. Эти крики не остаются безплодными, города дѣйствительно начинаютъ переводить часть цѣнности, приращенной безъ вліянія самихъ землевладѣльцевъ, въ свои руки, а именно ту приращенную цѣнность, которая получается вълѣдствіе развитія городами своей культурной дѣятельности; такъ, наирѣмѣрь, городъ можетъ снести часть домовъ и разбить на мѣста ихъ паркъ, отчего, конечно, увеличится пріятность жизни въ близъ лежащихъ домахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается и цѣнность ихъ. Въ этомъ случаѣ и во многихъ другихъ аналогичныхъ этому городскія управленія въ Америкѣ и въ Англии начинаютъ брать принудительно часть этой приращенной цѣнности, путемъ особой формы обложенія, такъ называемаго „спеціального обложенія“.

Итакъ, въ XX вѣкъ мы перешли съ крупнѣйшими городскими поселеніями, которыя все шире и шире развиваютъ свои задачи, подчеркивая этимъ солидарность между лицами, населяющими эти центры, бюджеты этихъ поселеній колоссально растутъ, города лихорадочно ищутъ себѣ средствъ для своей культурной работы, и на исходѣ XIX вѣка они сдѣлали, хотя еще слабую, но, быть-можетъ, чреватую большими послѣдствіями, попытку перевода въ свои руки поземельной ренты, хотя пока только одного вида ея, именно—того, который возникаетъ подъ вліяніемъ актовъ коммунальной дѣятельности. Но, вѣроятно, XX вѣкъ, съ развитіемъ организованности массъ, станетъ свидѣтелемъ пышнаго расцвѣта этого новаторства.

Но надвигается гроза изъ Америки... Мы уже говорили о сильномъ развитіи трестовъ, синдикатовъ. Необычайную жизненность американскимъ синдикатамъ даетъ то обстоятельство, что здѣсь объединяются нерѣдко предпріятія разнородныя, зависямыя по условіямъ производства одно отъ другого, т. е. совершается, такъ называемая, интеграція отдѣльныхъ отраслей. Такъ, желѣзнодорожныя компаніи стремятся освободить себя отъ необходимости покупать рельсы и другіе желѣзные продукты, каменный уголь, и стремятся все это производить сами. Это создаетъ чрезвычайно благоприятныя условія въ смыслѣ удешевленія производства, и, въ то же время, эти разнородныя предпріятія, объединяясь, какъ бы органически срастаются другъ съ другомъ, такъ какъ, въ сущности, въ отдѣльности они являются только отдѣльными стадіями одного и того же производственнаго процесса. Вотъ это-то обстоятельство, т. е. то, что фундаментомъ многихъ американскихъ трестовъ является этотъ процессъ интеграція, и объясняетъ живучесть трестовъ въ Америкѣ и ихъ благоприятные финансовыя результаты.

Въ Америкѣ тресты колоссальны: они концентрируютъ миллиардные капиталы. Это—гиганты, вообразить которые умъ отказывается.

Американскіе тресты оказываютъ крупное вліяніе на развитіе промышленности развитіемъ техники, высокой торговой и промышленной организаціей и сокращеніемъ расходовъ по содержанію коммивояжеровъ, рекламѣ, такъ какъ при созданіи монополіи нѣтъ необходимости въ прежнихъ размѣрахъ тратиться на эти статьи.

Развитіе огромныхъ синдикатовъ въ Америкѣ, располагающихъ сотнями милліоновъ рублей капитала, какъ-то: нефтяного, желѣзнодорожныхъ, сталелитейныхъ и т. д., обеспечиваетъ имъ монопольное положеніе по установленію цѣны, а это даетъ возможность быстро обогащаться лицамъ, стоящимъ во главѣ этихъ трестовъ или связаннымъ съ ними. И мы, дѣйствительно, видимъ въ Америкѣ такое количество милліардеровъ или милліонеровъ, какъ ни въ какой

другой странѣ свѣта. Въ альманахѣ, изданномъ газетой „World“ на 1902 г., мы находимъ интересныя перечисленія американскихъ миллионеровъ: ихъ оказывается цѣлыхъ 4 тысячи. А надо замѣтить, что миллионерами въ Америкѣ называются не тѣ лица, у которыхъ миллионное состояніе, а тѣ, которыя получаютъ миллионныя доходы. Между этими миллионерами есть лица, богатство которыхъ исчисляется въ 300 миллионѣвъ руб., въ 400 милл., въ 500, въ 600, въ 700 и болѣе миллионѣвъ. Такія состоянія обезпечиваютъ ежегодный доходъ въ 30, 40, 50 и болѣе миллионѣвъ рублей, такъ что доходъ нѣкоторыхъ лицъ исчисляется чуть ли не цѣлыми тысячами рублей въ часъ. Само собой разумѣется, что такого дохода прожить невозможно, и потому состоянія растутъ со страшной быстротой. Нѣкоторые задаются цѣлью прожить все, что они получаютъ, и недавно на страницахъ американскихъ газетъ описывались разнообразныя способы, къ которымъ прибѣгалъ одинъ крупный миллионеръ, поставившій себѣ цѣлью неуремѣнно прожить все, что онъ получалъ.

Но это скопленіе огромныхъ богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ представляетъ крупнѣйшую социальную опасность. Тресты оказываютъ крупное влияние на всю общественную жизнь страны, и съ этой стороны надъ Америкой нависаетъ большая туча. Я иллюстрирую это явленіе.

Въ результатѣ этого развитія трестовъ появились стальные короли—Карнеги, нефтяные — Рокфеллеръ, сахарные — Гавемейеръ, хлопковые — Найтъ, мѣдные—Кларкъ, пшеничные—Лейтеръ, который будучи 18-лѣтнимъ мальчикомъ, игралъ изъ своего кабинета цѣнами на хлѣбъ, угрожая человѣчеству голодачіемъ. Эти некоронованные владыки приобрѣли огромное влияние на человѣчество: въ ихъ рукахъ сосредоточивается удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей человѣка, и они пользуются своимъ влияніемъ. Отъ ихъ воли зависитъ, будетъ ли американскій гражданинъ имѣть дешевый или дорогой сахаръ; отъ каприза Рокфеллера зависитъ, будетъ ли жилище рабочаго достаточно освѣщено, такъ какъ стоитъ ему поднять цѣну на нефть, и жилище рабочаго вечеромъ погрузится во мракъ; отъ фантазіи Найта зависитъ, будутъ ли дѣти рабочаго, его жена, дочери достаточно снабжены бѣльемъ и т. п.; а Асторъ въ Нью-Йоркѣ скажетъ, какова его воля относительно помѣщенія, которое долженъ занимать рабочій...

Человѣчество, несчастное человѣчество сбросило съ себя политическое и теократическое рабство, но опять надѣло оковы раба, смѣнивъ одного господина другимъ: если прежде владыка былъ въ тиарѣ первосвященника, а затѣмъ въ порфирѣ и коронѣ, то теперь этотъ владыка въ цилиндрѣ и черномъ сюртукѣ — крупный фабрикантъ, владѣлецъ треста. Пока это владычество ограничивается еще національными рамками, но дѣлаются попытки и къ международной гегемоніи, и что изъ этого выйдетъ, мы не можемъ еще сказать. Я только иллюстрирую возможное будущее нѣсколькими фактами изъ современной дѣйствительности Америки: въ Америкѣ серьезно ставятъ вопросъ, кто долженъ управлять — государство желѣзными дорогами, или желѣзныя дороги государствомъ. Таково влияние желѣзныхъ дорогъ на государство.

Вотъ какова власть миллиардеровъ въ Америкѣ. Одна изъ миллиардершъ въ Чикаго, г-жа Гринъ ¹⁾, помѣстила деньги въ банки Чикаго. Но, какъ извѣстно, въ Америкѣ существуетъ поимущественный налогъ, и съ нея сборщики налога потребовали уплаты послѣдняго. Она отказалась платить, отказалась повиноваться закону, пригрозивъ, что она возьметъ деньги изъ банковъ и переведетъ въ банки другого штата, который, она надѣется, будетъ сговорчивѣе и не

¹⁾ Де-Норвель, „Американскіе миллиардеры“. Петерб., 1901, пер. Яновскаго

потребуется съ нея налоговъ, а надо замѣтить, что общенепомущественные налоги въ каждомъ штатѣ существуютъ отдѣльно и носятъ мѣстный характеръ. Банки, боясь лишиться крупныхъ вкладовъ, которыми они оперировали, пригрозили городу, что если онъ доведетъ г-жу Гринъ до выполнения ея угрозы, то они прекратятъ съ городомъ всякія сношенія, и городъ уступилъ, и сборщикъ получилъ соотвѣтствующія инструкціи. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь фактъ открытаго неповиновенія закону, законъ попирается миллиардершей. Мы имѣемъ много другихъ фактовъ подобнаго же рода; такъ, по закону многихъ штатовъ, тресты запрещены, а, между тѣмъ, они существуютъ: владыки подкупаютъ администрацію, улачивая милліонныя взятки. Недавно былъ опубликованъ подобный случай попытки подкупа генераль-прокурора одного штата. Эти милліардеры держатъ нервно на откупѣ цѣлыя городскія управленія и низа что получаютъ выгодныя концессіи на проложеніе трамвайныхъ линій, на монополію по освѣщенію города, иногда получаютъ эти концессіи буквально даромъ. Вслѣдствіе вліянія трестовъ въ городахъ огромныя концессіи, стоящія десятки милліоновъ рублей, отдаются даромъ, — вещь, неслыханная въ Европѣ; такимъ образомъ, недавно въ Филадельфій дана была концессія на городскіе пути сообщенія при самыхъ возмутительныхъ условіяхъ: концессія дана была даромъ, между тѣмъ какъ другое лицо предлагало за нее 3 милл. доллар., но мэръ города нѣсколько дней скрывался, чтобы уклониться отъ принятія этого заявленія.

Масса депутатовъ въ конгрессѣ заинтересована въ трестахъ; недавно какъ-то представители демократической партіи привели длинный списокъ республиканцевъ, заинтересованныхъ въ трестахъ, а послѣдніе, въ свою очередь, привели списокъ демократовъ, не менѣе того заинтересованныхъ въ трестахъ, и трудно сказать, на чьей сторонѣ оказался перевѣсъ. . . Вліяніе трестовъ въ городахъ чувствуется чрезвычайно сильно. Асторъ долженъ былъ платить налоговъ 12 милл. франковъ со своего имущества, а платить 25 тыс. франковъ.

Тресты производятъ громадныя затраты на подкупы, чтобы провести при выборахъ своихъ ставленниковъ, такъ что въ конгрессѣ есть лица, проведенныя благодаря деньгамъ со стороны того или другого магната, и въ насмѣшку они здѣсь прозываются „сенаторы милостью такого-то“, напр., сенаторы милостью „Гавемейра“ (глава треста сахарозаводчиковъ). Тресты въ штатахъ съ республиканскимъ большинствомъ жертвуютъ крупныя суммы въ кассы послѣднихъ, и тотъ же самый трестъ въ штатахъ, гдѣ большинство находится въ рукахъ демократовъ, — также жертвуетъ въ пользу послѣднихъ крупныя суммы, почему, несмотря на смѣну партій, тресты остаются неприкосновенными. Желѣзныя дороги вѣдуть, безъ различія партій, политикамъ выдаютъ даровые желѣзнодорожныя билеты, и когда ихъ спрашиваютъ, почему вы даете билеты и лицамъ, принадлежащимъ въ данное время къ меньшинству, онѣ цинично говорятъ: но это сегодняшнее меньшинство завтра можетъ сдѣлаться большинствомъ, и мы, такимъ образомъ, заранѣе страхуемъ свои интересы.

Судьи — ихъ креатура. Генераль-прокуроры — ихъ бывшіе юрисконсульти. . . И прокуратура, и судъ, и администрація — все склоняется, боится и трепещетъ предъ синдикатами. . . И милліардеры по мелочамъ пока, какъ нельзя лучше, скупаютъ государственную машину, а въ будущемъ, быть-можетъ, купятъ ее и оптомъ, какъ объ этомъ пророчески пишетъ Уэльсъ въ своемъ романѣ „Когда спящій проснется“.

Какое вліяніе тресты имѣютъ на общественную жизнь въ Америкѣ, можно судить по слѣдующему эпизоду, имѣвшему мѣсто во время послѣдней борьбы рабочихъ механическаго производства съ билліоннымъ трестомъ. Во время забастовки рабочихъ поддерживали мелочныя лавочники, открывая имъ широкій кредитъ. Мэръ города не допуская въ городъ лицъ, которыхъ тайкомъ приво-

зпли въ городъ агенты синдиката, стараясь замѣстить ими стачечниковъ. мотивуя это тѣмъ, что такой ввозъ можетъ грозить общественной тишинѣ и спокойствію... Но синдикатъ объявилъ, что онъ закроетъ заводъ въ Маккиспортѣ и вмѣсто того усилитъ производство на своихъ заводахъ въ другихъ городахъ, и тотчасъ были начаты приготовления къ перевозкѣ машинъ. Это извѣстіе перепугало городское населеніе, такъ какъ выселеніе массы жителей, что неминуемо послѣдовало бы съ закрытіемъ заводовъ, разорило бы населеніе: недвижимая собственность упала бы въ цѣнѣ, торговцамъ некому было бы продавать товары, театры должны были бы закрыться, а также и рестораны и т. д. И подъ влияніемъ этой угрозы городекія власти тотчасъ же умѣрили свои симпатіи въ пользу стачечниковъ, а въ началѣ стачки даже дополнительные штаты полиціи вербовались изъ стачечниковъ, которые, конечно, въ собственномъ интересѣ зорко смотрѣли за недопущеніемъ ввоза рабочихъ извнѣ. А главное—лавочки перемѣнили фронтъ: прекратили отпускъ товаровъ въ кредитъ стачечникамъ и тѣмъ нанесли имъ смертельный ударъ.

Государственная машина находится подъ сильнымъ влияніемъ трестовъ и синдикатовъ; потребители, какъ мы видѣли, въ полной ихъ власти; рабочіе также чувствуютъ это новое грядущее рабство. На недавно имѣвшей мѣсто противотрестной конференціи въ Чикаго было вскрыто множество фактовъ о томъ положеніи, въ которомъ находятся рабочіе въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, принадлежащихъ трестамъ. Тресты, недовольные рабочимъ, увольняютъ его и заносятъ его имя въ черные листы, которые рассылаютъ затѣмъ по другимъ предпріятіямъ, и такимъ образомъ ставятъ рабочаго въ крайне затруднительное положеніе по присканію себѣ новаго мѣста, а нѣкоторые тресты идутъ еще далѣе и ввели у себя практику принимать рабочихъ, только снабженныхъ особыми разрѣшительными свидѣтельствами отъ прежнихъ хозяевъ на полученіе работы, а эти разрѣшительныя свидѣтельства выдаютъ администраціи треста только тѣмъ лицамъ, которая ничѣмъ не скопирометрировали себя въ глазахъ треста ¹⁾. Что это, какъ не новое грядущее рабство? Правда, эта практика еще не получила повсемѣстнаго распространенія, но при той силѣ влияния, которой пользуются тресты, она можетъ получить распространеніе...

Въ значительной степени подъ влияніемъ трестовъ и синдикатовъ удерживаются старыя архаическія формы обложенія, выгодныя для крупнаго капитала, удерживается высокой таможенный покровительственный тарифъ. (См. „Современное теченіе въ сферѣ прямого обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ, въ связи съ интересами общественныхъ группъ“ въ „Русскомъ Экон. Обзорѣ“ 1898 г., № 5).

Владыки треста утопаютъ въ роскоши, напр., пеленки для сына Уэтнера стоятъ 400 тыс. франковъ, постель украшена чистымъ золотомъ, гувернантки получаютъ по 100 тыс. франковъ въ годъ... Развивается чрезвычайно пренебрежительное отношеніе къ лицамъ, не обладающимъ такимъ богатствомъ. Одинъ миллиардеръ на вопросъ, почему онъ не посылаетъ своего сына въ университетъ, при чемъ собесѣдникъ сослался ему на то, что король Франціи Луи-Филиппъ посылалъ своихъ дѣтей въ университетъ, отвѣтилъ: „надо брать примѣръ съ высшихъ, а не съ низшихъ“. Воспитаніе совершается вдали отъ свѣта, многіе изъ молодого поколѣнія миллиардеровъ крайне невѣжественны; среди женщинъ преобладаетъ стремленіе пріобрѣсти и украсить себя заржавленнымъ

¹⁾ Въ трудахъ индустриальной коммисіи мы находимъ много интересныхъ данныхъ о черныхъ спискахъ, практикуемыхъ въ Америкѣ предпринимателями. (См. стр. 120—121 Digest'a въ Report of the Industr. Comm. Washington, 1901, Vol. VII).

гербомъ, и онѣ золотятъ американскимъ золотомъ гербы Англии и Франціи. Правда, нѣкоторые изъ нихъ много жертвуютъ, но эти пожертвованія носятъ нѣрѣдко характеръ моды; есть, правда, исключенія, есть лица, которыя чувствуютъ свою отвѣтственность предъ націей, но при этой системѣ воспитанія чувство отвѣтственности предъ обществомъ за употребленіе своего богатства гложеть.

Одинъ миллиардеръ говорилъ: „наши отцы были львами, мы стали волками, а дѣти у насъ будутъ собаками“... Это—болѣзненный наростъ, и съ этимъ наростомъ тамъ, за океаномъ, человѣчество вступило въ XX вѣкъ: въ немъ серьезная опасность для общества, тамъ расшатывается государственннй организмъ, попирается законъ, рабочіе негодуютъ, и не придетъ ли время, спрашивать одинъ авторъ, когда они сами, т. е. миллиардеры, вынуждены будутъ искать защиты подъ сѣнью того закона, который они теперь попираютъ?.. Это—паразитизмъ... Одиночество воспитанія оказываетъ вредное вліяніе, чувство человѣчества теряется, въ погонѣ за матеріальнымъ богатствомъ утрачивается сердце... Это—симптомъ глубокой болѣзни, которая, быть-можетъ, потребуетъ операціи, но пока это—только фактъ, который оказываетъ крупное вліяніе на заокеанскую жизнь и представляетъ намъ одинъ изъ весьма возможныхъ путей, которымъ, быть-можетъ, пойдетъ человѣчество въ XX вѣкѣ.

Тресты идутъ далѣе: они не только подчинили тамъ себѣ человѣчество въ области матеріальной пищи, предписывая, что пить и что ѣсть и во что одѣваться, но думаютъ подчинить его и въ сферѣ духовнаго питанія...

Мы имѣемъ въ виду попытки организациі синдиката прессы и стремленіе оказывать вліяніе на самое направленіе университетской науки, въ особенности общественныхъ наукъ. Нѣкоторыя изъ столичныхъ газетъ—въ рукахъ крупныхъ корпорацій; такія газеты нѣрѣдко ведутся въ убытокъ, но эти расходы въ сущности для трестовъ являются бездѣлицей, зато тресты, основывая свою газету, приобретаютъ возможность вліять на общественное мнѣніе. Располагая большими средствами, они могутъ приобретать лучшія умственные силы, лучшихъ газетныхъ работниковъ и тѣмъ самымъ могутъ формировать общественное мнѣніе въ томъ направленіи, какъ это имъ желательно. Замѣтимъ, что телеграфъ находится въ Соединенныхъ Штатахъ въ рукахъ частныхъ лицъ, и, слѣдовательно, и съ этой стороны возможно вліяніе крупныхъ трестовъ, чтобы подорвать газету, направленіе которой мало желательно; стоитъ только не передавать такимъ газетамъ телеграфныхъ новостей, и нежелательный органъ прессы долженъ будетъ умереть естественною смертію. Въ Америкѣ уже теперь существуетъ, такъ наз. „трестъ новостей“, пользующійся своимъ монопольнымъ положеніемъ вполне тиранически. Трестъ новостей—это огромное телеграфное агентство, какое мы имѣемъ въ Россіи въ иниціаторѣ въ лицѣ россійскаго телеграфнаго агентства. Значеніе такого синдиката гораздо важнѣе въ Америкѣ, такъ какъ американская печать пользуется телеграфными извѣстіями въ гораздо большей степени, чѣмъ европейская. Этотъ трестъ новостей организованъ въ 1892 году нѣсколькими чикагскими издателями. Этотъ трестъ успѣлъ уже убить многихъ своихъ конкурентовъ, отказывая въ сообщеніи телеграфныхъ свѣдѣній органамъ печати, которыми онъ почему-либо недоволенъ. Такъ, расскажу одинъ случай: однимъ изъ сильнѣйшихъ конкурентовъ этого треста является одна нью-іоркская газета „The Sun“, одна изъ лучшихъ американскихъ газетъ, которая содержитъ цѣлый рядъ собственныхъ корреспондентовъ, въ особенности въ Европѣ, и, чтобы уменьшить свои расходы по содержанію корреспондентовъ, эта газета перепродаетъ свои свѣдѣнія другимъ газетамъ. Другая изъ крупнѣйшихъ чикагскихъ газетъ въ продолженіе 7 лѣтъ была членомъ упомянутаго выше треста новостей, но, когда заграничныя извѣстія стали играть большую роль въ американской жизни, газета стала покупать новости и у нью-іоркской газеты „The Sun“, но трестъ

новостей запретилъ эту покупку, и когда газета отказалась выполнить это предписание, то трестъ новостей прервалъ съ ней контрактъ и отказалъ ей въ продажѣ новостей. Правда, судъ восстановилъ контрактъ и высказался въ томъ смыслѣ, что новости представляютъ въ настоящее время предметъ необходимости, и нельзя отказывать въ ихъ продажѣ, но это рѣшеніе исходило уже отъ верховнаго суда штата Иллинойса, а въ первой инстанціи дѣло рѣшили въ пользу треста новостей. Возможно, что этимъ рѣшеніемъ будетъ подорвана монополія многихъ газетъ, но въ настоящее время открытіе новой газеты въ большомъ городѣ очень затруднено, потому что трестъ новостей не допуститъ новаго конкурента, не будетъ сообщать ему телеграфныхъ новостей. Года 3—4 тому назадъ чуть не погибла одна большая популярная нью-йоркская газета, т. н. „N. J. Journal“; ей было отказано въ телеграфныхъ новостяхъ упомянутымъ трестомъ, и газетѣ удалось спастись отъ неизбежной гибели только покупкой за баснословную сумму другой небольшой газеты, которая состояла членомъ треста новостей, при томъ членомъ постояннымъ, неисключимымъ; съ тѣхъ поръ на заголовкѣ этой газеты, послѣ крупныхъ буквъ „Нью-Йоркъ Журналъ“, слѣдуетъ микроскопическимъ шрифтомъ and Advertiser („Торг.-Пром. Газ.“, 1900 г., № 68). Стоитъ теперь промышленнымъ синдикатамъ захватить въ свои руки трестъ новостей или просто оказать влияние на него, и новости, неприятныя для нихъ, не будутъ передаваться, и печать будетъ молчать о томъ, о чемъ промышленные тресты хотятъ, и наоборотъ, будутъ сообщать свѣдѣнія, которыя предпшутъ промышленные тресты ¹⁾. Что значить при этомъ всеобщее образованіе, спрашивалъ одинъ изъ ораторовъ въ противотрестной конференціи въ Чикаго въ 1900 году, когда самый характеръ умственной пищи, ея качества будутъ опредѣляться трестами, какъ они опредѣляютъ теперь качество сахара, который мы ѣдимъ, спирта, который мы пьемъ, и т. д.

Другая и огромная опасность нависаетъ надъ Соединенными Штатами, вслѣдствіе развитія билліонныхъ гигантовъ-трестовъ.

Какъ извѣстно, милліардеры жертвуютъ крупныя суммы на американскіе университеты, на библиотеки. Нѣкоторые университеты исключительно основаны на ихъ средства, но это вызываетъ большія сомнѣнія. Здѣсь справедливо можно сказать: хвостъ-то лисій, а пасть-то волчья. Дѣло въ томъ, что эти жертвователи, владыки трестовъ, нѣрѣдко вмѣшиваются въ свободу научнаго преподаванія: конечно, не въ медицинскія или естественныя науки, а въ общественныя, въ политическую экономію, финансовую и экономическую политику, и уже было довольно много случаевъ удаленія, по требованію этихъ жертвователей, профессоровъ, которые держались въ области общественныхъ наукъ другихъ взглядовъ, чѣмъ это было въ интересахъ трестовъ.

Такимъ образомъ, этими пожертвованіями, этимъ золотомъ сковывается свобода научной мысли, и университеты начинаютъ обращаться въ послушныхъ слугъ владыкъ американскихъ трестовъ... Приведу примѣры такого вмѣшательства въ свободу научнаго преподаванія. Такъ, въ калифорнійскомъ университетѣ былъ удаленъ профессоръ Россъ за нападки на городскую желѣзную дорогу, за нападки, сдѣланныя вѣдъ университета, а въ этой дорогѣ была заинтересована г. Станфордъ, благотѣтельница университета. Профессоръ Ховартъ излилъ по этому поводу свое негодованіе въ аудиторіи, но тогда было потребовано и его удаленіе, и нѣкоторые другіе профессора должны были выйти изъ калифорнійскаго университета... Изъ чикагскаго университета былъ удаленъ проф. Бемп, одинъ изъ извѣстныхъ знатоковъ городского хозяйства и, особенно, городскихъ

¹⁾ О трестѣ новостей см. интересныя данныя въ Report of the Industr. Comm. Washington, 1901, Vol. VII.

предпріятій. Причина удаленія состояла въ томъ, что Беми высказался публично противъ одной привилегіи, которой домогалась газовая компанія города Чикаго и въ которой былъ заинтересованъ Рокфеллеръ—благодѣтель университета. Онъ далъ въ разное время на этотъ университетъ до 10 милліоновъ долларовъ.

Рокфеллеръ, нефтяной король, не желая подвергать своего сына опасностямъ жизни большого города, помѣстилъ его не въ свой университетъ въ Чикаго, а въ университетъ маленькаго города Провиденса и общалъ этому университету милліонъ долларовъ, если сынъ его тамъ кончитъ курсъ и онъ, Рокфеллеръ, будетъ доволенъ преподаваніемъ, но вдругъ Рокфеллеръ узнаетъ, что Андрюсъ, президентъ университета, читающій тамъ политическую экономію, проповѣдуетъ свободную чеканку серебра. Рокфеллеръ недоволенъ и отказывается въ обѣщанномъ дарѣ. Совѣтъ университета, боясь, что даръ уйдетъ отъ нихъ, предлагаетъ Андрюсу воздержаться отъ публичнаго изложенія своихъ взглядовъ. Тотъ считаетъ это несогласнымъ со своимъ достоинствомъ и покидаетъ университетъ. Можно привести еще другіе факты, иллюстрирующіе это положеніе. Такимъ образомъ, милліардеры, строя на свои деньги университеты или дѣлая крупныя пожертвованія, подчиняютъ себѣ университетскую науку въ сферѣ общественныхъ знаній и не только подчиняютъ науку, но даже контролируютъ всю университетскую дѣятельность профессоровъ, какъ гражданъ, зажимаютъ имъ ротъ и налагаютъ veto на ихъ публичную дѣятельность и такимъ образомъ избавляются отъ многихъ тормозовъ въ преслѣдованіи своихъ интересовъ ¹⁾: наука молчитъ, профессоры молчатъ, администрація нерѣдко подкуплена... Генераль-прокуроры, блюстители закона—вчерашніе юрисконсульты трестовъ...

Даже театръ не избѣгъ синдцированія: въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ большой театральнй трестъ. По показанію секретаря національнаго союза театральныхъ служащихъ, этотъ трестъ даетъ работу только лицамъ, принадлежащимъ къ союзу; онъ понизилъ вознагражденіе авторовъ за трудъ; авторы не могутъ теперъ получить того вознагражденія, на которое они могли рассчитывать ранѣе. Если авторъ не согласенъ дать свою пьесу тресту на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ трестъ предлагаетъ, то такой авторъ не можетъ рассчитывать на постановку его пьесы ни въ одномъ изъ театровъ, стоящихъ подъ контролемъ треста, а въ нѣкоторыхъ городахъ подъ его контролемъ стоятъ всѣ первоклассные театры, какъ-то: въ Чикаго, С.-Луи, Цинциннати. Трестъ имѣетъ свои театральныя школы, и онъ можетъ вербовать себѣ силы за небольшое вознагражденіе—по 20 долларовъ въ недѣлю и менѣе, я, такимъ образомъ, выбрасываютъ за борть лицъ, которые посвятили всю свою жизнь искусству, и которыя привыкли получать отъ 75 до 100 долларовъ въ недѣлю. Трестъ принесъ много ущерба владѣльцамъ тѣхъ театровъ, которые не связаны съ нимъ: онъ затруднилъ для нихъ наборъ хорошихъ труппъ, и нѣкоторые изъ нихъ вынуждены были закрыться ²⁾.

Только выдающіеся артисты ускользаютъ отъ вліянія этого треста. Въ будущемъ такой трестъ опять-таки представитъ изъ себя крупную опасность: по своему произволу онъ будетъ давать одні пьесы и снимать со сцены другія и, такимъ образомъ, можетъ оказывать крупное вліяніе на направленіе общественной мысли.

Милліардеры подкупами подчиняютъ себѣ и администрацію: да и какъ не подчинить, если вчерашніе юрисконсульты—сегодня генераль-прокуроры, блюстители закона. Чтобы лучше судить, какой характеръ носятъ иногда пожертвованія

¹⁾ Здѣсь вполне можно сказать: *timeo Danaos et dona ferentes*.

²⁾ Report of the Industrial Commission Washington, 1901, Vol. VII Digest, стр. 198 и далѣе подробн. въ „Testimony“.

американскихъ миллиардеровъ, приведу примѣръ послѣдняго пожертвованія Карнеги. Онъ предложилъ президенту Рузвельту 10 милл. долларовъ на цѣли высшаго образованія, и этотъ даръ имъ предложенъ въ формѣ бумагъ билліоннаго стального треста, при томъ съ обязательствомъ, чтобы американское правительство не отчуждало ихъ въ теченіе 50 лѣтъ, чѣмъ создавалось бы странное положеніе для американскаго правительства: оно, взявъ такой даръ, тѣмъ самымъ сдѣлалось бы заинтересованной стороной въ упомянутомъ трестѣ, съ которымъ, по существующимъ въ Соединенныхъ Штатахъ законамъ, оно должно было бы бороться. Возможно, что здѣсь имѣлась задняя мысль: обезопасить существованіе треста со стороны государственной власти, тѣмъ болѣе, что этотъ даръ былъ предложенъ въ тотъ моментъ, когда противотрестная лига возбудила обвиненіе противъ генеральнаго прокурора Нокеа (Кнох) за его бездѣйствіе по примѣненію законовъ противъ трестовъ. Президентъ, посоветовавшись съ сенаторами, высказался противъ принятія дара въ такой формѣ, и даръ былъ отклоненъ, но весьма возможно, — такъ какъ съ этимъ даромъ было надѣлено много шума и непристойность его въ такой формѣ достаточно была оценена въ прессѣ, — что онъ будетъ предложенъ въ другой, болѣе приемлемой формѣ, такъ какъ иначе это дало бы поводъ слишкомъ много говорить о скрытой цѣли дара — страхованіи билліоннымъ трестомъ себя противъ придирокъ закона.

Любопытно, какъ относятся рабочіе къ этимъ подаркамъ миллиардеровъ; такъ, недавно въ американской газетѣ „World“ сообщалось о протестѣ организованныхъ рабочихъ противъ принятія городомъ Луудомъ отъ того же Карнеги дара въ 25 тыс. долларовъ въ пользу публичной бібліотеки. Рабочій союзъ выразилъ сильный протестъ противъ принятія этой или какой-либо другой суммы отъ Карнеги и угрожаетъ подвергнуть бібліотеку бойкотированію, если этотъ даръ будетъ принятъ.

Быть можетъ, постройка университетовъ и крупныя пожертвованія не безвыгодны и съ коммерческой стороны. . . Быть можетъ, эти расходы можно поставить на одну доску съ расходами по созданію своихъ собственныхъ органовъ печати и т. д., только, конечно, труднѣе подчинить себѣ университетскую науку, особенно въ Америкѣ, въ странѣ съ англійскими традиціями, но надо помнить, что и вода точитъ камни.

Мѣдный король Кларкъ недавно основалъ свой университетъ, колумбійскій университетъ облагодѣтельствованъ Вандербильдомъ, нью-іоркскій — Гульдомъ. Радикальная печать въ Америкѣ заговорила объ устройствѣ въ скоромъ времени американскими миллиардерами особаго треста, который долженъ будетъ забрать въ свои руки преподаваніе соціальныхъ наукъ, придавъ имъ науравненіе благоприятное для ихъ интересовъ. Правда, свободу преподаванія охраняютъ теперь государственные американскіе университеты, но если вліяніе трестовъ будетъ расширяться на государственную власть, то, конечно, ихъ вліяніе можетъ проникнуть и въ стѣны этихъ университетовъ.

Итакъ, человѣчество такъ недавно еще покончило съ теократическими и другими формами рабства, съ ихъ цензурой — мысли и слова, но, повидимому, предъ человѣчествомъ стоитъ уже другая цензура — цензура трестовъ, еще, быть-можетъ, худшая. Только что человѣчество думало, что оно можетъ вздохнуть свободно, вырвавшись на свободу изъ тюрьмы, въ которую свѣтъ проникалъ только черезъ окна, раскрашенныя въ извѣстный цвѣтъ по волѣ тюремщиковъ, какъ оно опять попадетъ въ новую; ее уже тамъ строить за океаномъ, строить не по днямъ, а по часамъ, и она уже на половину готова. . .

Только что спали одни оковы раба, какъ на глазахъ человѣчества для него уже куются новыя оковы, куются поспѣшно, и мы, несчастное человѣчество, видимъ, какъ готовятъ новыя цѣпи, видимъ, какъ заковываютъ насъ въ нихъ.

Итакъ, вотъ перспектива: быть-можетъ, лучшіе умы будутъ куплены, газеты, основанныя трестами, будутъ преподносить ту пищу, которую имъ угодно, телеграфъ будетъ передавать тѣ свѣдѣнія, на которыя будетъ получена санкція трестовъ, а на университетскихъ кафедрахъ будетъ обходиться молчаніемъ то, о чемъ предпишутъ молчать владыки трестовъ. Здѣсь въ перспективѣ самое худшее рабство, какое когда-либо видѣло человѣчество: если прежде человѣкъ физически былъ связанъ, былъ рабомъ другихъ людей, то умственно онъ былъ свободенъ, теперь же мы присутствуемъ при возможности умственного рабства, когда вся печать сконцентрируется въ рукахъ трестовъ...

И вѣдаромъ, хоть это намъ, живущимъ въ Европѣ и кажется непонятнымъ, американскіе рабочіе протестуютъ противъ подарковъ, которые дѣлаютъ милліардеры. Вотъ одинъ изъ возможныхъ путей, которымъ пойдетъ человѣчество въ будущемъ: вѣдь, Америка достигла колоссальнаго развитія за послѣднее время и, конечно, въ будущемъ обогнать Европу и, быть-можетъ, подчинить ее себѣ въ экономическомъ отношеніи, и кто знаетъ—то, что назрѣваетъ теперь въ Америкѣ въ сферѣ общественныхъ отношеній, не насадитъ ли она это и въ Европѣ!

Но вотъ другая страна открываетъ намъ другой путь развитія, совершенно противоположный. Мы имѣемъ въ виду Австралію, этотъ рай рабочихъ. Новая Зеландія—это государство трудящихся въ истинномъ смыслѣ этого слова. Государственная машина—въ ихъ рукахъ... Въ палатѣ лордовъ сидитъ кузнецъ съ надомотричкомъ за мучными амбарами... Рабочіе организованы, какъ вѣдѣ въ мірѣ, и фактически успѣли получить 8-часовой рабочей день. Фабричное законодательство—лучшее въ свѣтѣ... Въ Викторіи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства обеспеченъ рабочимъ минимумъ заработной платы, и, напр., столярамъ этотъ минимумъ обеспеченъ свыше 3 руб. въ сутки. Въ Новой Зеландіи благами прекраснаго фабричнаго законодательства пользуются всѣ самыя маленькія мастерскія; помещеніе, гдѣ 2 лица работаютъ за плату, уже считается за фабрику и подлежитъ вѣдѣнію фабричной инспекціи. Введены обязательныя примирительныя камеры и примирительныя суды въ Новой Зеландіи, а недавно и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ для разбирательства недоразумѣній между предпринимателями и рабочими, и въ Новой Зеландіи рабочіе не знаютъ за послѣднее время обѣдѣній стачекъ. Введены тяжелые прогрессивныя налоги на крупныя наследственныя массы и прогрессивное обложеніе поземельной собственности, чтобы этимъ самымъ побудить ее къ раздробленію и дать возможность трудящимся приобретать себѣ участки земли и обрабатывать ее за свой страхъ (см. „Рабочее законодательство въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи“ въ „Русск. Экон. Обзорнѣ“ за 1898 годъ, № 9). Заработная плата здѣсь очень высокая, и при достаточномъ досугѣ рабочіе имѣютъ возможность умственно развиваться; про нихъ здѣсь говорятъ, что они питаются мясомъ и газетами. Не буду останавливаться на подробностяхъ, но это—другой типъ развитія: тамъ—въ Соед. Штатахъ создаются несметныя богатства, усиливается вліяніе капитала, и капиталъ опредѣляетъ волю государства, здѣсь, въ Новой Зеландіи, трудъ предьявляетъ свои права, рабочіе проводятъ свои идеалы; тамъ тресты завладѣваютъ государствомъ, а здѣсь государство—трестами. (Мы имѣемъ въ виду скупку поземельной собственности государствомъ въ Новой Зеландіи, чтобы ослабить поземельную монополію)... Тамъ для труда создаются рабскія условія, черныя листы... Здѣсь трудъ торжествуетъ... Куда же мы идемъ?... Будущее покрыто отъ насъ непрозрачною завѣсой. Мы обречены на гаданіе, и каждый въ зависимости отъ своей психологіи, отъ своихъ симпатій, антипатій предуказываетъ человѣчеству свой путь.

Вѣдами въ своемъ извѣстномъ романѣ рисуетъ всеобъждающее государ-

ство: государство торжествуетъ надъ трестами и воцаряется равномерное распределение богатства, миръ и счастье на землѣ.

Уэльсъ въ своемъ романѣ „Когда спящій проснется“ рисуетъ намъ другой путь. Въ нѣсколькихъ словахъ вотъ канва его романа: молодой человѣкъ умственного переутомленія страдаетъ бессонницей. Онъ перепробовалъ все, ничто не дѣйствуетъ на него, и въ отчаяніи онъ предпринимаетъ дальнее путешествіе пѣшкомъ, чтобы физически утомиться, и во время путешествія встречается одного господина, который даетъ ему сильно дѣйствующее средство, и онъ засыпаетъ. Просыпается черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ. При жизни у него было маленькое состояніе. Когда же онъ уснулъ, то это состояніе было передано на управленіе опекунамъ, и въ ихъ опытныхъ рукахъ оно колоссально выросло. Онъ, этотъ „спящій“, сталъ во главѣ всѣхъ синдикатовъ, всѣхъ трестовъ, все міра, однимъ словомъ, онъ сдѣлался владыкой міра. Онъ, „спящій“, подчинил себѣ науку, приобрѣлъ себѣ патенты на воздухоплаваніе, которое было во время его сна открыто, и владѣніе этимъ открытіемъ придало огромную силу „владыкѣ міра“. Воздушныя машины находятся только въ его власти, и съ быстротой вѣтра переносятся онъ, отдавая приказанія его управителямъ по всему свѣту. Обширная армія изъ пролетаріевъ и негровъ состоитъ въ его власти. Государственная власть вполне подчинена владыкѣ міра, владыкѣ трестовъ. . . Вся администрація на откупъ. Король Англіи получаетъ карманные деньги и, шатаясь, пьянствуетъ по кабакамъ и трактирамъ Лондона, сохраняя за собой только свой почетный титулъ. Англійскій парламентъ собирается попрежнему, но это теперь просто только одна церемонія, объясняемая приверженностью Англіи къ старинѣ, такъ какъ парламентъ никакого вліянія не имѣетъ. Законы издаются этими опекунами „владыки міра“. . . И опекуны управляютъ несмѣтными богатствами, все имъ подчинено, все преклоняется предъ ихъ волей, нація сведена къ арміи простыхъ рабочихъ-пролетаріевъ, которые даже одѣты въ однообразный костюмъ, синія блузы, и находятся въ исключительной власти этихъ опекуновъ „владыки міра“: они получаютъ жалкое вознагражденіе, рабочей день очень продолжителенъ. Однимъ словомъ, въ изображеніи Уэльса, когда просыпается „спящій“ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, онъ находитъ себя владѣльцемъ всѣхъ трестовъ, всѣхъ богатствъ міра, владыкой всей земли, все ему подчинено—и король, и парламентъ, и администрація, а кругомъ полное рабство. . .

Страшно становится за будущее человечества, а между тѣмъ этотъ путь имѣетъ за себя шансы: если развитіе американскихъ трестовъ пойдетъ такъ, какъ оно шло, если отъ скупки по мелочамъ они перейдутъ къ скупкѣ оптомъ государственной машины, то въ будущемъ, возможно, мы будемъ присутствовать при подобной картинѣ. Я особенно при этомъ имѣю въ виду тотъ фактъ, что американскіе тресты скупаютъ патенты на изобрѣтенія, устраиваютъ при себѣ огромныя лабораторіи, чтобы выпытывать у природы новыя средства борьбы, выпытывать ей тайны и такимъ образомъ получать въ свои руки все большую и большую власть надъ природой и людьми (но объ этомъ дальше), и нѣкоторые тресты имѣютъ при себѣ огромныя лабораторіи съ сотнями служащихъ, съ исключительной цѣлью дѣлать разнаго рода изобрѣтенія; слѣдовательно, они гораздо больше шансовъ имѣютъ получить власть надъ природой, и возможно, что въ лабораторіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ будутъ сдѣланы такія изобрѣтенія, которыя сдѣлаютъ ихъ дѣйствительными владыками міра, какъ это изображаетъ Уэльсъ. . . Америка можетъ скупить Европу, для этого въ настоящее время есть тонкое средство—это движимыя цѣнности: и, скупая ихъ, Америка, какъ паутиной, можетъ опутать Европу и привести въ нее свои общественныя формы.

Итакъ, барометръ конца XIX вѣка показываетъ переменную погоду: не съ яснымъ и синимъ небомъ, не съ прозрачнымъ воздухомъ, восходить надъ чело-

Первобытный человекъ.

9. ⁹Всѣ мы знаемъ исторію Робинзона. Въ дѣтствѣ, затаивъ дыханіе, мысленно участвовали въ удивительныхъ приключеніяхъ этого единственнаго въ своемъ родѣ героя, котораго судьба забросила на динокой островъ въ океанѣ, безъ всякихъ вспомогательныхъ ору-
 дъ культуры, и ко-
 торый, подобно „пер-
 вому человекѣ“,
 долженъ былъ са-
 мостоятельно снова
 создавать основы
 этой культуры. Мы
 слѣдили за нимъ,
 какъ онъ вновь при-
 думывалъ и дѣлалъ
 первый ножъ,
 первую лопату и
 плугъ, какъ онъ
 старался въ пер-
 вый разъ снова
 искусственно за-
 жечь огонь, какъ
 онъ устроилъ себѣ
 жилище, какъ онъ
 выдолбилъ себѣ
 лодку изъ ствола
 дерева, какъ онъ
 затѣмъ, въ концѣ
 концовъ, нашелъ
 себѣ товарища —
 правда, дикаря, но
 все же человекѣ, —
 который вскорѣ
 сталъ его помощни-
 комъ и другомъ.

Исторія Робин-
 зона первоначально
 не была дѣтской
 книжкой. Взрослые,
 вполне зрѣлые лю-
 ди не разъ увле-
 кались ею, и она наводила ихъ на различныя размышленія. Каждый
 изъ насъ, вѣроятно, переживалъ такія минуты душевнаго со-
 стоянія, когда вся наша блестящая культура ощущается, какъ
 тяжелое бремя. Въ такія минуты хочется подалеже бѣжать отъ
 культурнаго міра, чтобы дать отдохнуть своимъ нервамъ. Если
 принять во вниманіе такое настроеніе, Робинзонъ могъ казаться
 чужакомъ, который въ одинъ прекрасный день могъ потерять
 все, чтобы затѣмъ съ свѣжими силами, руководясь первоначальнымъ

Вильгельмъ Вельше.

естественнымъ побужденіемъ, снова создать все своими собственными руками. Какъ поэтическая картина, это можетъ быть очень красиво, но въ основѣ ея все таки лежитъ ошибка. Если извѣстная утонченность и чрезмѣрное напряженіе нервовъ въ нашей культурѣ временами вызываютъ въ насъ скверное настроеніе и утомляютъ насъ, то дѣйствительно помочь намъ въ этомъ можетъ лишь дальнѣйшій прогрессъ этой культуры. Извѣстное разумное саморегулированіе, а не банкротство всей культуры, связанное съ тяжелой необходимостью начинать все сначала, устранить всѣ эти отрицательныя стороны. Мы подсмѣиваемся надъ философомъ, который думаетъ, что онъ спасетъ міръ тѣмъ, что онъ самъ себѣ сдѣлалъ къ башмакамъ новыя подметки... Итакъ, мы не можемъ считать идеальнымъ человекомъ будущаго Робинзона, который долженъ собрать всѣ свои умственныя силы для того только, чтобы зажечь огонь.

Но несмотря на это, исторія Робинзона имѣетъ еще одну сторону, крайне цѣнную именно для насъ и достойную того, чтобы взрослый человекъ еще разъ обратилъ на нее вниманіе. Дѣло въ томъ, что она напоминаетъ намъ болѣе значительную исторію, которая принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ приключеніямъ, встречающимся въ нашей современной наукѣ о культурѣ. Человѣчество, какъ цѣлое, которое мы не считаемъ теперь уже больше чѣмъ-то сверхъестественнымъ, а просто результатомъ естественнаго развитія, — это человѣчество много лѣтъ тому назадъ находилось въ точно такомъ же положеніи, какъ Робинзонъ. Оно тоже очутилось на землѣ, какъ на пустынномъ островѣ, и всѣ тѣ культурныя средства, какими мы обладаемъ въ настоящее время, оно должно было создавать съ огромнѣйшимъ трудомъ. Съ этой точки зрѣнія исторія Робинзона имѣетъ глубокую символическую цѣнность. Она можетъ дать намъ извѣстныя черты, которыя должны имѣть значеніе для вышеупомянутой великой картины древняго міра.

Конечно, не всѣ условія вполне тождественны. Робинзонъ приходитъ изъ высоко развитой, культурной среды, онъ приноситъ съ собой различныя воспоминанія о ней, запасы нѣкоторыхъ познаній; настоящій же первобытный человекъ долженъ былъ и въ этомъ смыслѣ имѣть передъ собою все впереди. Но все же сходство съ Робинзономъ имѣется тутъ налицо: правда, Робинзонъ выросъ въ высоко развитой культурной обстановкѣ, но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о самихъ примитивныхъ культурныхъ основахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Онъ не знаетъ, какъ можно добывать огонь безъ сложныхъ вспомогательныхъ средствъ, онъ не знаетъ, какъ приготовить глиняный горшокъ или сдѣлать себѣ новую одежду: все это онъ долженъ самъ снова изобрѣсти, хотя онъ уже дитя культуры. И вѣдь со многими изъ насъ, сдавшими экзамены на ученныя степени, случилось бы то же. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, условія все же значительно совпадаютъ для Робинзона и первобытнаго человека.

Посмотримъ теперь, что дѣлаетъ нашъ Робинзонъ, очутившись на пустынномъ островѣ. Онъ находится на островѣ, гдѣ имѣются лишь минералы, растенія и животныя, но нѣтъ ни одного человека. Въ первый моментъ онъ обнаруживаетъ такія же свойства, какъ и эти три группы. Подобно минераламъ, онъ подчиняется закону тяжести: подъ вліяніемъ его онъ остается на берегу, куда его послѣ кораблекрушенія выбрасываетъ сильное волненіе. Подобно животному и растенію,

онъ нуждается въ пищу, подобно животному, онъ долженъ имѣть убѣжище отъ враговъ или оружіе. Если мы представимъ себѣ, что на такой берегъ высажены кроликъ, свинья и волкъ, то кроликъ немедленно сталъ бы рыть себѣ лапами яму въ землѣ для защиты отъ враговъ и непогоды, свинья стала бы рыломъ взрывать корни, а голодный волкъ съ оскаленными зубами, служащими ему орудіемъ нападенія, отправился бы на охоту. У человѣка мы видимъ точно такія же желанія, но въ то же время мы замѣчаемъ, что для осуществленія ихъ онъвыбираетъ совершенно особый, средній путь,—путь, которымъ идетъ только онъ: онъ старается найти себѣ орудіе.

Само собою понятно, что онъ первымъ дѣломъ выломаетъ себѣ крѣпкую дубину для защиты и выберетъ удобный камень, которымъ онъ могъ бы запустить въ своего врага. Онъ будетъ выбирать между имѣющимися на лицо камнями. Особенно удобный и острый камень будетъ служить ему кинжаломъ и ножомъ. Имъ же онъ будетъ вырывать изъ земли корни, которые онъ можетъ употреблять въ пищу. Но почему же онъ идетъ именно этимъ путемъ?

Прежде всего, мы тутъ замѣчаемъ внѣшнее основаніе такого поведения. Человѣческое тѣло построено въ извѣстномъ смыслѣ значительно хуже, чѣмъ, напримѣръ, у вышеназванныхъ животных. Его зубы не настолько остры, чтобы служить такой же хорошей защитой отъ враговъ, какой они являются у волка, его ноги не настолько пригодны для рытья земли, какъ у кролика. Но съ другой стороны, его рука какъ бы создана для того, чтобы брать въ руки посторонніе предметы и цѣлесообразно двигать ими,—т. е. для того, чтобы владѣть „орудіями“. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ волкъ или кроликъ пользуются своими органами, можно себѣ представить, человѣкъ онъ съ помощью этой руки могъ бы лишь карабкаться, подобно обезьянѣ. Но этой возможности жить, карабкаясь по деревьямъ, противорѣчитъ наличность у него ноги. Эта нога создана для ходьбы, хотя опять таки въ сравненіи, напримѣръ, съ копытомъ лошади, она довольно таки посредственнаго качества. Но для схватыванія, держанія и бросанія камней, и каменныхъ ножей рука человѣка имѣетъ прямо-таки универсальное значеніе, въ сравненіи съ которымъ забываются всѣ ея недостатки.

Но кто же даетъ ей орудіе, кто заставляетъ ее цѣлесообразно пользоваться имъ? Внѣшнимъ органомъ—рукою—руководитъ еще болѣе важный внутренній органъ—мозгъ, который умѣетъ дѣлать опредѣленные умозаключенія, который работаетъ логично, который можетъ предвидѣть опредѣленные цѣли и слѣдствія. Относительно камня или дубины онъ дѣлаетъ выводъ, что ими можно пользоваться въ такихъ-то и такихъ-то цѣляхъ, и онъ отыскиваетъ камень съ цѣлью пользоваться имъ, какъ ножомъ, какъ лопатой для рытья, какъ рычагомъ, онъ выбираетъ изъ всей массы камней наиболѣе пригодный для этой цѣли. Какъ только онъ замѣтитъ, что, напримѣръ, опредѣленный видъ камня особенно цѣлесообразенъ, онъ будетъ постоянно искать его и заставить человѣка или отыскивать его, или даже поселиться тамъ, гдѣ онъ встрѣчается часто.

Тутъ мы, конечно, должны сказать слѣдующее: лишь до этого момента дѣйствія Робинзона не возвышаются еще абсолютно надъ тѣмъ, что могутъ, по меньшей мѣрѣ, при случаѣ выполнять извѣстныя животныя. У обезьяны рука крайне похожа на человѣческую, и она обладаетъ также очень высоко развитымъ мозгомъ. Вполнѣ досто-

вѣрно установлено, что и у обезьянъ способность мозга къ умозаключеніямъ идетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ довольно далеко; такъ, напримѣръ, онѣ защищаются суковатой вѣткой въ рукѣ, какъ дубиной, скатываютъ камни на своего врага и даже при случаѣ употребляютъ камень или вѣтку, какъ орудіе въ качествѣ рычага. Можно было бы сказать, что человѣкъ только регулярно дѣлаетъ то, къ чему обезьяна прибѣгаетъ лишь временами, въ случаѣ опасности, причемъ опредѣляющимъ началомъ могло бы быть то, что человѣкъ для защиты не пользуется своей способностью лазить (какъ это дѣлаетъ обезьяна) и не обладаетъ оружіемъ въ видѣ большихъ острыхъ клыковъ обезьяней челюсти, т. е. слѣдовательно, онъ по необходимости долженъ лучше считаться съ другими своими средствами. Однако, при сравненіи отъ насъ не можетъ также ускользнуть то обстоятельство, что мозгъ человѣка построенъ куда сложнѣе и отличается значительно большею дѣеспособностью, чѣмъ мозгъ даже самыхъ высшихъ обезьянъ. Этимъ не сказано, что онъ совершенно отклоняется отъ имѣющейся уже тамъ на-лицо основной схемы; нѣтъ, во всѣхъ существенныхъ чертахъ своего строенія онъ представляетъ собою лишь крайне усовершенствованный и значительно окрѣпшій животный мозгъ. Во всякомъ случаѣ онъ сравнительно столь силенъ и могучъ, что мы могли бы сдѣлать такое предположеніе: въ области изобрѣтенія орудій человѣкъ не можетъ не создать еще чего-то такого, для чего будетъ уже не достаточно сравненіе съ дѣломъ рукъ обезьянъ.

Но намъ становится яснымъ, что Робинзонъ при приготовленіи простѣйшихъ орудій немедленно дѣлаетъ также второй шагъ. Онъ не только отыскиваетъ себѣ камни и вѣтки въ дикомъ видѣ, употребляя ихъ въ качествѣ оружія и орудій, но онъ также начинаетъ ихъ самъ цѣлесообразно обрабатывать и преобразовывать.

Онъ разбиваетъ камни одинъ о другой, чтобы получить возможно болѣе острые края, которые могли бы ему служить въ видѣ ножевыхъ клинковъ. Съ помощью такого каменнаго ножа онъ обдѣлываетъ дикій сукъ и превращаетъ его въ дѣйствительно удобную дубину. Онъ прикрѣпляетъ острый камень къ концу палки и такимъ образомъ получаетъ изъ двухъ элементовъ въ высшей степени удачно составленное оружіе — копье. Вполнѣ ясно, что эти дѣйствія представляютъ результатъ болѣе сложныхъ комбинацій мозга. Случайно найденный природный камень не только употребляется имъ въ качествѣ оружія и орудія, но въ данномъ камнѣ человѣкъ въ состояніи узрѣть новое, еще болѣе цѣлесообразное оружіе и орудіе, онъ получаетъ таковое изъ него посредствомъ искусственной обработки. При созданіи копья изъ двухъ данныхъ естественныхъ орудій цѣлесообразно создается новое, третье орудіе, еще не встрѣчавшееся до сихъ поръ въ природѣ. Безъ сомнѣнія, и въ животномъ царствѣ бываютъ случаи, когда животное, нѣсколько преобразуетъ для опредѣленныхъ цѣлей данные естественные матеріалы; возьмемъ для примѣра бобра, который при постройкѣ своихъ знаменитыхъ плотинъ обглаживаетъ древесные стволы такъ, что они имѣютъ видъ правильнаго, остроконечнаго палисадника. Но въ вышеупомянутомъ примѣрѣ, гдѣ обезьяны пользуются орудіями такъ же, какъ человѣкъ, гдѣ имѣется уже рука, гдѣ мозгъ стоитъ уже на очень высокой ступени развитія, гдѣ часто и недвусмысленнымъ образомъ проявляются непосредственно принимающія участіе индивидуальныя комбинаціи разума, —

здѣсь до сихъ поръ еще никогда не наблюдалось настоящаго усовершенствованія орудій. Никто никогда еще не видѣлъ обезьяны, ударяющей одинъ камень о другой съ тѣмъ, чтобы приготовить ножъ, или обрѣзывающей древесный сукъ камнемъ, или приготавливающей копье изъ сука и камня.

Но Робинзонъ, идя далѣе своимъ простымъ путемъ, вскорѣ переходитъ къ такимъ вещамъ, о которыхъ теперь съ безусловной увѣренностью можно сказать, что до нихъ никогда и нигдѣ не доходило ни одно животное. Робинзонъ раздробляетъ одинъ камень о другой, третъ куски дерева другъ о друга и совершенно самостоятельно получаетъ искры. Новая комбинаціи мозга доводятъ его до сознанія выдающагося значенія этой возможности искусственнаго добыванія огня и затѣмъ далѣе до непосредственныхъ постоянныхъ доступныхъ орудій и методовъ въ этой области. Искусственный огонь въ очагѣ является однимъ изъ его наиболѣе выдающихся и важныхъ орудій; онъ приобрѣтаетъ такое несравненно важное значеніе, что мы имѣемъ полное право сказать слѣдующее: лишь благодаря ему человѣкъ поднялся на основную ступень развитія всей высшей культуры. Вспомнимъ только, какое огромное значеніе имѣетъ этотъ искусственный огонь, какъ носитель теплоты, свѣта, вспомнимъ, что только благодаря ему приобрѣтается возможность жарить, варить, коптить; вспомнимъ, наконецъ, что съ нимъ связано приготовленіе всевозможной посуды и даже, въ зародышѣ, всякая искусственная обработка металловъ.

Здѣсь мнѣ хочется мимоходомъ указать на то, что во многихъ частяхъ прямо таки никуда не годныхъ переработкахъ исторіи Робинзона для юношества послѣдовательность и способъ обратнаго завоеванія отдѣльныхъ ступеней первобытной культуры не всегда проводится вполне логически и правильно; поэтому было бы очень желательно какъ разъ для нашего времени, чтобы кто нибудь правильно символически возстановилъ развитіе событій по возможности въ духѣ нашихъ современныхъ знаній

Но Робинзонъ не на всегда осужденъ на грубую тяжелую работу, которая лишь облегчала бы ему борьбу за существованіе. Послѣ того, какъ онъ счастливо покончилъ наиболѣе тяжелыя работы, у него, этого упорнаго пюнера одиночества, стало оставаться время для покоя и отдыха. И здѣсь выступаетъ явленіе, которое опять таки представляетъ нѣчто своеобразно человѣческое.

Съ помощью своихъ скромныхъ средствъ онъ старается украсить свою жизнь. Свое жилище, устроенное съ такимъ большимъ трудомъ,—даже если это естественная пещера въ известковой скалѣ,—онъ при случаѣ украшаетъ пестрыми лѣсными цвѣтами. Но не этимъ онъ превосходитъ животное. Плащеносцы, живущіе въ австраійскихъ рощахъ, тоже украшаютъ свои такъ называемыя свадебныя бесѣдки, воздвигаемыя ими въ періодъ любви, всевозможными пестрыми красивыми вещами—блестящими камешками, синими ягодками и ярко красными цвѣтами. Но и въ этомъ отношеніи Робинзонъ идетъ значительно далѣе, такъ какъ онъ соединяетъ свою примитивную любовь къ прекрасному съ своимъ обладаніемъ орудіями. Выломавъ съ дерева палку, онъ своимъ каменнымъ ножомъ снимаетъ съ него извѣстныя части коры и такимъ путемъ вырѣзываетъ на немъ красивые орнаменты. Куску оленьяго рога,

который онъ примѣнилъ для рукоятки ножа, онъ старается придать видъ головы животнаго. Если въ немъ есть хотя малѣйшая склонность къ рисованію, то онъ станетъ для препровожденія времени чертить на плоскихъ камняхъ древеснымъ углемъ или охрой всевозможные наброски. Этихъ зачатковъ скульптуры, живописи не обнаруживала еще ни одна обезьяна. Точно также Робинзонъ будетъ насвистывать мелодію; то же самое можетъ дѣлать и птица, но онъ и здѣсь создаетъ нѣчто осо-

Дѣвушка-питекантропъ. (Рисунокъ Габріеля Макса)

бенное, а именно, съ помощью орудія онъ сдѣлаетъ себѣ незамысловатую флейту. Эти черты „художника“ часто совершенно забываются въ обычныхъ описаніяхъ приключеній Робинзона, но вѣдь очень рѣдко бываетъ, чтобы даже средній, дюжинный человекъ не любилъ хотя бы немного музыки или не обладалъ, по крайней мѣрѣ, небольшимъ талантомъ къ рисованію.

Но полное одиночество и, вообще, вся его судьба натолкнетъ его въ такіе часы отдыха, безъ сомнѣнія, на то, до чего едва ли когда доходило даже самое умное животное: онъ станетъ раздумывать о серьезныхъ вопросахъ бытія, о Богѣ и о мірѣ. Страхомъ, но затѣмъ и утѣшеніемъ повѣсть на него отъ этой болѣе глубокой сознательности, которая издавна являлась основой всякой

философіи. Уже издавна всѣ робинзоны придавали большое значеніе этой чертѣ углубленія въ себя и самоанализа, и она также ясно выступаетъ въ случайныхъ вѣрныхъ исторіяхъ, положенныхъ въ основу романовъ.

Конечно, можетъ показаться, будто эти послѣднія черты являются ясно выраженными чертами человѣка, стоящаго уже на высокой ступени культурнаго развитія, каковымъ, собственно говоря, представляется Робинзонъ; здѣсь, повидимому, нѣтъ символическаго отношенія къ первобытному человѣку, стоящему на порогѣ всякой культуры. Но теперь начинаетъ играть важную роль другая фигура,

которая уже въ самыхъ древнихъ разсказахъ о Робинзонѣ такъ удачно ставилась для дополненія картины рядомъ съ культурнымъ человѣкомъ — Робинзономъ: я говорю о дикарѣ Пятницѣ. Пятница принадлежитъ къ человѣческому племени, стоящему еще теперь на сравнительно очень, очень низкой ступени культуры. Тогда какъ въ извѣстныхъ областяхъ земли человѣкъ поднялся почти на головокружительную высоту культурнаго развитія, эти племена, вслѣдствіе особыхъ условій судьбы, остались до сихъ поръ болѣе или менѣе неподвижно стоять на определенной очень низкой ступени. Здѣсь только повторяется явленіе, которое мы можемъ наблюдать повсюду также и въ животномъ и растительномъ царствахъ, и вслѣд-

Мужчина-питекантропъ. (Рисунокъ Габріеля Макса).

ствіе котораго мы видимъ тамъ такое разнообразіе формъ: рядомъ съ крайне высоко развитыми верхушками обыкновенно продолжаютъ самостоятельно существовать (по меньшей мѣрѣ, долгое время) очень много низшихъ побѣговъ. Конечно, въ концѣ концовъ, поднявшееся наверхъ такъ затемнить оставшееся внизу, что послѣднее должно погибнуть; точно такъ же рано или поздно культура должна побѣдить живущихъ еще и теперь дикихъ народовъ, „дикарей“. Когда Робинзонъ былъ впервые написанъ, тогда еще не знали, что какъ разъ въ центрѣ того материка, на одинъ изъ острововъ котораго легенда переноситъ страну Робинзона, а именно въ тропической глубинѣ Южной Америки, еще и понынѣ существуютъ дикари живущіе

въ почти невѣроятнo примитивныхъ условіяхъ. Еще лучше было бы, по крайней мѣрѣ, для символическаго смысла, если бы исторія разыгралась на австралійскомъ материкѣ такъ, чтобы Пятница оказалась австралійскимъ негромъ.

Посмотримъ же теперь, какія условія были необходимы, чтобы логически была возможна совмѣстная жизнь и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно успѣшная совмѣстная работа этихъ двухъ, на первый взглядъ діаметрально противоположныхъ людей, воспитаника культуры, Робинзона, и голаго дикаря, Пятницы. Какъ это ни странно, но изъ всѣхъ до сихъ поръ упомянутыхъ „завоеваній“ Робинзона въ области культуры фактически нѣтъ ни одного, которымъ бы не обладалъ также Пятница. И у него есть человѣческая рука, человѣческой мозгъ и орудіе; что касается орудій, то онъ въ этомъ отношеніи пошелъ такъ далеко, что не только отыскиваетъ природный матеріалъ для нихъ, но и умѣетъ его уже обрабатывать, ему также уже давно знакомо искусственное добываніе огня, при чемъ, конечно, дальнѣйшая перспектива употребленія этого огня ему такъ же ясна, какъ въ данный моментъ и самому Робинзону; такъ, напримѣръ, вышеупомянутые дикари Бразиліи, о существованіи которыхъ стало извѣстно сравнительно недавно, не имѣли абсолютно никакого понятія объ обработкѣ металловъ. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности то обстоятельство, что Пятница значительно превосходить Робинзона во многихъ простыхъ работахъ, напримѣръ, хотя бы при добываніи огня посредствомъ тренія и сверленія деревянныхъ палочекъ: вѣдь для него это—болѣе привычное занятіе.

Но Пятница также большой любитель искусствъ. Съ помощью самыхъ простыхъ приспособленій онъ можетъ поиграть; потанцовать онъ тоже не прочь. Какъ ребенокъ, онъ украшаетъ себя цвѣтами. Онъ неустанно вырѣзываетъ что-либо на всѣхъ орудіяхъ, столбахъ и горшкахъ, обнаруживаетъ поразительную любовь къ яркимъ орнаментамъ и цвѣтамъ и отличается издавна вошедшимъ въ его плоть и кровь умѣнемъ окружать себя ими. Когда его господинъ спрашиваетъ его о внѣшнемъ видѣ какого-либо дикаго животного, онъ умѣетъ довольно отчетливо нарисовать животное на пескѣ. Предположимъ, что онъ отличается отъ своихъ соплеменниковъ нѣкоторымъ талантомъ въ этой области; тогда онъ рисуетъ даже эскизы, отличающіеся поразительнымъ соотвѣтствіемъ природѣ. Но Пятница можетъ быть также очень серьезнымъ человѣкомъ. Его голова полна сказаніями и мистическими представленіями его народа. Его фантазирующій умъ увѣренъ въ томъ, что небо и земля кишатъ духами. Онъ знаетъ легенду, какъ образовался міръ. Онъ гораздо меньше занятъ своимъ физическимъ тѣломъ, чѣмъ постоянной заботой о примиреніи съ таинственными силами и о вліяніи на нихъ. Его примитивная философія считаетъ эти силы руководителями измѣнчиваго процесса бытія. И то, и другое, т. е. способность къ искусствамъ и къ прямо таки безграничному мудрствованію о судьбахъ міра, воплотившаяся въ старинныхъ мифологіяхъ, дѣйствительно представляетъ собой настоящей основной элементъ въ жизни „самаго дикаго“ дитяти природы, какое мы только можемъ себя представить; цѣлые музеи можно наполнить художественными произведеніями такихъ дикарей, много томовъ можно было бы составить изъ пересказовъ выдуманныхъ ими мифовъ.

Но тотъ фактъ, что Робинзонъ и Пятница могутъ такъ подружиться

другъ съ другомъ, какъ этого хочетъ исторія (и это не представляетъ собою ничего невѣроятнаго),—покоится опять таки на двухъ основныхъ человѣческихъ свойствахъ, которыя имѣются у нихъ обоихъ; мы не могли касаться этихъ свойствъ до сихъ поръ потому, что мы говорили не о многихъ людяхъ, живущихъ обществами, а лишь объ одинокомъ отшельникѣ, Робинзонѣ. Это отшельничество, какъ бы оно ни было необходимо для завязки всей исторіи, представляетъ само по себѣ символически невѣрную черту, такъ какъ съ самыхъ первобытныхъ временъ человѣкъ фактически былъ общественнымъ существомъ. Но для этой общественности рѣшающимъ началомъ было то же, что связываетъ и здѣсь обоихъ этихъ людей! У культурнаго человѣка, Робинзона, и у дикаря, Пятницы, имѣются извѣстныя, простѣйшія, но основныя нравственныя чувства. Робинзонъ изъ жалости спасъ Пятницу, и Пятница глубоко благодаренъ ему за это. Между ними завязывается дружба, основанная на извѣстномъ взаимномъ обезпеченіи вѣрности. Эти чувства благодарности, вѣрности развиты у самаго грубаго дикаря нашихъ дней уже такъ же хорошо, какъ и у самаго культурнаго человѣка. Они образуютъ основу нравственности и права и вмѣстѣ съ тѣмъ основу всякой общественной жизни человѣчества. Намъ не можетъ удивлять то обстоятельство, что эти чувства свойственны Пятницѣ и Робинзону, такъ какъ ихъ мы встрѣчаемъ даже у животнаго; такъ, собака, пока она нормальна, твердо придерживается установленныхъ отношеній со своимъ хозяиномъ и остается ему благодарной прямо таки съ желѣзной послѣдовательностью. Что касается жалости и уваженія къ человѣку въ болѣе широкомъ смыслѣ, то въ этомъ отношеніи Робинзонъ, пожалуй, стоитъ нѣсколько выше Пятницы; такъ, онъ презиралъ людоедство; Пятница, правда, тоже отказывается отъ него, но это для дикаря большая жертва, по существу онъ — людоедъ. Но тутъ мы должны замѣтить, что ни въ коемъ случаѣ не всѣ первобытныя народы, живущіе въ настоящее время, являются людоедами, тогда какъ, съ другой стороны, и наша высшая культура не совсѣмъ свободна отъ остатковъ отдѣльныхъ рѣзкихъ противорѣчій, препятствующихъ окончательному осуществленію ея собственнаго идеала полного уваженія къ человѣку.

Во-вторыхъ, въ распоряженіи Робинзона и Пятницы имѣется еще одно крайне важное внѣшнее вспомогательное средство для соціальнаго пониманія—это рѣчь, языкъ. Если даже вначалѣ въ ихъ языкахъ имѣются разныя слова, то это не представляетъ продолжительнаго препятствія для взаимнаго пониманія, такъ какъ вслѣдствіе наличности общихъ предметовъ созерцанія эти два языка могутъ легко слиться, при чемъ или одна или обѣ стороны переучиваютъ языкъ. Но тотъ фактъ, что онъ вообще имѣется у нихъ, представляетъ опять таки основное приобрѣтеніе человѣка. Начатки этого явленія можно прослѣдить и у животнаго. Но настоящій человѣческой, сознательный языкъ, какимъ уже съ незапамятныхъ временъ владѣютъ всѣ дикари, живущіе и понынѣ, стоитъ здѣсь опять такизначительно выше всего того, что мы наблюдаемъ у животнаго, онъ, очевидно, представляетъ собою результатъ наличности того излишка мозга, который имѣется у человѣка, даже у самаго дикаго австралійца, но котораго нѣтъ даже у высихъ обезьянъ.

Въ общемъ, однако, намъ все же поражаетъ та близость, которая образовалась между Робинзономъ и Пятницей на этомъ островѣ. Исто-

рѣ затѣмъ рассказываетъ намъ также о томъ, что Робинзону удалось на протяжении всего лишь одной человѣческой жизни сдѣлать своего Пятницу вполнѣ культурнымъ человѣкомъ, такъ что, въ концѣ концовъ, они по своимъ жизненнымъ привычкамъ не отличались другъ отъ друга. Одинъ изъ нѣсколькихъ авторовъ, передѣлывавшихъ исторію Робинзона на современный ладъ, находитъ даже возможнымъ закончить изложеніе тѣмъ, что въ послѣдствіи Пятница и Робинзонъ стояли во главѣ столярной мастерской въ культурномъ городѣ, Гамбургѣ. Клаатшъ, являющийся однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и критически мыслящихъ современныхъ антропологовъ, рассказываетъ объ одномъ настоящемъ австралійскомъ негрѣ слѣдующее: одна англійская семья въ Сиднеѣ взяла его полугодовалымъ ребенкомъ, и черезъ двадцать лѣтъ онъ сталъ вполнѣ образованнымъ культурнымъ человѣкомъ, ничѣмъ не уступающимъ современному культурному англичанину, и съ нимъ можно было вести разговоръ о самыхъ сложныхъ вопросахъ нашей европейской науки. Быть можетъ, это благоприятный индивидуальный фактъ, но въ общемъ, онъ вполнѣ достаточенъ для того, что бы говорить положительно объ общей возможности.

Но тутъ особенно интересно то обстоятельство, что такой первобытный австралійскій негръ обнаруживаетъ въ строеніи своего тѣла вполнѣ опредѣленные признаки, рѣзко отличающіе его отъ культурнаго европейца. Въ его скелетѣ и, прежде всего, въ его черепѣ замѣчаются своеобразныя черты, которыя выдають, по меньшей мѣрѣ, нѣкоторую близость его къ низшей, животной, обезьяноподобной организаци. Но несмотря на это, его мозгъ, помѣщающійся въ такомъ отсталомъ черепѣ, достигъ уже по крайней мѣрѣ, по своимъ задаткамъ, той ступени, на которой его приходится причислять къ человѣку.

Представимъ себѣ, однако, что исторія Робинзона заканчивается совершенно особымъ образомъ,—конецъ, котораго вы не встрѣтите ни въ одной изъ существующихъ обработокъ; но вѣдь романической матеріаль свободенъ, мы можемъ измѣнить его, какъ угодно. Итакъ, допустимъ, что культурные люди не нашли Робинзона и Пятницу на ихъ одинокомъ островѣ. Оба они умерли въ свое время, и крошечный уголокъ ихъ горестей и радостей, ихъ смѣлыхъ культурныхъ мечтаній снова былъ отданъ во власть природы. Лѣсъ снова покрылъ это мѣстечко, вѣтеръ зарылъ ихъ орудія и скелеты. Затѣмъ изслѣдователи открыли этотъ островъ. Старинные остатки привлекли ихъ вниманіе. На основаніи каменныхъ орудій, которыя они выкапывали то тамъ, то сямъ изъ песка, изъ пола пещеръ, они догадались о существованіи на этомъ островѣ человѣка. Въ одномъ мѣстѣ они находили совершенно примитивное, едва отдѣланное каменное оружіе, сдѣланное Робинзономъ въ первое время его пребывания на островѣ. Въ другомъ же мѣстѣ они наталкивались на значительно лучший матеріаль, обнаруживавшій прогрессировавшее умѣнье обрабатывать продукты природы. Древесный уголь, обожженные кости сохранялись, какъ трогательная реликвія, какія то каракули, остатки сѣвѣйнаго занятія искусствомъ: вполнѣ ясное очертаніе тѣла животного. Наконецъ, изслѣдователи находятъ и кости людей, которые тутъ жили. Они находятъ два черепа: одинъ, красиво построенный, а другой болѣе примитивный. Но послѣдній, повидимому, принадлежалъ человѣку, который жилъ въ извѣстной культурной обстановкѣ. Одинъ изъ нихъ похороненъ

очень заботливо, съ трогательной любовью. Вы какъ бы предугадываете мысли, на которыя натолкнула эта смерть,—событіе, которымъ заинтересовался умъ и фантазія. Но рядомъ съ этимъ обнаруживаются отвратительные остатки пира людоедовъ,—дѣло рукъ враждебныхъ соплеменниковъ Пятницы. Въ непосредственной близи другъ съ другомъ здѣсь, повидимому, жили какіе то два діаметрально противоположныхъ другъ другу существа.

Но когда же все это было? Исслѣдователи измѣряютъ вышину песочнаго слоя, накопившагся здѣсь. Они находятъ въ древнихъ отбросахъ стряпни Робинзона кости гигантской неуклюжей наземной черепахи, которая въ настоящее время не живетъ уже больше на этомъ островѣ. На стѣнѣ пещеры выцарапана фигура какъ разъ такой же черепахи. Но Робинзонъ и Пятница очень сильно уменьшили размѣры этихъ животныхъ, которыхъ они одолѣвали при помощи простѣйшаго оружія. Послѣдніе экземпляры этихъ животныхъ были уничтожены значительно позднѣе голодными матросами корабля, приставашаго къ этому острову. Послѣдняя дата извѣстна, и она служитъ ученымъ первой точкой опоры. Вышеописанные первые обитатели острова должны были здѣсь жить очень, очень давно...

Но довольно намъ фантазировать. Почти съ такимъ же инвентаремъ и при такихъ же условіяхъ передъ нами теперь вотъ уже лѣтъ пятьдесятъ снова выплываетъ въ прямо таки тождественной послѣдовательности изъ мрачныхъ песчаныхъ могилъ забвенія „робинзонская“ культура дѣйствительнаго человѣчества; она, какъ доказано, зародилась въ такіе суровые, давно, давно прошедшіе дни и повсюду проводитъ свою линію такъ неуклонно, безъ всякаго подозрительнаго отклоненія въ сторону, что здѣсь мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ говорить о произведеніяхъ случайно зародившейся, подобно исторіи Робинзона, изолированной вѣтви культуры, а должны съ полной увѣренностью признать слѣдующее: здѣсь передъ нами дѣйствительная первобытная жизнь, здѣсь передъ нами сама великая первобытная драма лишь впервые зарождающейся человѣческой культуры.

Если мы захотимъ высказать общее предположеніе относительно того, когда могло имѣть мѣсто это начало культуры на нашей планетѣ, то и въ этомъ отношеніи наша символическая легенда будетъ намъ лучшимъ указаніемъ, такъ какъ и она связываетъ свою исторію съ двумя первыми и основными предпосылками: наличностью человѣческой руки и наличностью мозга, болѣе развитого, чѣмъ у высшихъ обезьянъ. Человѣческая рука была до тѣхъ поръ невозможна, какъ произведеніе нашей земли, пока у живущаго на сушѣ позвоночнаго животнаго не развилась пятипалая лапа; начальнымъ моментомъ этого послѣдняго превращенія можетъ быть, приблизительно, каменноугольный періодъ. Эта рука должна была пройти стадію руки, приспособленной для лазанія, какую мы видимъ у высшаго млекопитающаго. Наболѣе древнія руки млекопитающихъ, отличающіяся этой особенностью были найдены въ пластахъ, относящихся къ первому низшему отдѣлу третичнаго періода, къ эоцену, но мы имѣемъ нѣкоторое основаніе допустить, что онѣ имѣли и въ самыхъ послѣднихъ отдѣлахъ мѣлового періода. Во всякомъ случаѣ, уже въ началѣ третичнаго періода такая человѣческая рука была „возможна“.

Но основаніемъ развитія человѣческаго мозга является развитіе въ точно такой же степени мозга позвоночнаго животнаго до стадіи выс-

шаго млекопитающего, отъ котораго возможенъ былъ только переходъ къ человѣку. Непосредственно сравнить съ нимъ можно лишь мозгъ обезьянъ и, въ болѣе узкомъ смыслѣ, мозгъ такъ наз. человѣкообразныхъ обезьянъ, каковы гиббонъ, орангъ-утанъ и горилла. Поскольку очень скудные остатки, найденные до сихъ поръ, даютъ намъ нѣкоторыя данныя, мы имѣемъ право сдѣлать предположеніе, что и процессъ развитія обезьянъ въ упомянутую эоценовую эпоху, повидимому, былъ уже въ полномъ ходу. Изъ средней эпохи третичнаго періода, — а именно, міоценовой, — мы имѣемъ несомнѣнныя кости настоящихъ человѣкообразныхъ обезьянъ. Такимъ образомъ, въ это время, должно быть, было дано послѣднее условіе образованія человѣческаго мозга, съ этого времени онъ могъ бы развиваться. Но на основаніи различныхъ данныхъ представляется весьма вѣроятнымъ, что человѣкъ произошелъ не отъ человѣкообразныхъ обезьянъ, а развивался уже параллельно съ ними. Современный человѣкъ обладаетъ куда большимъ мозгомъ, чѣмъ эти высшія обезьяны; наоборотъ, его зубы значительно слабѣе, и у него нѣтъ сильно выдающихся впередъ клыковъ. Но его зубы не производятъ такого впечатлѣнія, будто онъ регрессировалъ и являются редуцированными зубами гориллы что-ли. Скорѣе, они обнаруживаютъ болѣе простую, болѣе первобытную черту, подобно той, какую въ противоположность сильно специализированнымъ зубамъ, мы встрѣчаемъ какъ у корня всѣхъ высшихъ млекопитающихъ вообще, такъ и внутри отдѣльныхъ развѣтвленій группы млекопитающихъ, у болѣе старыхъ представителей этихъ развѣтвленій.

Такимъ образомъ, существуетъ весьма обоснованное предположеніе, что человѣкъ можетъ представлять собою сравнительно первобытный продуктъ того мѣста въ стволѣ родословнаго дерева обезьянъ, гдѣ впервые отдѣлились отъ ствола человѣкообразныя обезьяны. У этихъ человѣкообразныхъ обезьянъ образовались сильныя, могучіе зубы, служившіе имъ оружіемъ (главнымъ образомъ, увеличенные клыки), но какъ разъ поэтому онъ насколько не прогрессировалъ въ ростѣ той части черепа, гдѣ помѣщается мозгъ, и въ ростѣ самого мозга, въ сравненіи съ мозгомъ основного типа, являющагося первоначальной исходной точкой развитія группы. Но, конечно, основной типъ въ сравненіи съ другими млекопитающими, обладалъ уже высоко развитымъ черепомъ. Человѣкъ-же, напротивъ, сохранилъ свои простые и первоначальные зубы, но обнаружилъ значительный прогрессъ въ развитіи черепа и мозга.

Если человѣкообразныя обезьяны прошли свой путь до конечной цѣли уже въ міоценовую эпоху, то мы должны будемъ необходимо перенести общую исходную точку, гдѣ развитіе пошло по двумъ путямъ, назадъ въ эоценовую эпоху; тогда уже ничто не мѣшаетъ намъ допустить, что приблизительно въ концѣ эоценовой эпохи, человѣкъ со своими наиболѣе характерными чертами выдѣлился уже изъ родословной и пошелъ по своему пути. Въ міоценовую эпоху онъ могъ, подобно человѣкообразнымъ обезьянамъ, достигнуть съ своей стороны въ существенныхъ чертахъ полного развитія своего мозга. Конечно, и тогда еще могли проявляться отдѣльныя сильныя различія въ строеніи костей въ сравненіи съ современнымъ человѣкомъ, но они не были настолько сильны, чтобы пришлось видѣть неподходящую пропасть между современнымъ человѣкомъ и человѣкомъ той эпохи. Дѣло въ томъ, что требовался извѣстный, не слишкомъ крупный про-

есъ въ сравненіи съ человѣкообразными обезьянами, чтобы возникли къ разъ характерныя для человѣка отличія, а, съ другой стороны, мы видимъ, что эти послѣдствія имѣются на-лицо въ самомъ широкомъ смыслѣ въ настоящее время также и у такихъ человѣческихъ расъ (напримѣръ, у австралійскихъ негровъ), которыя еще и теперь обнаруживаютъ рѣзкія своеобразныя черты строения костей.

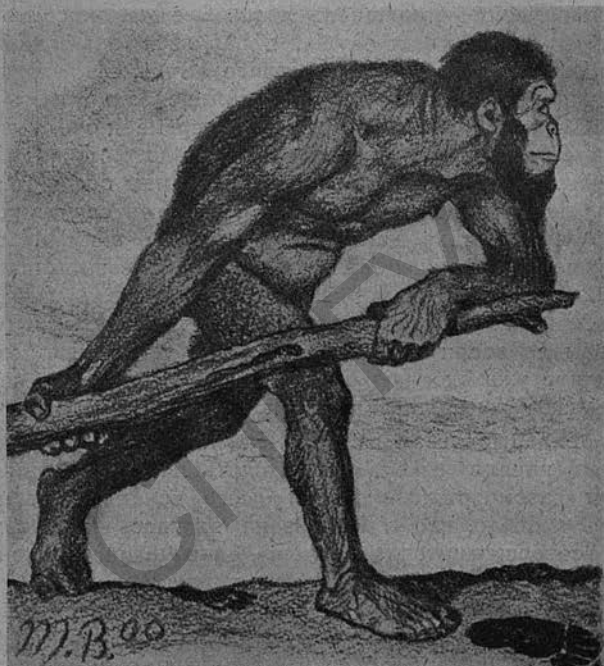
Но, говоря о характерныхъ для человѣка результатахъ развитія, имѣемъ въ виду не что иное, какъ первое употребленіе орудій такъ, какъ ими пользуется человѣкъ.

Такія человѣческія орудія, по всей вѣроятности, впервые появились въ началѣ миоценовой эпохи. Безконечно огромное количество времени отдѣляетъ насъ отъ этой эпохи. Съ тѣхъ поръ прошло, безъ сомнѣнія, много, много миллионъ лѣтъ. Все же ничто не могло бы помѣшать тому, чтобы такія орудія, дѣлавшіяся изъ наиболѣе прочнаго матеріала, а именно, изъ твердаго камня, не сохранились гдѣ-нибудь въ защищенномъ мѣстѣ, подобно вышеупомянутымъ реликвіямъ Робинсона. Вѣдь сохранилось же до нашего времени очень много костей животныхъ, жившихъ въ эту эпоху. У насъ до сихъ поръ нѣтъ еще остатковъ костей человѣка, приблизительно, изъ середины третичнаго періода. Но вѣдь человѣческія кости во всякомъ случаѣ разрушаются значительно легче, чѣмъ камень. Принимая во вниманіе общую возможность существованія человѣка въ то время, возможность, основанную на достаточно вѣрныхъ признакахъ, мы можемъ сказать, что находка несомнѣннаго каменнаго орудія въ нетронутыхъ отложенияхъ недавняго времени вполне доказала бы, что тогда уже „исполнились предсказанія Робинсона“, и что уже окончательно произошло наиболѣе своеобразное развитіе, имѣвшее когда либо мѣсто на нашей планетѣ.

Если придерживаться исторіи Робинсона, то мы можемъ надѣяться, что въ началѣ мы будемъ находить лишь простѣйшія орудія. Теперь, при разсмотрѣніи развитія всего человѣчества, мы должны представлять себѣ то, что у Робинсона являлось короткимъ рядомъ развитій, совершавшихся въ теченіе одной единственной короткой человѣческой жизни, раздѣленнымъ на цѣлую цѣпь великихъ историческихъ ступеней развитія, на которыя медленно, шагъ за шагомъ, приходился рядъ отдѣльныхъ человѣческихъ поколѣній. Правда, темпъ развитія былъ, безъ всякаго сомнѣнія, не одинаковъ у различныхъ частей человѣчества. Въ частяхъ свѣта, находившихся въ благоприятныхъ условіяхъ, человѣчество значительно быстрѣ достигло высшихъ ступеней развитія въ неблагоприятныхъ. Только такимъ путемъ могло произойти, что въ настоящее время рядомъ съ Робинсономъ можетъ еще жить голый дикарь, Пятница, который обычно пребываетъ на ступени каменнаго вѣка. Рядомъ съ отдѣльными, быстро растущими культурными центрами, повсюду, постоянно вдали терялись болѣе широкіе круги народовъ, которые затѣмъ оставались тѣмъ, чѣмъ они были въ самомъ началѣ. Рядомъ съ ростомъ человѣчества въ верхъ, наблюдался также ростъ въ ширину, при чемъ это развитіе ни въ коемъ случаѣ не шло постоянно одинаковымъ темпомъ. Этого никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, если мы не хотимъ получить превратное представленіе о развитіи. Но чѣмъ больше вдумываешься въ дѣйствительный начальнаго періода всей культуры, тѣмъ яснѣ должны намѣчаться слѣды постепеннаго переходу къ высшему отъ низшаго, которое повсюду было когда-то служить начальнымъ моментомъ развитія. Какъ

и у Робинзона, первобытныя орудія должны были вначалѣ представлять собою не что иное, какъ простые, удобные для руки камни, сучья и тому подобные непосредственныя продукты природы. При этомъ въ первую очередь для насъ будутъ имѣть значеніе камни, такъ какъ они обладаютъ способностью сохраняться въ теченіе очень долгаго времени. Ихъ, слѣдовательно, мы должны искать въ древнихъ слояхъ третичнаго періода.

Но неудобство заключается въ томъ, что мы съ трудомъ можемъ установить значеніе находимыхъ нами камней. Какъ же можно сдѣлать о такомъ отдѣльномъ камнѣ, являющемся чистымъ продуктомъ природы, выводъ, могъ ли онъ служить человѣку первымъ орудіемъ,

Первобытный человекъ на охотѣ. (Рисунокъ М. Бернута).

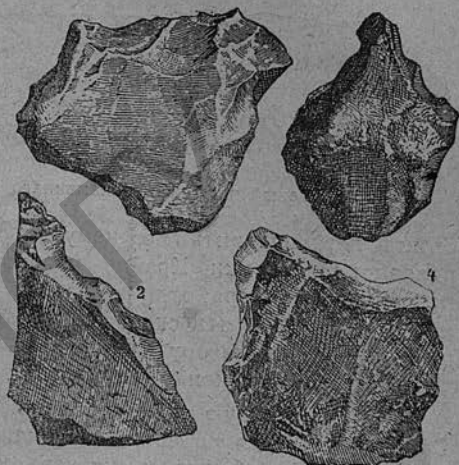
или онъ уже дѣйствительно служилъ таковымъ? Камни, которые могли бы служить въ качествѣ орудія людямъ, быть можетъ, лежатъ также и на лунѣ, въ случаѣ если бы тамъ уже были люди. Въ крайнемъ случаѣ, нѣкоторой точкой опоры намъ могло бы служить то обстоятельство, если бы такіе, очевидно, удобные камни въ небольшомъ количествѣ были свалены въ кучу уже тогда въ какомъ нибудь мѣстѣ.

Значительно лучшимъ признакомъ могли бы служить первые, хотя бы очень грубые слѣды искусственнаго улучшенія, на примѣръ, точенія такихъ камней. Но чѣмъ грубѣе вещь, тѣмъ болѣе должно возникнуть сомнѣній, не является ли причиной этого оттачиванія или разлома камня какое-либо вліяніе природы, а не рука человѣка?

Поэтому насъ не можетъ удивить то обстоятельство, что уже самъ по себѣ первый „фактъ“ доисторической культуры еще теперь составляетъ

спорный вопросъ. Въ послѣднее время въ неприкосновенныхъ, никогда не измѣнявшихся въ послѣдствіи слояхъ миоцена нашли очень много отдѣльныхъ кусковъ камня, которые имѣютъ такой видъ, какъ будто они уже подвергались обработкѣ; но эта обработка настолько проста и груба, что должно было возникнуть и, дѣйствительно, возникло сомнѣніе относительно ихъ происхожденія. Наиболѣе важнымъ и несомнѣннымъ мѣстомъ находокъ является мѣстность вблизи Орильяка (Aurillac) въ южной Франціи. Песчаные слои миоцена были покрыты тамъ въ ту отдаленную эпоху лавой когда-то дѣйствовавшего вулкана въ Оверни. Въ этихъ слояхъ песку были найдены кости гиппаріона, лошади, у которой на каждой ногѣ было по три копыта, и слона-динотерія съ отогнутыми назадъ клыками въ нижней челюсти; оба эти животныя считаются крайне странными и своимъ внѣшнимъ видомъ показываютъ, что они принадлежатъ давно прошедшему первобытному міру. Но, кромѣ того, тамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятъ цѣлыми кучами отдѣльные куски кремня; приблизительно, семьдесятъ процентовъ ихъ обнаруживаютъ болѣе или менѣе ясные слѣды обработки. Въ этомъ видѣ, свидѣтельствующемъ о прикосновеніи къ нимъ рукъ человѣка, попали они въ песокъ миоценовой эпохи.

Кремень представлялъ собою первоначально мягкую, въ послѣдствіи затвердѣвшую массу, которая преимущественно образовалась, въ болѣе древній, мѣловой періодъ, вѣроятно, въ результатъ выдѣленія кремневыхъ веществъ низшими животными, жившими въ морѣ. Лежа въ известковомъ морскомъ илѣ, еще мягкій кремень вмѣстѣ съ иломъ затвердѣлъ и превратился въ камень, который сохраняетъ свою твердость и послѣ того, какъ окружающая мѣловая масса, вслѣдствіе вытравиванія и дѣйствія воды, распадается. Чаше всего онъ встрѣчается у подножья разрушающихся бѣлыхъ мѣловыхъ скалъ въ видѣ отдѣльныхъ кусковъ или комьевъ; въ этой свободной формѣ онъ распространенъ по поверхности земли въ большомъ количествѣ. На островѣ Рюгенъ всякій не-специалистъ по геологіи можетъ очень удобно наблюдать это явленіе. Въ этой свободной формѣ такой кремень представляетъ собою не только

Такъ наз. „золиты“ середины третичнаго періода въ сравненіи съ первобытными каменными орудіями тасманскихъ дикарей. На рис. 1 и 2 изображены камни, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, что они обработаны людьми для превращенія въ орудія; они обработаны тасманцами (живущей въ настоящее время австралийской расой). На рис. 3 и 4, золиты, относящіяся къ миоценовой эпохѣ, найдены они въ Орильякѣ, во Франціи, и обнаруживаютъ такіе же слѣды обработки, какъ и камни, изображенные на рис. 1 и 2; поэтому въ нихъ видятъ искусственные продукты обработки со стороны людей, жившихъ въ миоценовую эпоху. (Рис. 1, 2 и 3 по Клаучу, рис. 4 по Ферворну).

довольно рѣзко бросающійся въ глаза предметъ, который немедленно схватываетъ всякій ребенокъ, ищущій блестящія и красивой формы камешки, но и выдающійся хорошей матеріалъ для употребленія и для произвольной искусственной обработки рукой человѣка. Какъ орудіе для высѣканія огня о сталь, онъ вплоть до эпохи введенія спичекъ игралъ роль въ культурномъ мірѣ. Для Робинзона же, который только начинаетъ культурную жизнь, онъ долженъ былъ быть прямо таки универсальнымъ орудіемъ. Уже въ чистомъ природномъ видѣ онъ обладаетъ крайне удобной, прямо таки какъ бы созданной для человеческой руки формой, и на немъ иногда имѣются вполне удобные для употребленія естественные острія и края. Если же человѣку приходится въ голову обработать при помощи этого одного куска кремня другой кусокъ, то онъ сейчасъ же замѣтитъ, какъ онъ удобно расщепляется.

Кремневый ножъ древнекаменнаго періода.

Онъ обладаетъ, въ нѣкоторой степени, свойствомъ толстаго стекла и фарфора, такъ какъ у его обломковъ получаются острые края, и стоитъ легко ударить по нему, какъ онъ распадается на красивые раковистые обломки. Крайне удобно и прямо таки пріятно изъ этого природнаго фарфора, отличающагося поразительной твердостью и пластичностью, устроить скребокъ, буравъ, лопату, короче говоря, настоящее универсальное орудіе; лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ природа даетъ въ распоряженіе человѣка такой великолѣпный матеріалъ.

Въ миоценовую эпоху кремень находился уже подъ рукой въ Орильяхъ и, судя по всѣмъ признакамъ, „кто-то“ бралъ его уже въ свои руки. Отъ большихъ кусковъ кремня, повидимому, отламывались менѣе крупные удобные обломки, носящіе на себѣ характерную печать насильственнаго облома подъ вліяніемъ сильнаго внѣшняго толчка или удара. Такіе обломки снабжены всевозможными дополнительными болѣе нѣжными слѣдами отъ ударовъ, имѣвшими, повидимому, цѣль, заострить данные куски; особенно часто встрѣчается, что одинъ край усѣянъ многочисленными слѣдами обивки. Смотря по индивидуальной обработкѣ, кусокъ камня имѣетъ все болѣе и болѣе ясный видъ рѣзущаго, колющаго орудія или приспособленъ для рытья земли.

Но тутъ можетъ, возникнуть сомнѣніе, не является ли наше послѣднее предположеніе лишь заблужденіемъ, какъ результатъ предвзятаго мнѣнія. Вѣдь вся „обработка“ могла произойти вполне естественнымъ путемъ, на примѣръ, обломковъ могъ оторваться отъ куска кремня подъ вліяніемъ рѣзкой перемены температуры, а болѣе тонкіе „слѣды обивки“ могли произойти въ результатъ послѣдующаго столкновенія этихъ обломковъ другъ съ другомъ тогда, когда быстрый водный потокъ увлекалъ ихъ съ собою. Ученые яростно оперировали на почвѣ этого сомнѣнія, но мы должны сказать, что основа его дѣлается все болѣе и болѣе шаткой. Тамъ, гдѣ камни разломаны подъ вліяніемъ рѣзкой смѣны температуры, тамъ у обломковъ нѣтъ вышеописаннаго характернаго излома. Случайныя тренія камня о камень при переносѣ ихъ водою никогда не обнаруживаютъ такой правильности при одно-

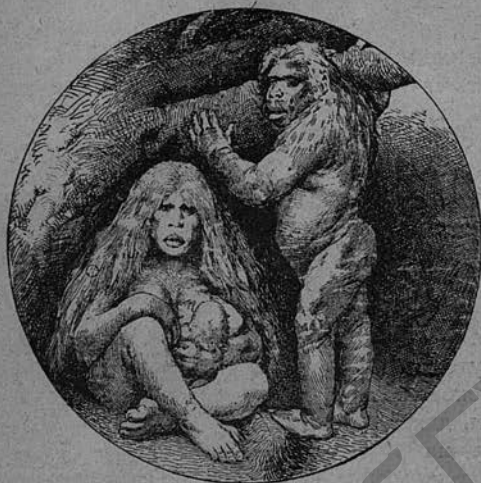
временномъ заостреніи другихъ краевъ, такъ какъ вода всегда имѣетъ тенденцію отполировывать камни, которые она несетъ съ собою. Сложныя дѣйствія, производимыя ледниками и лавой, тоже приводятъ, поскольку они извѣстны (а вѣдь лишь извѣстное можно сравнивать!) къ совершенно другимъ результатамъ. Въ концѣ концовъ, наиболѣе замѣчательнымъ обстоятельствомъ (и это должно быть главнымъ нашимъ аргументомъ), говорящимъ въ пользу искусственной обработки, является наличность самыхъ различныхъ признаковъ, характернаго излома и слѣдовъ обивки на одномъ и томъ же камнѣ; если здѣсь не замѣшана рука человѣка, то природа должна быть прямо таки какой то волшебницей. Къ тому же можно вполне опредѣленно доказать, что какъ разъ эта простѣйшая техника, при помощи которой только путемъ опредѣленнаго отбиванія кусковъ можно сдѣлать камень годнымъ для приготовленія простаго орудія, никогда не оставлялась совершенно въ теченіе всего культурнаго развитія человѣчества. Даже тамъ, гдѣ въ остальныхъ отношеніяхъ культура шагнула значительно впередъ, такая техника служила побочнымъ вспомогательнымъ средствомъ; такъ по сообщенію Клаача, австралійцы еще и теперь часто готовятъ каменные орудія съ такой самой первобытной обивкой, причѣмъ эти орудія легко можно смѣшать съ камнями, найденными въ Орильякѣ (см. стр. 17). При этомъ австралійцы часто примѣняютъ древній способъ разлома къ самымъ новымъ матеріаламъ (если онъ только подходит), какъ, напримѣръ, къ современному бутылочному стеклу колонистовъ или при случаѣ даже къ фарфоровому изолятору телеграфныхъ проводовъ *).

Питекантропъ.
(Статуя, отлитая по указаніямъ д-ра Дюбуа).

*) Считаемо нужнымъ пояснить здѣсь, что несмотря на относительную пластичность кремня, полученіе изъ него даже самыхъ простыхъ орудій — дѣло далеко не простое. Для этого требуется знакомство съ условіями спайности даннаго минерала и умѣніе наносить удары въ опредѣленныхъ направленіяхъ; можно испортить множество кусковъ, не получивъ ни одного годнаго орудія; отсюда очевидно, что первобытные люди должны были научиться искусству обработки камня, и у нихъ, вѣроятно, постепенно выработались специалисты въ этой области (см. В. Витнеръ: „На рубежѣ столѣтій“).

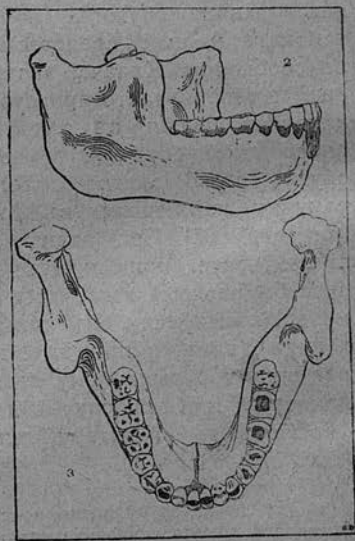
Такимъ образомъ, выборъ не великъ. Уже въ среднюю эпоху третичнаго періода въ Орилякѣ жили первобытные «Робинзоны», которые владѣли техникой, и мы поэтому должны считать ихъ за настоящихъ людей. Соответствующіе, отчасти болѣе поздніе, но все же вполне вѣрные слѣды третичнаго періода были найдены

Семейство питекантроповъ (Картина Габриэля Макса).

также въ Бельгіи и Англии. Следовательно, эти люди должны были въ то время быть разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ Европы, отстоявшихъ другъ отъ друга на довольно значительное разстояніе. Большое количество слѣдовъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ можетъ служить признакомъ того, что здѣсь какъ разъ мы натолкнулись на такое мѣсто, куда снова возвращались многочисленныя поколѣнія, такъ какъ данное мѣсто было особенно богато искомыми кремнями. Подобно тому, какъ животныя издалика снова приходятъ на водопой, такъ и эти новые любители ма-

возвращались къ своему старому мѣсту. Въ самыхъ мѣстахъ находокъ никогда еще, какъ это мы говорили выше, не находили остатковъ скелета человѣческаго существа. Никто еще не пытался дать этимъ орилякскимъ Робинсонамъ собственное имя. Къ ихъ орудіямъ примѣнили слово, которое, собственно говоря, было изобрѣтено для болѣе позднихъ, дилювіальныхъ остатковъ подобной же технической выдѣлки: ихъ называютъ эолитами, это—каменные образования, возникшія на зарѣ техники орудій. Что касается людей, которые такъ энергично преобразовывали камни для своихъ цѣлей, то для нихъ, собственно говоря, прошла уже утренняя заря и наступилъ ясный, свѣтлый день. Но пусть остается имя, разъ завоевавшее себѣ признаніе. Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ не сдѣлано было ни одной такой находки, которая указывала бы на то, что до конца третичнаго періода гдѣ-либо былъ превзойденъ первый культурный уровень Ориляка. Временно предположимъ, что здѣсь передъ

Челюсть Homo Heidelbergensis (гейдельбергскаго человѣка), 2—видъ сбоку, 3—видъ сверху.

нами настоящая ступень общей первобытной культуры, а не область, отставшая въ своемъ развитіи. А тогда этому будетъ соответствовать и единственный найденный до сихъ поръ остатокъ челоуѣка третичнаго періода, — остатокъ, который, во всякомъ случаѣ, можетъ принадлежать лишь болѣе поздней эпохѣ третичнаго періода; но при этихъ остаткахъ не были найдены какія-либо орудія

Въ настоящее время у насъ имѣется, къ сожалѣнію, лишь одна отдѣльная челоуѣческая нижняя челюсть, которая была найдена 21-го октября 1907 года при разработкѣ мауэровскаго карьера, каменоломни вблизи мѣстечка Мауэръ, къ юго-востоку отъ Гейдельберга. Раньше Неккаръ образовывалъ здѣсь изгибъ, и тутъ скопилось очень большое

Дилювіальный черепъ (эпохи Мустье).

Черепъ австралійскаго негра.

Реставрированный черепъ питекантропа.

Черепъ современнаго француза.

количество песка и камней, между которыми изъ прежней области разлива рѣки отложились многочисленныя кости животныхъ (кости слонь, носороговъ, дикихъ быковъ и т. д.). Правда, слоны, носороги и другія животныя, о которыхъ теперь и помину нѣтъ въ этой мѣстности, жили въ Германіи въ теченіе всей дилювіальной эпохи, слѣдовавшей послѣ третичнаго періода; но какъ разъ нѣкоторые спеціальныя виды, встрѣчающіеся въ пескахъ Неккара (особенно, видъ носорога, наз. „этрусскимъ“), указываютъ съ большою опредѣленностью на послѣдній отдѣлъ третичной системы. Слѣдовательно, челоуѣческая нижняя

челюсть, найденная въ томъ же мѣстѣ (исторія ея вполне безупречна), должна была, повидимому, тоже принадлежать человѣку третичнаго періода. Заслуженный гейдельбергскій антропологъ Отто Шѣтензакъ которому мы обязаны описаніемъ остатковъ этого человѣка, временно далъ ему имя Homo Heidelbergensis (человѣкъ изъ Гейдельберга).

На основаніи найденныхъ костей мы можемъ сдѣлать выводъ, что онъ, безъ сомнѣнія, является представителемъ вида или подвида человѣка, значительно отличающагося отъ живущаго въ настоящее время человѣческаго типа. Онъ, въ общемъ, очень массивенъ, подбородка нѣтъ совсѣмъ, и строеніе вѣтвей на заднемъ концѣ челюсти выдаетъ ясно выраженныя черты обезьяноподобнаго основного типа, которыя въ данномъ случаѣ человѣкообразныя обезьяны сохранили значительно лучше и неприкосновеннѣе, чѣмъ человѣкъ нашего времени. Эти детали во всякомъ случаѣ крайне интересны для теоріи происхожденія человѣка отъ животныхъ. Одинъ моментъ онъ почти ввели насъ въ искушеніе повѣрить, что здѣсь, вблизи Гейдельберга, въ такое относительно позднее время продолжала жить промежуточная форма между обезьяной и человѣкомъ, не знавшая даже зачатковъ культуры. Въ этомъ не было бы ничего невозможнаго, такъ какъ приблизительно въ то же время или даже еще нѣсколько позднѣе на Явѣ жилъ знаменитый питекантропъ, который дѣйствительно могъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на существованіе такой промежуточной формы. Между тѣмъ зубы, крайне похожіе на человѣческіе зубы, при отношеніяхъ величинъ, какъ у человѣка, говорятъ за то, что тутъ имѣлся вполне человѣческій черепъ, и, слѣдовательно, человѣческое строеніе мозга; тѣмъ самымъ становится болѣе вѣроятнымъ, что мы находимся уже въ такой области, гдѣ есть и человѣкъ, и культура, или, говоря иначе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ орильякскимъ человѣкомъ, который умѣлъ уже готовить вышеописанныя примитивныя орудія.

Тутъ мы вспоминаемъ опять, что австралійскій черепъ, который значительно первобытнѣе европейскаго, существуетъ теперь въ связи съ довольно развитой культурой; примемъ при этомъ во вниманіе, что въ область нашего разсмотрѣнія входитъ лишь „эолитическая“, т. е. наиболѣе отставшая въ своемъ развитіи часть австралійской культуры и тогда мы найдемъ возможнымъ, что этотъ мозгъ, заключенный въ почти еще обезьянообразномъ черепѣ, тогда уже могъ бы создать по меньшей мѣрѣ эолитическую культуру. Недостатокъ подбородка могъ, конечно, указывать на то, что эти люди не владѣли еще настоящей рѣчью въ человѣческомъ смыслѣ этого слова, и это еще болѣе отдаляло бы ихъ въ принципиальномъ отношеніи отъ австралійцевъ, какъ и вообще отъ настоящихъ людей. Но какъ разъ этотъ признакъ ясно встрѣчается у диловиальной человѣческой расы, которая, безъ всякаго сомнѣнія, уже энергично шла впередъ по пути культуры, (къ характеристикѣ ея мы вскорѣ перейдемъ); какъ разъ тамъ особенно рѣзко подчеркивалось отсутствіе извѣстныхъ нѣжныхъ частей въ костной ткани области подбородка, которыя необходимы для нашей рѣчи. Слѣдовательно, этотъ недостатокъ значительно пережилъ третичнаго человѣка. Съ другой стороны, приведеніе въ связь вышеуказанныхъ чертъ съ рѣчью не является абсолютно надежнымъ: возможно, что уже при такомъ образованіи подбородка у людей имѣлась хотя нѣсколько неразвитая, но все же человѣческая рѣчь, и что, наоборотъ, лишь продолжительное существованіе такой рѣчи постепенно и, такъ ска-

зять, на практикѣ развило кости и постепенно превратило ихъ въ подбородокъ.

Культуру Ориляка и культуру гейдельбергскаго человѣка (если даже послѣдній принадлежитъ еще къ третичному періоду) раздѣляетъ промежутокъ времени въ болѣе чѣмъ миллионъ лѣтъ. Если люди, пользовавшіеся кремнемъ въ Орилякѣ, носили на своихъ плечахъ уже голову гейдельбергскаго человѣка, и этотъ гейдельбергскій человѣкъ передѣлывалъ камень лишь въ эолиты, то мы должны были бы допустить, что эта первая эпоха примитивной культуры продолжалась очень долгое время, не дѣлая ни одного шага впередъ по пути прогресса. И мы еще болѣе укрѣпимся въ этомъ мнѣніи, когда натолкнемся въ болѣе близкомъ намъ періодѣ земли, лежащемъ между третичнымъ періодомъ и зарею нашей „культурной исторіи“, на наиболѣе древніе культурные остатки, которые, повидимому, продолжаютъ пребывать въ той же „стадіи эолитовъ“.

Эта эпоха исторіи земли носить названіе дилювія.

Это названіе происходитъ отъ болѣе древней исторіи земли, которая должна была довольствоваться библейской легендой о потопѣ, и которая утверждала, что въ ту эпоху вся земная поверхность была затоплена водою. Съ одной стороны, вполне вѣрно, что эта эпоха характеризуется въ тропическихъ мѣстностяхъ очень сильнымъ увеличеніемъ атмосферныхъ осадковъ. Но, съ другой стороны, въ эту эпоху происходило въ большей части земли и, въ особенности, въ нашихъ сѣверныхъ областяхъ, въ которыхъ мы до сихъ поръ слышали о слѣдахъ человѣка, нѣчто очень важное, совершенно особенное, а именно, такъ называемая дилювіальная, ледниковая эпоха.

Для того, чтобы въ возможно болѣе короткихъ словахъ пояснить сущность дѣла, мы скажемъ, что эта ледниковая эпоха связана съ періодическимъ увеличеніемъ въ горахъ области вѣчнаго снѣга. Горы, которыя въ настоящее время лѣтомъ освобождаются отъ снѣга, покрылись тогда вѣчнымъ снѣгомъ, въ гораздо большей степени. Вслѣдствіе этого образовались новые глетчеры, а старые увеличились до чрезвычайныхъ размѣровъ и, подобно огромнымъ ледянымъ полямъ, сползли далеко въ долину. У насъ въ Европѣ не только Альпы, Овернь, Исполиновыя горы и другія горныя области дали начало такимъ ледникамъ, но по временамъ вся сѣверная и восточная часть материка, Англія, вплоть до Скандинавіи и Россіи были покрыты такой компактной ледяной массой, что въ этихъ отдаленныхъ областяхъ господствовали условія, царящія въ настоящее время во внутреннихъ ледяныхъ областяхъ Гренландіи. Въ свободной отъ льда области средней Европы одновременно съ этимъ господствовали условія современной сѣверной „тундры“, т. е. степи, лишенной деревьевъ и покрытой лишь мхомъ *).

Причина этого колоссальнаго явленія, которое, конечно, представляетъ собою самое крупное событіе, какое, вообще, когда либо переживало человѣчество, не выяснена еще до сихъ поръ. Но все же мы можемъ утвердительно сказать, что здѣсь передъ нами ни въ коемъ случаѣ не окончательный результатъ охлажденія земли; это предположеніе оправдывается уже тѣмъ, что данное явленіе въ

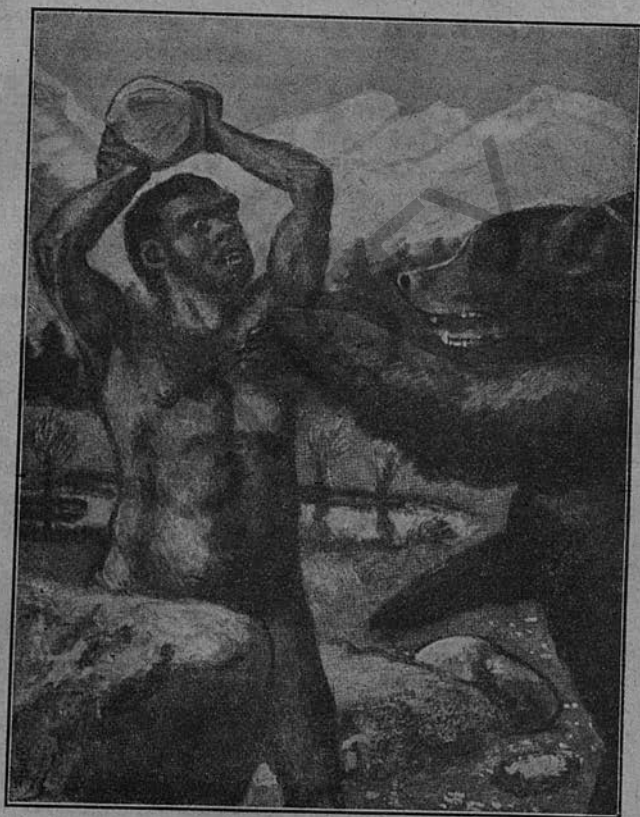
*) Съ этимъ мнѣніемъ многіе ученые не согласны и полагаютъ, что рядомъ съ обширными глетчерами были и мѣста съ богатою органическою жизнью, какъ напр., въ современной Швейцаріи.

настоящее время или исчезло совершенно, или же исчезли наиболѣе странныя стороны его. Скорѣе мы стоимъ передъ лицомъ періодическаго процесса, который уже неоднократно имѣлъ мѣсто въ болѣе древніе періоды развитія земли. Тамъ, повидимому, ледниковыя эпохи чередовались съ эпохами болѣе умѣренной температуры и эпохами тропической жары, охватывавшими огромнѣйшія области. Послѣдній продолжительный періодъ жары, во время котораго въ Европѣ росли тропическія пальмы, приходится, какъ это установлено съ абсолютной точностью, въ срединѣ третичнаго періода, въ миоценовую эпоху, когда передъ нами появляется человѣкъ изъ Орильяка. Послѣ нея, въ послѣднюю эпоху третичнаго періода (такъ наз. плиоценъ) слѣдовала продолжительная переходная эпоха болѣе средней, медленно понижающейся европейской температуры, пока, наконецъ, въ переходную эпоху четвертичнаго періода не наступила новѣйшая ледниковая эпоха. Причиной этой таинственной періодичности выставляются колебанія въ земной орбитѣ, измѣненія въ осевомъ положеніи земли, періодическое уменьшеніе и увеличеніе теплоты, получаемой отъ солнца, періодическое увеличеніе и уменьшеніе содержанія углекислоты въ земной атмосферѣ и многое другое, но до сихъ поръ ни одно изъ этихъ предположеній не смогло вполнѣ объяснить всю цѣпь фактовъ; всѣ они болѣе или менѣе нуждаются въ помощи не могущихъ быть доказанными вспомогательныхъ гипотезъ, которыя должны были быть впервые придуманы для этой цѣли.

Ледниковая эпоха обнаруживается, какъ мы сказали, періодическое измѣненіе. Она начинается типичными симптомами, обнаруживая извѣстную интенсивность. Затѣмъ, судя по оставшимся слѣдамъ, повидимому, она приостанавливается въ своемъ развитіи, наступаетъ такъ наз. „межледниковая эпоха“, когда земля начинаетъ понемногу освобождаться отъ ледяного покрова, и снова наступаетъ значительно болѣе теплый климатъ. Потомъ ледниковая эпоха снова возвращается и начинаетъ распространяться иногда съ еще болѣе интенсивностью, чѣмъ прежде. Эта смѣна происходитъ нѣсколько разъ на протяженіи очень большаго промежутка времени (считаютъ, что этотъ періодъ продолжается даже болѣе милліона лѣтъ), пока, наконецъ, послѣ послѣдняго слабаго возвращенія холодной температуры, все исчезаетъ, и возникаетъ промежуточноледниковое состояніе (въ отношеніи климата), остающееся существовать, приблизительно не измѣняясь, до нашихъ дней. Пенкъ, котораго въ настоящее время надо считать лучшимъ знатокомъ ледниковаго періода, различаетъ въ настоящее время четыре такихъ болѣе узкихъ ледниковыхъ вѣка съ тремя промежуточными эпохами, которыя не точно названы „межледниковыми эпохами“, такъ какъ онѣ въ дѣйствительности, образуютъ лишь болѣе теплые, не ледниковые вѣка (въ геологическомъ смыслѣ этого слова) въ предѣлахъ цѣлаго геологическаго періода. По имени четырехъ притоковъ Дуная, гдѣ эти явленія могли быть хорошо изучены, четыре ледниковыя эпохи получили свои имена: начиная снизу, онѣ носятъ подъ-рядъ названія гюнцской (Günz), миндельской (Mindel), рисской (Riss), вюрмской (Würm) ледниковыхъ эпохъ. Ихъ можно легко удержать въ своей памяти, запомнивъ одно слово „Günzmindelrisswürm“. Изъ этихъ четырехъ періодовъ наиболѣе обширнымъ и низкимъ по температурѣ является Riss. Часто думаютъ, что промежуточные ледниковые вѣка продолжались безконечно долгое время. Послѣ послѣдняго

ледниковаго вѣка наступаетъ эпоха, относящаяся еще къ дилювиальному періоду, въ теченіе котораго постепенно исчезаютъ всѣ особенности ледниковыхъ эпохъ.

Внѣшній видъ земли въ такой достигшей апогея періодъ холода обнаруживаетъ болѣе или менѣе рѣзко выражающіяся типичныя черты, которыя также и для огромныхъ пространствъ суши означали не что иное, какъ смерть отъ холода всего живого подъ гренландскимъ льдомъ. Кайма смерти окружаетъ голую, скудную сибирскую степь, покрытую мохомъ (тундра), но и она не лишена жизни. Если ледъ отступаетъ назадъ, то эта тундра снова захватываетъ освободившееся пространство. Но съ увеличивающейся теплотой промежуточнаго ледниковаго періода исчезаетъ также и вся тундра, ее замѣняютъ приблизительно такія же картины природы, какія лучше всего въ настоящее

Встрѣча съ пещернымъ медвѣдемъ.

время можно наблюдать какъ разъ также въ Сибири и центральной Азіи, нѣсколько дальше къ югу: поясъ лѣсовъ и степь. Степь, съ ея травянистой растительностью, степными животными и прямо-таки чудовищными ураганами, признается теперь типичнымъ ландшафтомъ межледниковыхъ условий во многихъ областяхъ Европы. Въ ней въ результатѣ колоссальныхъ заносовъ пыли образовался характерный такъ

наз. лёсъ (известковая пыль съ типичными для степи признаками), который уже издавна считается однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ остатковъ всего дилювія.

Что касается этой общей переменны ландшафтовъ, то въ этомъ отношеніи теперь не можетъ быть больше уже никакого серьезнаго сомнѣнія. Конечно, въ болѣе узкомъ смыслѣ эпохи и промежуточные періоды Пенка будутъ подвержены дальнѣйшей критикѣ. Всю исторію дилювіальной культуры въ томъ ея видѣ, какъ мы теперь охватываемъ ее, на основаніи отдѣльных фактовъ, мнѣ кажется, невозможно уже теперь уложить въ неподвижныя рамки схемы Пенка. Кромѣ того, она врядъ ли способствовала бы ясности картины, такъ какъ хотя культура несомнѣнно идетъ впередъ въ теченіе всей длинной дилювіальной эпохи, но у насъ нигдѣ не получается впечатлѣнія, будто она въ деталяхъ своего прогресса была обусловлена геологическими измѣненіями, вродѣ того, что, напримѣръ, каждый промежуточный ледниковый вѣкъ означалъ бы начало новой стадии культурнаго развитія. Знакомство съ этой рѣдкой переменной геологической декорацией, которая будетъ постоянно сопровождать рассказываемую нами ниже исторію, необходимо лишь какъ знаніе задняго фона, ландшафта общей картины; иначе мы никакъ не могли бы понять, какимъ образомъ европейскій дилювіальный человекъ могъ жить то при прямо таки гренландскихъ условіяхъ, то при такихъ условіяхъ, которыя напоминали условія, господствующія въ жаркой пустынѣ Гоби или въ лѣсахъ третичнаго періода.

Вотъ уже, приблизительно, пятьдесятъ лѣтъ, какъ наука при знала, что былъ дилювіальный человекъ, была дилювіальная культура. Выдающіеся французскій ученый Буше де Перть который имѣлъ несчастье писать кромѣ специальныхъ научныхъ сочиненій также и романы, вслѣдствіе чего его научные труды считали романами, сталъ прямо таки мученикомъ своего дѣла. Въ 30-хъ годахъ 19-го вѣка онъ откопалъ близъ Аббевиля въ долинѣ Соммы изъ несомнѣнно дилювіальнаго гравія клинья изъ кремня, при видѣ которыхъ теперь всякій свѣдущій человекъ сразу скажетъ, что они искусственно обработаны человеческой рукой; Буше де Перть послѣ зрѣлаго размышленія пришелъ тогда къ такому же выводу, но другіе ученые вначалѣ подняли его на смѣхъ. Съ этимъ временемъ совпало окончательное открытіе и установленіе наукой ледниковой эпохи (которую предугадалъ уже Гете), но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ ледниковый періодъ считался вслѣдствіе господствовавшей теории катастрофъ Кювье, тоже „катастрофой“, которую якобы не пережило вообще ни одно живое существо, и которую современный человекъ, тоже слѣдовательно, не могъ пережить. Только послѣ того, какъ выдающійся англійскій геологъ Ляйелль доказалъ всю нелѣпость этого заблужденія, находки близъ Аббевиля стали внезапно „интересны“, а въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (въ особенности благодаря вмѣшательству самого Ляйелля) ихъ окончательно признали за культурные слѣды человека. Послѣ этого въ настоящее время ученые должны были очень быстро придти къ заключенію, что дѣйствительно остатки дилювіальной культуры распространены въ огромномъ количествѣ почти во всѣхъ областяхъ Европы. Съ этого времени цѣлые музеи наполнились такими великолѣпнѣйшими остатками культуры, и еще матеріаль съ каждымъ днемъ увеличивается такъ сильно, что уже теперь можно сказать, что эта „доисториче-

ская" эпоха культурнаго развитія начинаетъ становиться для насъ болѣе понятной и болѣе богатой матеріаломъ, чѣмъ многія страницы нашей „исторіи“.

Для Буше де Перта и его ближайшихъ послѣдователей рѣшающимъ моментомъ было то, что была найдена, вообще, работа человѣка, которая была сдѣлана въ такое отдаленное время, какъ дилювіальная эпоха. Нельзя требовать, чтобы случай какъ разъ натолкнулъ этихъ первыхъ пионеровъ на самые древніе слѣды изъ всего оставшагося отъ этой дилювіальной культуры. Тогда было бы вполне возможно, что они не отваживались бы отмѣтить у этихъ остатковъ слѣды человѣческаго труда. Какъ мы уже сказали, кремневые клинья, найденные близъ Аббевиля, стоятъ въ техническомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, выше, чѣмъ, напримѣръ, знакомые намъ эолиты третичнаго періода. Клинья представляли собою миндалевидные каменные куски—ядрища, у которыхъ со всѣхъ сторонъ была обита вся естественная поверхность. Одинъ конецъ у нихъ толстый, но удобный для того, чтобы его можно было взять большою человѣческой рукою, другою же болѣе или менѣе заостренъ, и въ общемъ очень остръ благодаря наличности на краяхъ многихъ выбоинъ; такое ядрище было, безъ сомнѣнія, великолѣпнымъ оружіемъ. Отдѣлка этого оружія часто такъ аккуратна и элегантна, что несомнѣнно выдаетъ давно унаслѣдованную и развиваемую привычку къ такой работѣ, а не случайный, наскоро по необходимости созданный предметъ. Наряду съ ними были найдены также болѣе изящные и длинныя кинжалы, острія копьевъ, скребки и шила, говоря короче, уже цѣлый небольшой инвентарь, который обнаруживаетъ уже значительный прогрессъ въ сравненіи со старыми эолитами.

Только значительно позднѣе выдающемуся геологу Рюто (Rutot) путемъ долго-Каменное оружіе древнедилювіальнаго человѣка.

лѣтнихъ планомѣрныхъ изслѣдованій удалось доказать дѣйствительный переходъ, который исторически привелъ отъ вышеописанной простой первобытной техники третичнаго періода къ техникѣ этого времени. Какъ мы выше говорили, въ безусловно болѣе древнихъ слояхъ дилювіальнаго періода были найдены остатки дилювіальной культуры эолитическаго вѣка, близко подходящей къ культурѣ третичнаго періода и, во всякомъ случаѣ, ушедшей впередъ лишь очень незначительно отъ нея; эти остатки часто находили въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но геологически лишь на одинъ слой глубже, чѣмъ остатки, найденные Буше въ долину Соммы. Въ этомъ старо-дилювіальномъ мѣстѣ эолитическаго вѣка обнаруживались ясно выраженные стадии; въ одну изъ нихъ, по всѣмъ видимостямъ, начали выдѣлывать миндалевидныя, правда, сначала неуклюжія и грубыя каменные орудія; такимъ образомъ, она представляетъ собою переходную ступень къ

культурѣ, найденной Бушэ. Въ особенно отчетливой послѣдовательности слоевъ, открытой Рюто близъ Спiенна въ Бельгiи, весь этотъ рядъ переходовъ тянется въ хорошо отдѣленныхъ одинъ отъ другого слояхъ гравiа; это настолько ясно и полно выступаетъ, что болѣе поучительнаго примѣра нельзя себѣ даже представить.

Кости животныхъ, встрѣчающіяся всегда параллельно съ слоями, гдѣ лежатъ орудiя, указываютъ на то, что весь промежутокъ времени, къ которому относится эта естественная хроника, былъ очень и очень большимъ. Дѣло въ томъ, что уже здѣсь намъ приходится встрѣчаться со многими охарактеризованными выше измѣненiями ландшафта. Къ самому древнему дилювиальному слою эолитическаго вѣка принадлежитъ животный мiръ такъ наз. древнихъ слоновъ (*Elephas antiquus*), носороговъ и гигантскихъ гиппопотамовъ. Это—животныя, которыя продолжали жить въ умѣренномъ климатѣ непосредственно передъ ледниковымъ періодомъ, какъ наслѣдники обитателей древнихъ лѣсовъ средней эпохи третичнаго періода;

Каменный нако-
нечникъ стрѣлы.

надвигавшееся ледниковое холодное время прогоняло ихъ отсюда и вытѣсняло къ югу, но все же, въ болѣе теплые промежуточные періоды они доходили, какъ это можно доказать, не только до Бельгiи, но даже до Тюрингiи; только къ концу ледниковаго періода эти животныя, по неизвѣстнымъ причинамъ, совершенно не показывались болѣе и, вообще (также и на югѣ), исчезли съ нашей земли. Наоборотъ, въ болѣе высокихъ спiенскихъ слояхъ мы находимъ орудiя дилювиальной эпохи постепенно прогрессирующія и приближающіяся къ тому уровню, на которомъ находятся красивые клинья Бушэ; наряду съ этими орудiями находятъ животный мiръ тогдашней ледниковой эпохи. Здѣсь жила въ продолженіе всего ледниковаго періода, въ теченіе всѣхъ его промежутковъ холода особая вѣтвь того древняго мiра третичнаго періода, который приспособился къ морозу,

и, слѣдовательно, не бѣжалъ отъ него, а, поскольку онъ гдѣ либо, вообще, гарантировалъ жизненные условия, слѣдовалъ за нимъ такъ же, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время мускусные быки, сѣверные олени и полярные медвѣди нашихъ сѣверныхъ областей. Типичными представителями этого мiра былъ слонъ, который отъ холода закутался въ густую рыжую шубу,— знаменитый мамонтъ (у насъ имѣется хорошо сохранившійся трупъ его, который былъ найденъ въ сибирскихъ

Каменное орудіе
шелльской эпохи
(древнекаменнаго
вѣка), употребляв-
шееся для раз-
ныхъ цѣлей.

О образецъ палеолитическаго
(древнекаменнаго) ножа.

ледяныхъ массахъ, никогда не оттаивавшихъ совершенно съ того древняго времени) и точно такъ же покрытый рыжей и бѣлой шерстью носорогъ, тундровый носорогъ (*Rhinoceros tichorhinus*). Слѣдующая эпоха развитiя дилювиальной жизни еще разъ, повидимому, указываетъ на суще-

ствование болѣе теплаго межледниковаго промежутка, въ теченіе котораго, въ особенности, огромное количество гигантскихъ медвѣдей (типъ пещернаго медвѣдя, который въ сравненіи съ нашимъ буримъ Мишкой былъ прямо таки колоссомъ) должно было сдѣлать небезопаснымъ жизнь на землѣ. Сколько, слѣдовательно, должны были пережить эти самые древніе дилювіальные люди, сколько времени долженъ былъ потребовать переходъ отъ первой технической ступени развитія обработки золитовъ до приготовления клиньевъ аббевильскаго типа.

Первовытныя охотники, убившіе молодого мамонта, спасаются отъ мести взрослого.

Но, къ сожалѣнію, почувствительный спіенскій разрѣзъ обрывается здѣсь вверху, какъ и въ другихъ бельгійскихъ и французскихъ мѣстахъ сѣверной Франціи. Но можно было надѣяться на то, что удастся дополнить картину на основаніи богатыхъ находокъ дилювіальнаго періода, сдѣланныхъ въ другихъ областяхъ и, такимъ образомъ, найти ясную нить дальнѣйшаго технического развитія въ продолженіе всего дилювіальнаго періода. Хотя тутъ ужъ чисто геологическое опредѣленіе значительно тормазится вслѣдствіе того, что слои не лежатъ уже большепластами другъ надъ другомъ, подобно бутерброднымъ ломтикамъ, а часто въ пространственномъ отношеніи отдѣлены одинъ отъ другого большимъ разстояніемъ; тѣмъ не менѣе, можно предположить, что техника самихъ орудій могла бы дать послѣдующія указанія въ отношеніи дальнѣйшей послѣдовательности. Вышеупомянутый красивый разрѣзъ ведетъ насъ отъ золитовъ къ клиньямъ, найденнымъ Бушэ. Технической прогрессъ очевиденъ. Остановимся на такомъ каменномъ орудіи. Какая дальнѣйшая стадія усовершенствованія могла бы теперь броситься намъ въ глаза въ другихъ мѣстахъ находокъ? Если бы мы установили ее, затѣмъ, послѣдующую и такъ далѣе, то развѣ мы не имѣли бы права ожидать дальнѣйшаго продолженія нити?

И, дѣйствительно, во Франціи за эту мысль энергично ухватились вскорѣ послѣ того, какъ признано было открытіе Бушэ. Впервые ясное выраженіе этой идеѣ далъ Габріэль де-Мортилье (Gabriel de Mortillet), который вмѣстѣ съ Бушэ является основателемъ всей этой вѣтви изслѣдованія. Еще и теперь историки, пишущіе по-французски исторію до историческихъ временъ, имѣютъ обыкновеніе называть опредѣленную эпоху техники по географическому мѣстонахожденію, гдѣ слѣды этой техники были найдены въ особенно большомъ количествѣ. Такъ, Рюто называетъ въ настоящее время свою древнѣйшую золитическую стадію дилювіальной культуры по мѣстечку Reutel (Рейтель) — «Reutelien». Слѣдующая, нѣсколько болѣе высокая ступень названа по мѣстечку (Mesvin) «Mesvinien», а красивое переходное мѣсто.

когда золиты начинают принимать первые начатки первобытных формъ болѣе совершенныхъ клинковъ, названа у Рюто по имени деревни Стрепи (Strépy) «Strepyien». Эти слова звучатъ немного тяжеловато, но для памяти, которая, благодаря имъ, въ то же время прекрасно усваиваетъ географію, они стали въ настоящее время прямо таки необходимы.

Подобная терминологія уже давно признана (когда еще не были извѣстны болѣе точно вышеупомянутыя предварительныя ступени) для обозначенія технической стадіи красивыхъ клинѣвъ. По имени предмѣстья Амьена, Сентъ-Ашель, гдѣ были найдены десятки тысячъ такихъ клинѣвъ, ее назвали «ашельской эпохой». А когда затѣмъ было замѣчено, что въ Шеллѣ на Марнѣ, вблизи Парижа, въ повидимому, еще менѣе подлежащемъ сомнѣнію положеніи были найдены похожіе клинья, то время, въ которое они употреблялись, получило общее названіе шелльской эпохи. Но такъ какъ точная шелльская форма клинѣвъ, строго говоря, совпала лишь съ амьенскими клинѣями, найденными въ нѣсколько болѣе глубокомъ слоѣ, а въ болѣе высоко расположенныхъ слояхъ уже обнаруживаетъ небольшое отклоненіе, то шелльскіе клинья съ этого времени стали считать, по болѣе части, за очень раннюю стадію, а терминъ «ашельская» стали употреблять уже для нѣсколько прогрессирующей стадіи; въ общемъ же эти слова можно запомнить приблизительно, какъ синонимы для стадіи, установленной Буше, при чемъ «шелльскій» всегда остается родовымъ понятіемъ. Но послѣ того, какъ тѣ же шелльскіе клинья нашли не только въ Амьенѣ и вблизи Парижа, но и въ южной Франціи, ученые были увѣрены въ томъ, что крупные клинья этой эпохи, встрѣчавшіеся въ дилювіальныхъ мѣстонахожденіяхъ особенно извѣстныхъ пещеръ Дордони, постепенно были замѣнены новой технической ступеню обработки камня, которая особенно проявлялась въ менѣ крупныхъ, но очень тонко заостренныхъ обломкахъ кремня, которыя были истолкованы, какъ острия для копьевъ. По имени одной такой пещеры, лежащей въ долинѣ Везера и носящей названіе Мустье, слѣдующій главный этапъ техники былъ названъ эпохой Мустье. Поразительно

Наконечникъ копья дилювіальнаго человѣка; тонкая работа изъ кремня, соотвѣтствующая эпохѣ Солютрэ.

красивыя острия копьевъ въ формѣ лавроваго листа, которыя были найдены особенно въ Солютрэ (Solutré) близъ Лиона въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дилювіальный человѣкъ, очевидно, охотился за дикими степными лошадьми, положили начало болѣе развитой стадіи—культурѣ Солютрэ. И, наконецъ, послѣ того, какъ въ той же долинѣ Везера была найдена цѣлая культура, которая изъ всѣхъ извѣстныхъ дилювіальныхъ культуръ была несомнѣнно самой блестящей во всѣхъ отношеніяхъ (она отличалась особенно тѣмъ, что тогда люди занимались искусствомъ), ей, высшей эпохѣ, дали названіе эпохи Мадлэнъ, по имени выдающихся гротообразныхъ мѣстонахожденій долины Везера, наз. Мадлэнъ. Въ этой мѣстности и въ геологическомъ отношеніи ясно отграниченъ дилювій, съ послѣдней ледниковой эпохой, такъ что теперь все имѣется въ полной исправности.

Всякій человекъ, который хочетъ до известной степени разобратся въ современныхъ болѣе крупныхъ сочиненіяхъ на эту интересную тему, а также ориентироваться въ нашихъ удивительныхъ музеяхъ, гдѣ собраны предметы доисторическихъ временъ, долженъ раз навсегда твердо запомнить всѣ эти имена и принятую послѣдовательность. Впрочемъ, надо сказать, что эта схема Мортилье имѣетъ лишь приблизительную цѣнность и ни въ коемъ случаѣ не представляетъ настоящее безупречное рѣшеніе. Существеннымъ и приблизительно болѣе надежнымъ въ этой схемѣ является то, что, считая снизу вверхъ, мы встрѣчаемъ два крупныхъ основныхъ періода, болѣе древній и болѣе молодой. Болѣе древній охватываетъ въ схемѣ эпохи шельскую, ашельскую и Мустье, при чемъ границы и различія въ высотѣ этой группы, въ общемъ, сливаются значительно сильнѣе, чѣмъ это допускаетъ Мортилье. Болѣе новый періодъ заключаетъ въ себѣ эпоху Мадленъ. Насколько между болѣе древнимъ и болѣе новымъ главными періодами имѣются переходныя стадіи, и не представляетъ ли какъ разъ эпоха Солютрэ, взятая въ болѣе узкомъ смыслѣ, какъ разъ такую стадію,—эти вопросы должны пока оставаться, въ известной степени, открытыми.

Наконечникъ, относящійся къ эпохѣ Солютрэ (по Мортилье).

Нѣкоторая противоположность между обоими періодами не можетъ, во всякомъ случаѣ, для нашего, все же страдающаго пробѣлами и недостаточнаго знанія быть иллюстрирована лучше, чѣмъ фактомъ который теперь все болѣе и болѣе выясняется, а именно, что вышеупомянутый древній періодъ у насъ въ Европѣ характеризовался присутствіемъ человѣческой расы, проявлявшей въ своемъ анатомическомъ строеніи такія черты, какихъ не имѣется ни у одной изъ расъ, живущихъ въ настоящее время; что же касается болѣе поздняго періода, то у носителей культуры дилювіального періода не найдено, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ни слѣда чего-либо подобнаго.

Наше первое предположеніе, что у человека дилювіального періода долгое время могло имѣться болѣе примитивное первобытное строеніе костей, относится къ тѣмъ днямъ, когда не было еще установлено значеніе даже каменныхъ клиньевъ изъ Аббевиля, а именно, къ 1856 году. Тогда въ исчезнувшей теперь пещерѣ такъ наз. Неандерталя близъ Дюссельдорфа было найдено нѣсколько частей скелета, изъ которыхъ особенно поврежденный черепъ, получившій названіе «неандертальскаго черепа» достигъ наибольшей известности, чѣмъ какая когда-либо выпадала на долю человѣческаго черепа какъ стараго, такъ и новаго времени. Остатки скелета были отнесены къ дилювіальному періоду, что не подлежало сомнѣнію, хотя исторія находенія сначала ни въ какомъ случаѣ не была вполне безупречна. Въ

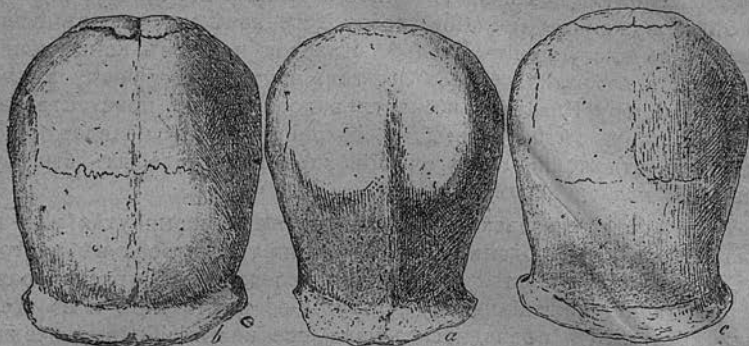
Наконечникъ, относящійся къ эпохѣ Мустье.

Наше первое предположеніе, что у человека дилювіального періода долгое время могло имѣться болѣе примитивное первобытное строеніе костей, относится къ тѣмъ днямъ, когда не было еще установлено значеніе даже каменныхъ клиньевъ изъ Аббевиля, а именно, къ 1856 году. Тогда въ исчезнувшей теперь пещерѣ такъ наз. Неандерталя близъ Дюссельдорфа было найдено нѣсколько частей скелета, изъ которыхъ особенно поврежденный черепъ, получившій названіе «неандертальскаго черепа» достигъ наибольшей известности, чѣмъ какая когда-либо выпадала на долю человѣческаго черепа какъ стараго, такъ и новаго времени. Остатки скелета были отнесены къ дилювіальному періоду, что не подлежало сомнѣнію, хотя исторія находенія сначала ни въ какомъ случаѣ не была вполне безупречна. Въ

этомъ черепѣ невольно обратили на себя вниманіе очень сильно развитыя утолщенія лобной кости, которыя, повидимому, образовывали въ области бровей (надбровныя дуги)—родъ крайне грубо устроеннаго защитительнаго навѣса для глазъ. Этотъ поразительный признакъ, а также нѣкоторыя другія характерныя черты, имѣющіяся, въ особенности, у сохранившихся костей конечностей, напоминали соответствующія образованія у обезьянъ. Въ этомъ наблюденіи были и имѣются несомнѣнно вѣрныя основанія. Не слѣдуетъ только заходить слишкомъ далеко и утверждать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ своего рода обезьянообразнымъ человѣкомъ. Этотъ человѣкъ дилювіальной эпохи все еще, хотя и въ менѣе значительной степени, чѣмъ упомянутый выше Гейдельбергскій человѣкъ, сохранилъ (что само по себѣ крайне цѣнно для вопроса о происхожденіи человѣка) отдѣльныя черты въ строеніи скелета, которыя въ этой примитивной, напоминающей животное формѣ уже больше не встрѣчаются теперь даже у наиболѣе отсталыхъ человѣческихъ расъ. При всемъ томъ изолированность находки (въ теченіе многихъ лѣтъ неандертальскій черепъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ) создала крайне замысловатое положеніе, вполнѣ благопріятствовавшее различнымъ преувеличеніямъ и заблужденіямъ. Въ настоящее время, когда основной вопросъ совершенно выясненъ, врядъ ли заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что въ другихъ областяхъ такой выдающійся изслѣдователь, какъ Вирховъ, придерживался того мнѣнія (и на время даже смогъ убѣдить въ немъ ученый міръ), будто здѣсь передъ нами хотя и дѣйствительные остатки человѣка дилювіальной эпохи, но данный неандертальскій черепъ представляетъ собою чисто патологическій случай, т. е. владѣлецъ его при жизни страдалъ тяжелой болѣзью. вслѣдствіе чего строеніе костей его измѣнилось крайне ненормальнымъ образомъ. Какъ разъ по внѣшности примитивныя, указывающіе на животное наслѣдство признаки, согласно этому мнѣнію, не имѣютъ никакой доказательной силы; они представляютъ собою индивидуальныя ненормальности отдѣльнаго случая. Этотъ взглядъ теперь признанъ устарѣлымъ и является лишнимъ курьезомъ изъ исторіи человѣческихъ заблужденій. Съ того момента, какъ были найдены въ большемъ количествѣ и въ лучшемъ видѣ скелеты человѣка дилювіальной эпохи съ настоящими чертами неандертальскаго человѣка, не можетъ быть и рѣчи о такомъ взглядѣ. Здѣсь не могло быть и рѣчи о якобы жертвѣ болѣзней съ измѣненіями, происшедшими подъ вліяніемъ рахитизма и подагры, какъ это думалъ Вирховъ; нѣтъ, передъ нами въ самомъ дѣлѣ появилась рѣзко обрисованная, первобытная человѣческая раса, или (смотря по тому, что подразумѣвать подъ понятіемъ „родъ“) —человѣческой родъ.

Рядъ дальнѣйшихъ, не оставлявшихъ мѣста сомнѣнію находокъ въ этой области начался во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ открытіемъ значительно лучше сохранившагося неандертальскаго черепа, который былъ обнаруженъ въ скалахъ Гибралтара, но вплоть до послѣднихъ лѣтъ почти не обращалъ на себя вниманія ученаго міра,—и открытіемъ отдѣльной части нижней челюсти въ пещерѣ Ла Нолетъ въ Лессертамъ (Бельгія), которая послужила предметомъ оживленныхъ споровъ и сначала была отвергнута въ силу фантастически преувеличеннаго скептицизма. Въ 1882 году передъ лицомъ ученаго міра снова появилась часть челюсти, найденная на этотъ разъ въ

моравской пещерѣ Шипка, но Вирховъ своей критикой такъ „разбилъ“ ее, что лишь, приблизительно, черезъ двадцать лѣтъ она снова приобрѣла права гражданства, когда была изслѣдована рентгеновскими лучами. Для непредубѣжденныхъ людей весь вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ

Черепъ патекантрона (а), неандерскаго человѣка (b) и человѣка изъ Спи (с).

слѣдующимъ фактомъ: въ несомнѣнно древне-дильювиальныхъ отложенияхъ въ пещерѣ Спи близъ Намюра были найдены два типичныхъ неандерталоидныхъ, но гораздо лучше сохранившихся, черепа. Несмотря на это, борьба, которая, въ концѣ концовъ, свелась къ спорамъ о словахъ, была, въ сущности говоря, закончена лишь открытіемъ въ 1901 г. въ пещерѣ близъ селенія Крапины (Кроація) цѣлаго слоя костей, по меньшей мѣрѣ, десяти индивидовъ, которые, вследствие наличности утолщенной лобной кости, были признаны принадлежащими къ неандертальской расѣ.

Эти крайне интересныя находки, значеніе которыхъ, въ концѣ концовъ, не могъ отрицать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, были затѣмъ широко разработаны и образцово описаны въ великолѣпной монографіи выдающимся загребскимъ геологомъ Горьяновичемъ-Крамбергеромъ. Данное мѣсто находится на днѣ старой вымоины въ песчаникѣ, продѣланной крапинскимъ источникомъ, русло котораго раньше было расположено на 25 метровъ выше, чѣмъ теперь. До тѣхъ поръ пока ручей омывалъ еще дно пещеры, онъ отлагалъ тамъ гравій и глину, въ слояхъ которыхъ находятся многочисленныя кости бобра, указывающіе на присутствіе воды. Затѣмъ, когда пещера долгое время была сухой, въ ней жили дильювиальные люди, отъ которыхъ, кромѣ костей, сохранилось еще множество остатковъ, занимающихъ болѣе высокой слой дна пещеры. Вышеупомянутые не оставляющіе сомнѣній остатки костей десяти и болѣе неандертальскихъ людей, (двѣ болѣе узкія подрассы неандертальцевъ, псвидимому, находятся здѣсь въ одномъ и томъ же мѣстѣ) разломаны и сожжены такимъ образомъ, что мы имѣемъ полное право сдѣлать такой выводъ: здѣсь передъ нами куча костей, оставшихся послѣ пира людоедовъ. Лежащія тутъ же, хорошо сохранившіяся кости носорога, принадлежащія цѣликомъ любившему тепло такъ наз. «мерковскому» носорогу, а не одѣтому въ шубу тундровому носорогу ледниковыхъ эпохъ, указываютъ на то, что данное событіе геологически имѣло мѣсто въ одну изъ межледниковыхъ эпохъ.

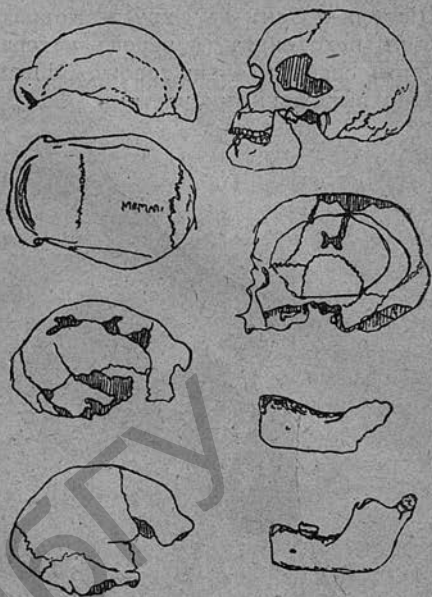
Исслѣдованія въ этомъ дѣйствительно классическомъ мѣстѣ на-
ходокъ продолжались все дальше и дальше, и въ 1905 году на свѣтъ
божій снова появилась нижняя челюсть неандертальскаго человѣка,
повидимому, отсѣченная сзади человѣческой рукою; она была найдена въ
пещерѣ Шведентишъ въ Охосъ близъ Брюнна и немедленно привлекла
къ себѣ заслуженное вниманіе, послѣ того, какъ находки въ Крапинѣ
и энергичное выступленіе Швальбе, Клаатча и др. въ концѣ концовъ,
разсѣяли всѣ сомнѣнія. Черезъ два года неутомимому борцу въ этомъ
дѣлѣ, профессору Клаатчу, посчастливилось лично присутствовать и
помогать при вырытіи цѣликомъ сохранившагося неандертальскаго
скелета изъ отложений, геологической характеръ которыхъ былъ уста-
новленъ съ полной несомнѣнностью.

Теперь мѣстомъ раскопокъ впервые стала упомянутая уже выше
долина Везера въ Дордони (Южная Франція), которая въ настоящее
время является наиболѣе обширнымъ средоточіемъ разнообразнѣй-
шихъ остатковъ дилювіальной культуры во всемъ мірѣ и въ теченіе
цѣлыхъ десятилѣтій преподноситъ намъ все новыя и новыя неожидан-
ности. Въ высокихъ известковыхъ скалахъ этой красивой, нынѣ рѣч-
ной долины и ея развѣтвленій еще въ теченіе дилювіальнаго періода
талая вода періодически спускавшихся и отступавшихъ ледниковъ
древневулканическаго французскаго центральнаго плато вырыла мно-
численныя пещеры и вымоины, прикрытыя выступами скалъ на подо-
балкона; эти мѣста служили пристанищемъ цѣлому ряду самыхъ
различныхъ поколѣній дилювіальнаго человѣка. Скопленія отбросовъ,
осколки, стѣны жилищъ съ слѣдами использованія ихъ и случайные
статки постепенно сосредоточили здѣсь запасъ сокровищъ старинной
культуры, могущій наполнить цѣлые музеи; и сокровища долины Везера
такъ неистощимы, что это мѣсто съ полнымъ правомъ называютъ
«дилювіальной Помпеей! Выше мы упоминали также о специальномъ
мѣстѣ находокъ въ Мустье, которое (въ противоположность другимъ
мѣстамъ долины) дало имя главному отдѣлу болѣе старой культурной
эпохи въ упомянутой выше схемѣ Мортилье.

Фактически здѣсь дѣло идетъ не только объ одной единственной
пещерѣ, но и о двухъ защищенныхъ мѣстахъ въ скалѣ, изъ которыхъ
верхнее уже давно было исслѣдовано съ научной точки зрѣнія, тогда
какъ нижняя часть (одна изъ упомянутыхъ выше нишъ балкона, ле-
жащая на 10 метровъ ниже) подверглась планомѣрному исслѣдованію
лишь съ осени 1907 года. И вотъ 7-го марта 1908 года швейцарскій
ученый Гаузеръ (Hauser) наткнулся тамъ на признаки человѣче-
скаго скелета. Убѣжденный въ важности находки и сознавая ту отвѣт-
ственность, какую въ настоящее время въ такихъ случаяхъ возлагаетъ
на исслѣдователя научная критика, Гаузеръ оставилъ находку въ
покоѣ до тѣхъ поръ, пока правительственная коммиссія не составила
протоколъ о приблизительныхъ обстоятельствахъ дѣла при данномъ по-
ложеніи, а затѣмъ это мѣсто посѣтила коммиссія нѣмецкихъ ученыхъ
во главѣ съ профессоромъ Клаатчемъ. Клаатчъ самъ слѣдилъ за под-
нятіемъ скелета, которое вслѣдствіе легко разрушающагося матеріала
было труднымъ дѣломъ даже для самихъ опытныхъ специалистовъ. Съ
каждаго постепенно вновь появляющагося положенія дѣлались фо-
тографіи и наброски, и каждый, даже самый крошечный обломокъ
сохранялся съ большою тщательностью. Въ дальнѣйшемъ составленіе
и склейка кусковъ черепа, удались на рѣдкость хорошо и привели

ученыхъ къ несомнѣнному выводу, что здѣсь найденъ типичный неандерталець, и именно, мальчикъ лѣтъ пятнадцати.

Наиболѣе важнымъ и блестяще вознаграждающимъ за всю тщательности раскопокъ былъ въ этомъ случаѣ не столько самъ фактъ находки, сколько возможность точно установить положенія скелета. Съ полной точностью было установлено, что здѣсь передъ нами неандерталець, погребенный другимъ человѣкомъ, а не павшій жертвой какого-либо несчастія или случайно умершій здѣсь и оставшійся лежать въ этомъ мѣстѣ. Тѣло было найдено въ положеніи, какое принимаетъ человѣкъ во время сна; лицо повернуто направо, правая рука положена подъ голову такъ, что щека должна была касаться локтя. Правая рука касалась затылка. Лѣвая рука была вытянута вдоль тѣла, а рядомъ съ рукой лежалъ типичный, красивый, миндалевидный, обработанный съ обѣихъ сторонъ клиновидный топоръ ашельской эпохи. Подъ лицомъ и рукой, подложенной подъ голову, ясно вырисовывается своего рода подставка изъ кусковъ кремня; она нѣкогда такъ плотно прилегала къ мягкимъ частямъ, что

Остатки череповъ дилювіального человѣка
Зап. Европы.

по ея очертаніямъ еще теперь можно сдѣлать заключеніе о формѣ давно уже больше не существующаго на черепѣ носа и о положеніи ноздрей. Эта „головная подушка“, какъ и вообще вся обстановка, дѣлали очевиднымъ, что тутъ передъ нами „погребенный человѣкъ“. Клиновидный топоръ, а также очень хорошо сдѣланный каменный скребокъ и нѣсколько сломанныхъ и обожженныхъ костей (несуществующаго уже теперь) первобытнаго быка были, безъ сомнѣнія, положены сюда намѣренно.

Клаатчъ описалъ остатки костей этого „Homo mousteriensis Hauseri“ (человѣкъ Гаузера изъ Мустье), при чемъ латинское имя должно обозначать не человѣческой родъ, какъ таковой, а лишь отдѣльную индивидуальную находку—необычный для систематики временный выходъ изъ затруднительнаго положенія, что подчеркивается и самъ Клаатчъ. Съ другой стороны, для всей неандертальской формы дилювіальныхъ людей было предложено родовое имя „Homo primigenius“, которое, по моему, нельзя одобрить, и которое, надо надѣяться, не заслужитъ всеобщаго признанія; дѣло въ томъ, что оно означаетъ „первороденный“, первобытнѣйшій, старѣйшій изъ всѣхъ людей; но какъ невѣрна была бы уже эта приставка, доказываетъ найденный тѣмъ временемъ, несомнѣнно болѣе древній и старый „человѣкъ изъ Гейдельберга“. До сихъ поръ терминъ неандертальскій является какъ раньше, такъ и впредь самымъ лучшимъ и въ то же время (въ во-

споминаніе о безконечномъ спорѣ съ Вихровымъ) наиболѣе заслуживающимъ уваженія.

Какъ часто бываетъ, такъ и въ этомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, знаменитая „двойственность случайностей“ вскорѣ дала молодому неандертальцу долины Везера товарища изъ самой Дордони: въ августѣ 1908 года французскіе изслѣдователи нашли въ пещерѣ близъ Шапель-о-Сень въ округѣ Коррезъ скелетъ старика, который тоже былъ похороненъ, и черепъ котораго, сохранившійся въ болѣе своей части очень и очень хорошо, обнаруживаетъ неандертальца съ крайне ярко выраженными чертами.

Черепъ чловѣка неандертальской расы, найденный въ 1908 г. въ Шапель-о-Сень.

Такимъ образомъ, всѣ эти накопившіяся доказательства изъ самыхъ различныхъ областей Европы выяснили намъ главный вопросъ: неандертальская раса жила и была широко распространена у насъ въ дилювіальную эпоху. Какова была, приблизительно, внѣшность представителей ея, это мы тоже можемъ теперь сказать. Носъ, должно быть, былъ очень широкъ, онъ, говоря словами Клаатча, сидѣлъ, „gleichsam, wie eine tierische Schnauze auf dem Munde“ *), На обрубкообразныхъ костныхъ утолщеніяхъ надбровныхъ дугъ, сравнительно съ которыми настоящая лобная выпуклость казалась почти совершенно изглаженной, вѣроятно, были очень густыя брови, шедшія дугообразно.

*) „Представлялъ вмѣстѣ со ртомъ нѣчто вродѣ звѣриной морды“.

Но эти утолщенія не лежали надъ глубоко посаженными глазами, какъ у современныхъ австралійцевъ; они, очевидно, имѣли цѣлью защищать большіе, сильно выпученные впередъ глаза, чѣмъ правдоподобнѣе всего объясняется ихъ существованіе. Что касается подбородка, то, какъ мы уже однажды упоминали, его, въ нашемъ смыслѣ, все еще почти совершенно не было. Ростомъ эти люди были ни въ коемъ случаѣ не гиганты, вся фигура была коренастая и приземистая, и, по мнѣнію Клаатча, ихъ скорѣе можно сравнить съ эскимосами, чѣмъ съ австралійскими неграми нашихъ дней.

У молодого неандертальца изъ Мустье лежалъ, рядомъ съ рукой, какъ мы это уже говорили, клинъ типа ашельской эпохи. Въ Крапинѣ были найдены скелеты подобной же стадіи культуры. Если принять въ указанномъ смыслѣ время шельской эпохи и до эпохи Мустье за приблизительно обособленную древнюю эпоху дилювіальной культуры, то весьма и весьма, по меньшей мѣрѣ, вѣроятно, что всѣ люди этой эпохи культуры принадлежали къ неандертальской расѣ. Мы имѣемъ право предполагать ихъ присутствіе даже тамъ, гдѣ намъ извѣстны богатые скопленія культурныхъ остатковъ этой эпохи, но гдѣ до сихъ поръ нѣтъ еще остатковъ человѣка. Такихъ мѣстъ, и при томъ очень обширныхъ, есть много. Каменные клинья, напоминающіе своей отдѣлкою технику шельской эпохи, были найдены въ внѣ-европейскихъ странахъ, въ особенности, въ Африкѣ. Египетъ (гдѣ Швейнфуртъ неустанно трудится въ этой области изслѣдованія), кажется, не отстаетъ отъ Франціи по своему богатству доисторическими остатками, начиная отъ золотовъ и кончая техникой на протяженіи всей дилювіальной культуры. Нѣкоторые матеріалы болѣе древняго типа добыты нами изъ германскихъ и швейцарскихъ логовищъ пещерныхъ медвѣдей, а именно, изъ Рубеландскихъ пещеръ въ Гарцѣ, Галефельсской пещеры въ Швабіи и Вильдкирхлейской пещеры въ Сентисѣ. Здѣсь повсюду мы на основаніи имѣющихся костей можемъ заключить, что неандертальскій человѣкъ долженъ былъ бороться съ ужасными хищными животными своего времени. Въ Вильдкирхлейской пещерѣ, лежащей на высотѣ 1477 метровъ въ отвѣсной стѣнѣ скалы и имѣющей такой входъ, что кажется почти прямо таки невѣроятнымъ, чтобы сюда могло когда нибудь проникнуть болѣе крупное животное или человѣкъ, лежатъ остатки (очень примитивной) культуры съ сотнями экземпляровъ пещернаго медвѣдя, а также кости пещернаго льва, пещерной пантеры и альпійскаго волка—совсѣмъ непривѣтливая компанія!

Но наиболѣе интересное мѣсто находокъ открылось въ классической землѣ, въ Тюрингіи, а именно, у деревни Таубахъ вблизи Веймара. Пользующаяся міровой извѣстностью небольшая веймарская рѣчка Ильмъ образовала здѣсь въ давно, давно прошедшіе годы тихую заводь, въ которой отложились мощные слои известковаго туфа; въ этихъ отложенияхъ такъ хорошо сохранились остатки пребыванія человѣка первыхъ дней культурной жизни, что наша поздно появившаяся наука можетъ собирать здѣсь самую обильную жатву. Время пребыванія его здѣсь можно приблизительно опредѣлить, на основаніи присутствія обработанныхъ охотничьихъ трофеевъ этихъ первобытныхъ таубахцевъ; эти трофеи, какъ оказывается, представляютъ собой не что иное, какъ кости вышеупомянутаго древняго слона и „мерковскаго“ носорога: слѣдовательно, дѣло происходило и тамъ въ межледниковую

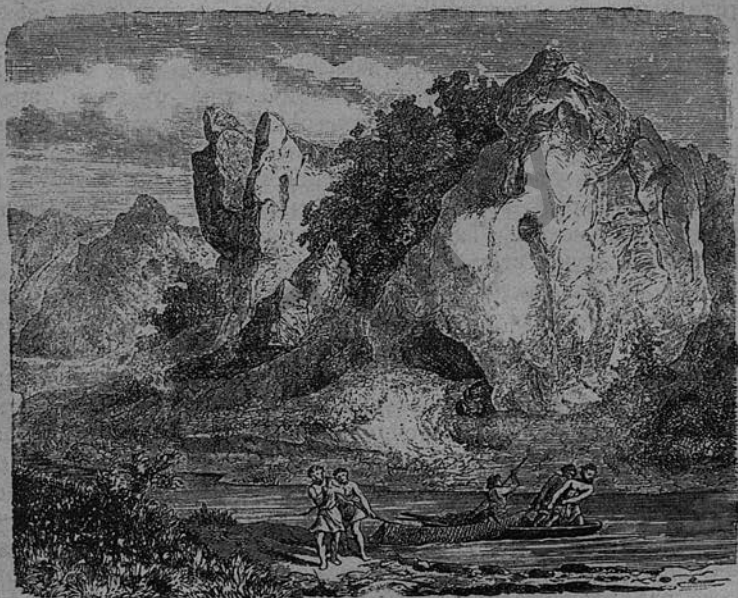
эпоху, когда эти крѣпкіе люди первобытныхъ временъ снова осмѣлились дойти такъ далеко на сѣверъ. Такъ какъ въ Таубахъ было мало кремня, то здѣсь нечего было ожидать встрѣтить красивые клинья и острія копьевъ, найденные въ бельгійскихъ и французскихъ областяхъ; слѣдовательно, включеніе и этой ступени въ схему Мортилье, вообще, не представляется особенно удобнымъ. Очевидно, что таубахскіе люди дилювіальнаго времени обрабатывали камень значительно меньше, чѣмъ дерево, а, прежде всего, кости животныхъ. Эти кости давались имъ, въ особенности, тѣми копытными животными, которыхъ они ловили, вырывая ямы. Дерево доставлялъ лѣсъ, кишѣвшій этими колоссальными животными—лѣсъ лиственный и хвойный, какой и долженъ былъ соотвѣтствовать не жаркому, но уже смягчившемуся климату промежуточнаго періода въ противоположность тундрѣ мамонтовъ настоящихъ ледниковыхъ эпохъ. Болѣе крупныхъ и вполне ясныхъ остатковъ человѣка въ Таубахъ не было найдено (за исключеніемъ нѣсколькихъ зубовъ); это можно объяснить, быть можетъ, тѣмъ, что эти германскіе люди дилювіальныхъ временъ, подобно своимъ товарищамъ изъ южной Франціи, тщательно погребали своихъ мертвецовъ гдѣ нибудь въ укромныхъ мѣстахъ, и какъ разъ эти могилы—не сохранились до нашихъ дней. Но и въ такомъ случаѣ наиболѣе вѣроятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ является предположеніе, что и эти люди принадлежали къ неандертальской расѣ.

Но при этомъ здѣсь въ Веймарѣ мы встрѣчаемъ нѣчто, чему насъ такимъ недвусмысленнымъ образомъ учатъ обожженные кости первобытнаго быка, лежащія около мальчика изъ Мустье, а равнымъ образомъ и обгорѣвшіе ужасные трофеи людоедовъ въ Крапинѣ: у этихъ людей неандертальской расы имѣлся уже огонь, очагъ, они жарили мясо, говоря короче, они уже твердой ногой стояли на той высокой ступени культурнаго развитія, когда человѣкъ умѣетъ искусственно добывать огонь. Извѣстныя легенды, встрѣчающіяся всегда даже у высоко развитыхъ культурныхъ народовъ, даютъ нѣкоторыя простыя указанія по исторіи этого рѣшающаго и крайне важнаго открытія. Этимъ я не хочу сказать, что эти преданія всегда должны были содержать въ себѣ доисторическія воспоминанія въ чистомъ видѣ, но даже и при созданіи мифовъ логика всегда выводила на вѣрный путь. По преданію, Прометей принесъ первый огонь съ неба на землю въ тростинкѣ. Въ храмѣ Весты горятъ священные огни, которые никогда не должны гаснуть; этотъ обычай продолжаетъ жить въ „неугасимыхъ лампадахъ“, зажигаемыхъ въ нашихъ церквахъ. Среди священныхъ знаковъ и во время мистерій появляется деревянный крестъ, на которомъ возникаетъ огонь, вслѣдствіе образованія теплоты подъ вліяніемъ тренія буравомъ. Здѣсь, очевидно, передъ нами различныя ясныя моменты самого первоначальнаго явленія. Огонь упалъ съ неба—какъ молнія. Внезапно возникавшій степной пожаръ пугалъ животныхъ. Точно такъ же онъ дѣйствовалъ первоначально и на первобытныхъ людей. Но трупы животныхъ, обожженные пожаромъ, были потомъ для людей лакомымъ блюдомъ. Обожженное мясо сохранялось дольше, чѣмъ свѣжее, слѣдовательно, люди могли кормиться имъ болѣе долгое время. Теплое пепелище было пріятнымъ пристанищемъ въ прохладную ночь. Но отсюда былъ еще огромный шагъ до того, когда начали искусственно сохранять и поддерживать мерцающіе ночные огоньки этого небеснаго ужаса съ той цѣлью, чтобы продолжалось тепло, чтобы свѣтъ освѣ-

щаль ночную тьму, чтобы можно было когда угодно готовить себѣ мясо, чтобы безопасное для человѣка кольцо костровъ отгоняло отъ него страшныхъ животныхъ. Для этой комбинаціи, до какой никогда еще не доходила ни одна человѣкообразная обезьяна, былъ опять таки необходимъ человѣчески развитый мозгъ. Какъ при обработкѣ орудій, вообще, такъ и при этомъ величайшемъ приобрѣтеніи первобытныхъ временъ вся суть дѣла заключалась въ томъ, чтобы превратить наводившій ужасъ огонь въ подвластное и покорное искусственно приводимое въ дѣйствіе „орудіе“ первой важности. Тамъ, гдѣ этотъ священный огонь „ловили“, сохраняли для горѣнія и зажиганія въ любой моментъ, тамъ въ началѣ его, конено, берегли, какъ священный огонь Весты. При переходахъ съ одного мѣста на другое тлѣющій древесный пепель носили съ собой въ полой тростинкѣ, какъ это сдѣлалъ Прометей. Такой способъ сохраненія огня вы еще теперь встрѣтите у дикихъ народовъ. Но огонь падалъ не только съ неба. Онъ вылеталъ въ видѣ искры также тогда, когда ударяли камень о камень. Широко распространенный колчеданъ, вѣроятно, уже очень давно привлекалъ своей, такъ сказать, „эстетической“ стороной вниманіе дѣтей природы, металлическій блескъ сѣраго колчедана оказываетъ на человѣческіе глаза такое же вліяніе, какъ и на глаза сорокъ, которыя крадутъ всѣ блестящія вещи, какія онѣ только могутъ схватить. Но если ударять этимъ минераломъ о кремень, то получаются великолѣпнѣйшія искры. Такой искрой можно было легко зажечь приготовленную кучку стружекъ сухого дерева. Но какъ разъ такая кучка стружекъ должна была практически привести къ тому простому основному познанію, которое мы въ настоящее время теоретически формулируемъ, какъ законъ сохраненія и превращенія энергіи, гласящій; что въ результатъ тренія образуется теплота и, въ концѣ концовъ, огонь; натертое дерево нагрѣвалось, древесная пыль начинала свѣтиться сама собою. Такимъ образомъ появились деревянные скребки, буравы и непосредственно родственныя имъ огнива, которыя еще и теперь употребляютъ дикари, и такое огниво Пятница могъ преподнести своему Робинзону, какъ орудіе, давнымъ давно употреблявшееся въ его странѣ. Великій подвигъ чудеснаго добыванія огня становится совершенно простымъ, если разбить его на цѣлый рядъ такихъ картинъ; но все же величайшій основной моментъ остается и здѣсь: человѣческой мозгъ долженъ былъ обязательно имѣться на-лицо для выполнения самыхъ примитивныхъ комбинацій. Но ничто не мѣшаетъ намъ предположить, что уже въ черепѣ неандертальскаго человѣка имѣлся мозгъ вполне способный выработать такія комбинаціи.

Вѣдь человѣкъ, древне диллювіальныхъ временъ проявлялъ способность къ значительно болѣе сложнымъ комбинаціямъ. Вышеупомянутыя могилы въ Мустье и Шапель-о-Сенъ даютъ намъ наиболѣе значительныя дальнѣйшія указанія въ этой области. Тщательное укладываніе покойника въ положеніи, какое принимаетъ человѣкъ во время сна, устройство особой каменной подушки, снабженіе его оружіемъ и запасами пищи, все это опредѣленные обычаи обращенія съ покойниками, которые мы въ точно такомъ же видѣ встрѣчаемъ у современныхъ намъ дикихъ народовъ, и которые у нихъ всегда выражаютъ вполне опредѣленную мысль. Они вытекаютъ изъ примитивной формы вѣрованія въ безсмертіе души. Душа не умираетъ въ моментъ смерти человѣческаго тѣла. Она начинаетъ скитаться по землѣ. При этомъ

вначалѣ ей необходимы оружіе и запасы пищи. То, что впоследствии приняло форму символа, украшенія, которое придавали трупу ради оставшихся въ живыхъ,— то въ головѣ такъ просто вѣровавшаго человѣка мыслилось вполне реально, какъ дѣйствительная забота о продолжающейся „жизни мертвеца“. Крайне простыя явленія наталкивали даже голыхъ дикарей на этотъ путь представлений и мечтаній: вѣдь, во снѣ покойники являлись ему снова, какъ живые, они говорили, двигались, дѣйствовали. Эта фантастическая жизнь во снѣ представляетъ собою нѣчто подобное тому, что наблюдается уже, напримѣръ, у собаки. Но, съ другой стороны, въ этой дѣятельности мозга во время сна лежитъ, вплоть до нашего современнаго высшаго философскаго мышленія, едва-ли не важнѣйшая исходная точка, если и не столь наивныхъ представлений о безсмертіи.

Пещерныя жилища первобытнаго человѣка.

то все же цѣлаго круга идей, съ точки зрѣнія которыхъ вся дѣйствительность міра является собственно лишь результатомъ дѣятельности духовнаго начала. Во всякомъ случаѣ, эта область переживаній по своимъ послѣдствіямъ имѣла огромное значеніе, тѣнь ея съ того времени проходитъ черезъ всю исторію человѣческаго духа. Этой ступени, очевидно, уже достигли люди неандертальской расы; они сдѣлали уже первый рѣшающій шагъ. Мозгъ, который сопоставилъ сонъ и смерть и построилъ таинственное продолженіе жизни души, былъ уже достаточно зрѣлъ для всего дальнѣйшаго развитія религіи и философіи; если въ этомъ мозгу и не было больше матеріала, чѣмъ у австралійца нашихъ дней, то во всякомъ случаѣ не меньше.

Но можно и даже должно найти еще вторую сторону въ фактѣ этого трогательнаго снабженія провіантомъ мертвецовъ неандертальской расы. У того, кто такъ заботится о мертвецахъ, у того не могла

отсутствовать и забота живого человѣка по отношенію къ живому же, обусловленная наличностью опредѣленныхъ связующихъ узъ. Извѣстная связь должна была существовать между такими людьми. Зачатки соціальной жизни должны были быть на-лицо, такъ какъ индивидъ представлялъ собою цѣнность не только для себя, но также и для другихъ, и о немъ, какъ въ данномъ случаѣ, заботились даже послѣ его смерти. Но въ такомъ случаѣ уже тогда должна была развиться извѣстная мораль, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто теперь въ нашей человѣческой соціальной жизни. Вещи, которыя въ теченіе долгаго времени неясно обуревали умъ животныхъ, нуждались только въ томъ, чтобы быть повторенными и доведенными до логическаго конца человѣческимъ умомъ; отсюда возникали отношенія между родителями и дѣтьми, соединеніе боице крупныхъ родовъ для взаимной защиты и совмѣстнаго нападенія на основѣ опредѣленной племенной вѣрности. Я придерживаюсь того мнѣнія, что тутъ съ самаго начала играла значительную роль извѣстная примитивная форма брака, — учрежденіе, которое, какъ таковое, оставалось лишь перенять изъ царства животныхъ. Я не вѣрю въ то первоначальное соціальное состояніе, при которомъ въ товариществѣ родовъ, основанномъ съ цѣлью защиты и нападенія, господствовала бы общность женъ; на основаніи извѣстныхъ человѣческихъ отношеній существованіе такого порядка нельзя доказать заднимъ числомъ; суща же по привычкамъ животныхъ, это представляется, по меньшей мѣрѣ, невѣроятнымъ.

Пещерные обитатели.

Но тутъ насъ не должны поражать такіе контрасты, какъ напримѣръ, то, что, съ одной стороны, мы видимъ заботу о членѣ семьи или товарищѣ по племени даже послѣ его смерти, а съ другой—фактъ груды костей отъ пира людоедовъ, принадлежащій къ тому же міру культуры. Во-первыхъ, людоедство, какъ мы уже говорили, встрѣчается еще теперь у дикихъ народовъ, притомъ, не только у самыхъ первобытныхъ. Во-вторыхъ, опять таки прямо колоссаленъ переходъ, въ результатъ котораго извѣстная внутренняя племенная мораль, очень высоко ставящая при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ жизнь товарища, вносится и въ отношенія къ чуждымъ, враждебнымъ племенамъ, гдѣ вообще допускается всякая хитрость и жестокость. Почитайте Илиаду, и вы увидите, какъ долго даже на блестящей ступени развитія человѣчества обнаруживалась полная двойственность. Но какъ разъ людоедство имѣетъ, пожалуй,

Но тутъ насъ не должны поражать такіе контрасты, какъ напримѣръ, то, что, съ одной стороны, мы видимъ заботу о членѣ семьи или товарищѣ по племени даже послѣ его смерти, а съ другой—фактъ груды костей отъ пира людоедовъ, принадлежащій къ тому же міру культуры. Во-первыхъ, людоедство, какъ мы уже говорили, встрѣчается еще теперь у дикихъ народовъ, притомъ, не только у самыхъ первобытныхъ. Во-вторыхъ, опять таки прямо колоссаленъ переходъ, въ результатъ котораго извѣстная внутренняя племенная мораль, очень высоко ставящая при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ жизнь товарища, вносится и въ отношенія къ чуждымъ, враждебнымъ племенамъ, гдѣ вообще допускается всякая хитрость и жестокость. Почитайте Илиаду, и вы увидите, какъ долго даже на блестящей ступени развитія человѣчества обнаруживалась полная двойственность. Но какъ разъ людоедство имѣетъ, пожалуй,

свою особую сторону и само по себѣ заслуживаетъ вниманія въ другомъ отношеніи, Въ животномъ царствѣ поѣданіе себѣ подобныхъ представляетъ собою рѣдкое, встрѣчающееся лишь въ исключительныхъ случаяхъ явленіе, слѣдовательно, у человѣка оно представляло собой нѣчто въ извѣстной степени особенное. Наша современная культурная мораль крайне склонна къ тому, чтобы считать его совершенно отдѣльно стоящимъ, грубымъ, животнымъ первобытнымъ свойствомъ; но весьма возможно, что людоедство впервые возникло, такъ сказать, „философски“ лишь съ пробужденіемъ болѣе совершенныхъ и выше стоящихъ въ интеллектуальномъ отношеніи функций мозга. Типичнымъ вѣрваніемъ людоедовъ нашихъ дней является то, что если съѣсть трупъ побѣжденнаго, то вся его сила, его храбрость посредствомъ душевнаго процесса переходятъ въ того, кто съѣдалъ его. Слѣдовательно, эта идея относится къ области вѣрваній въ душу, такъ сказать, къ области вѣры въ безсмертіе. Такъ какъ это вѣрваніе имѣлось еще у людей неандертальской расы, то мы не можемъ отрицать того, что тамъ не могъ быть сдѣланъ также и этотъ выводъ. Въ такомъ случаѣ остатки пиршества людоедовъ изъ Крапины послужили бы (хотя и страннымъ окольнымъ путемъ) свидѣтельствомъ степени мышленія этихъ людей.

Въ настоящее время передъ нами начинается раздѣлываться хотя и неясная, но все же не лишенная кое-какихъ опредѣленныхъ очертаній картина жизни людей неандертальской расы. Если мы припомнимъ, что они, по всѣмъ видимостямъ, были настоящіе первобытные Робинзоны, которые собственными силами завоевывали каждое культурное приобрѣтеніе, то мы должны, собственно говоря, считать ихъ за болѣе крупныхъ пионеровъ культуры, чѣмъ всѣ послѣдующіе народы земли, взятые вмѣстѣ. Но какъ разъ поэтому хотѣлось бы знать о нихъ несравненно больше. Въ Крапинѣ, повидимому, уже стали возникать незначительныя расовыя измѣненія внутри основного типа. Хотѣлось бы знать, не предшествовала ли каждой изъ различныхъ главныхъ расъ человѣчества позднѣйшихъ временъ стадія неандертальскаго чело-вѣка, хотя бы-быть можетъ, съ уже опредѣленными предвѣстниками будущихъ особенностей? Не были ли извѣстные намъ неандертальцы, отъ которыхъ до насъ дошли теперь лишь остатки, найденные въ разныхъ мѣстахъ Европы, какъ бы только непосредственными предками позднѣйшей европейско й расы? Это—вопросы, на которые мы не можемъ отвѣтить въ настоящее время. Гуще, чѣмъ когда либо нависъ теперь мракъ надъ такъ часто затрагивавшимся вопросомъ о человѣческихъ расахъ, — какъ далеко вглубь временъ заходить существующее крупное дѣленіе на расы, что было въ результатъ этого явленія, гдѣ была его первоначальная исходная точка, представляетъ ли оно собою продуктъ географическихъ условій, или обязано своимъ происхожденіемъ внутреннимъ, образующимъ видъ процессамъ и явленіямъ въ человѣческомъ существѣ,—все это въ настоящее время абсолютно нерѣшенные вопросы. Вполнѣ достоверно, что изъ всѣхъ живущихъ теперь народовъ австралийцы наиболѣе близко подходятъ по строенію черепа къ представителямъ неандертальской расы, хотя здѣсь ни въ коемъ случаѣ нельзя говорить о тождествѣ. Это уже замѣтилъ самъ Гексли, много лѣтъ тому назадъ, когда только что сталъ извѣстенъ первый остатокъ черепа изъ Неандерталя. Съ того времени это предположеніе находило все болѣе и болѣе вѣскія под-

твержденія. У австралийцевъ, по меньшей мѣрѣ, у нѣкоторыхъ индивидовъ встрѣчается поразительный регрессъ въ области надбровныхъ дугъ. И всегда это соотношеніе какъ разъ между европейцемъ древнедилювіальныхъ временъ и человѣческимъ типомъ, географически наиболѣе отдаленнымъ отъ насъ въ настоящее время, приводитъ насъ въ нѣкоторое смущеніе.

Если мы вспомнимъ, какой огромный прогрессъ культуры представляли собою неандертальцы, и если мы къ тому же прибавимъ, что всѣ болѣе важныя и значительнѣйшія культурныя побѣды были затѣмъ одержаны лишь въ сѣверномъ полушаріи нашей планеты и главнымъ образомъ, въ умѣренномъ поясѣ, то въ нашъ умъ снова закрадывается слѣдующая мысль: между этимъ географическимъ положеніемъ на сѣверѣ и всѣмъ дѣйствительнымъ прогрессомъ человѣчества существовала древняя неразрывная связь. Далѣе хотѣлось бы предположить, что появленіе дѣйствительнаго неандертальца и его культуры первоначально имѣло мѣсто только на сѣверѣ. Тогда можно было бы задать вопросомъ, въ какой степени сильное дилювіальное охлажденіе климата было тамъ еще одной побудительной причиной, которая ускоряла процессъ, такъ какъ оно нѣсколько разъ какъ бы отодвигало умѣренный поясъ то на югъ, то (въ промежуточные ледниковыя эпохи) снова къ сѣверу, и вслѣдствіе этого жизнь въ данномъ поясѣ превращалась для всѣхъ обитателей его въ продолжительную и серьезную борьбу за этотъ поясъ,—борьбу, которая должна была до крайности напрягать всѣ способности интеллигентнаго существа. Въ этой замѣчательной „кузницѣ“ былъ вначалѣ, вообще, выкованъ человѣкъ неандертальскаго типа, развившійся изъ первоначальной стадіи хотя бы приблизительно гейдельбергскаго человѣка, о географическомъ происхожденіи котораго мы ничего не можемъ сказать.

По достиженіи стадіи сѣверныхъ неандертальцевъ, ростъ человѣчества затѣмъ могъ идти уже въ ширину—такимъ образомъ, что въ тотъ громадный промежутокъ времени, который, очевидно, охватываетъ этотъ этапъ культуры на сѣверѣ, отсюда постоянно направлялись потоки человѣчества и къ югу, распространяя неандертальскую культуру далеко въ тропическія страны вплоть до южнаго полушарія. Быть можетъ, эти странствующие неандертальцы наткнулись на сохранившихся и оставшихся неизмѣненными гейдельбергскихъ людей или еще болѣе древнихъ предшественниковъ, которыхъ они тогда могли быстро уничтожить. Такіе переселявшіеся люди, весьма возможно, могли доходить даже до Австраліи, приблизительно, черезъ Индію и Целебесъ. Какъ разъ здѣсь особенно прочно осѣлъ передовой рядъ, занявъ, сравнительно, счастливо обособленное положеніе. Но его культурное развитіе ушло впередъ лишь очень недалеко, будучи парализовано вышеупомянутымъ географическимъ закономъ. Вспомнимъ только, что какъ разъ въ этой удивительной, отдѣленной отъ остальнаго міра Австраліи миллионы лѣтъ тому назадъ нашла себѣ пристанище цѣлая вѣтвь первобытнаго животнаго міра (утконосы и сумчатыя животныя), остановившаяся здѣсь въ своемъ развитіи; такіе остатки животныхъ находили здѣсь переселявшіеся люди древне-дилювіальныхъ временъ, подобно тому, какъ мы теперь открываемъ австралийцевъ, какъ реликвию временъ Неандертала. Только на этой самой крайней станціи такая реликвиya могла продержаться продолжительное время: въ другихъ же мѣстахъ, въ экваторіальной и южной областяхъ земли, от-

правлявшіеся толпами неандертальцы были затоплены позднѣйшими, устремлявшимися съ сѣвера потоками человѣчества и, такимъ образомъ, погибли для нашей картины. Въ особенности Африка достаточно ясно развертываетъ передъ нами картину такихъ неоднократныхъ переселеній народовъ съ сѣвера на югъ и обратно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло обстоитъ такъ, какъ мы предполагаемъ, хотя и съ разной степенью вѣроятности. Конечно, мы должны оговориться, что тутъ пока рѣчь можетъ идти лишь о смѣлыхъ построеніяхъ, но не больше. Первые вѣскія данныя могли бы намъ дать лишь находки дѣйствительныхъ ископаемыхъ неандертальцевъ въ другихъ частяхъ свѣта. Какой огромный интересъ представляло бы первое открытіе такого рода въ тропической Африкѣ или въ Южной Америкѣ! Правда, и тогда было бы очень трудно рѣшить, имѣемъ-ли мы въ такомъ неандертальскомъ человѣкѣ дѣйствительнаго предка, напимѣръ, современнаго намъ бушмена въ Африкѣ, — или это только представитель болѣе древняго, пришедшаго съ сѣвера человѣчества, который уже нашелъ болѣе позднюю, прикатиющуюся оттуда же человѣческую волну, уничтожилъ ее или поглотилъ ее въ результатѣ смѣшенія съ нею, тогда какъ настоящій центръ развитія, создавшій обѣ волны, лежалъ далеко отсюда на сѣверѣ. Надо учитывать различныя теоретическія возможности—больше въ настоящее время дать ничего нельзя.

Между тѣмъ, наши болѣе узкія доисторическія соображенія требуютъ лишь того, чтобы мы сначала на самомъ сѣверѣ стали искать слѣды, ведущій, очевидно, впередъ. Но какъ это ни странно, какъ разъ этотъ первый шагъ и тамъ съ самаго начала останавливаетъ насъ на подобномъ же вопросѣ переселенія. Переходя въ верхнюю ступень диллювіальной культуры, центръ которой, по старой схемѣ Мортилье, образуетъ эпоха Мадленъ, мы несомнѣнно замѣчаемъ, особенно, въ классическихъ французскихъ и еще болѣе южныхъ мѣстахъ находокъ опять таки извѣстный прогрессъ культуры. Конечно въ буквальномъ смыслѣ нигдѣ еще не замѣчалась рѣдко отграниченныя ступени и внезапные скачки. Мы видимъ всевозможные болѣе тонкіе признаки, но, оставаясь лишь на одной культурной почвѣ, мы испытываемъ такое чувство, что здѣсь могъ также играть роль и случай, который въ вышеупомянутыхъ лучшихъ мѣстахъ находокъ показалъ намъ, такъ сказать, лучшую сторону уже существовавшей до тѣхъ поръ культуры. Конечно, это такъ и было въ такую безконечно продолжительную эпоху, какъ неандертальская: въ однихъ мѣстахъ отставали, въ другихъ—уходили впередъ по пути культуры; вспомнимъ хотя бы объ упомянутомъ выше разстояніи, которое отдѣляетъ производство каменныхъ топоровъ-клиновъ шельской эпохи отъ производства каменныхъ клинѣвъ въ Таубахъ. Во всякомъ случаѣ можно было бы предположить, что между высшей точкой неандертальской культуры и пріобрѣтеніями эпохи Мадленъ существовалъ самый медленный и нечувствительный переходъ, если только здѣсь дѣйствительно слѣдуетъ различать двѣ эпохи культуры, смѣнившія одна другую въ своемъ развитіи.

Но рѣшающимъ обстоятельствомъ, на этомъ поворотномъ пунктѣ было быодно,—конечно если бы это можно было доказать съ абсолютной достовѣрностью, — а именно, что въ эпоху Мадленъ въ лицѣ европейскихъ носителей культуры мы имѣли дѣло уже не съ представителями неандертальской расы, а съ несомнѣнно настоящими (по строенію ске-

лета) „людьми новаго времени“, т. е. съ настоящей расой европейцевъ въ современномъ смыслѣ этого слова.

Но здѣсь возникаютъ два главныхъ вопроса: во-первыхъ, дѣйствительно ли это такъ? А во-вторыхъ, если это такъ, то имѣемъ ли мы передъ собою переходныя ступени какъ въ культурѣ, такъ и въ остаткахъ костей,—переходы, которые ясно вели, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Европѣ, путемъ непрерывнаго развитія отъ неандертальцевъ къ этой болѣе развитой расѣ, или же, быть можетъ и здѣсь дѣло идетъ о пришествіи новаго народа не извѣстно откуда, быть можетъ, изъ другой географической области умѣреннаго пояса, при чемъ болѣе высоко стоявшій въ анатомическомъ отношеніи народъ у насъ одержалъ верхъ надъ неандертальцами и смѣнилъ ихъ? На оба эти вопроса, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, нельзя еще отвѣтить такъ положительно, какъ бы этого хотѣлось. Нашъ отвѣтъ на упрямый скептицизмъ Вирхова въ вопросѣ о неандертальцахъ крайне своеобразенъ: мы дѣйствительно въ настоящее время можемъ описать значительно лучше и вѣрнѣе неандертальскаго человѣка, какъ представителя дилювіальнаго времени, чѣмъ того человѣка, вопросъ о которомъ школа Вирхова считала какъ бы почти само собою понятнымъ, а именно, настоящаго европейца позднѣйшаго дилювіальнаго времени, но безъ неандерталоиднаго строенія костей.

При мысли объ этой эпохѣ въ качествѣ основного фона картины, передъ нами еще разъ особенно ярко встаютъ различныя типичныя черты дилювія. Мы видимъ степи, по которымъ проносятся безчисленные табуны быстроногихъ дикихъ лошадей, родственныхъ современной намъ лошади Пржевальскаго изъ Центральной Азіи. Мы видимъ, какъ на ледниковыхъ моренахъ въ тундрѣ снѣга появляются мамонты и покрытые волосами носороги. Все болѣе и болѣе составляетъ такое впечатлѣніе, будто эти внѣшнія условія, которыя раньше слѣдовали одни за другими послѣ долгихъ промежутковъ, смѣнялись такъ поразительно быстро и безъ особой интенсивности въ деталяхъ, что картины ландшафтовъ сливались одна съ другой. Правда, древній слонъ, „мерковскій“ носорогъ и гиппопотамъ не возвращались уже больше обратно, но за то въ настоящихъ степяхъ жили въ огромныхъ количествахъ мамонты и покрытые волосами носороги. Сѣверный олень становится постепенно характернымъ животнымъ нѣсколькихъ періодовъ и, повидимому, умѣетъ устоять несмотря ни на какія смѣны климатовъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что эта послѣдняя, но уже не столь глубоко захватывающая смѣна обстановки представляла собою лебединую пѣсню всей ледниковой эпохи. Пенкъ въ предѣлахъ послѣдней ледниковой эпохи далъ многимъ стадіямъ особыя названія, которыя лучше всего подходятъ къ этой общей картинѣ. Повсюду начинается сказываться конецъ дилювія въ собственномъ смыслѣ этого слова. На основаніи культурныхъ слѣдовъ можно заключить, что и мамонтъ, въ концѣ концовъ, сталъ встрѣчаться все рѣже и рѣже, и что первобытный быкъ болѣе и болѣе завоевывалъ себѣ новыя мѣстности; это было крупное животное, которымъ кишѣли германскіе дѣвственные лѣса еще во времена историческаго нашествія римлянъ. Какъ и прежде, человѣкъ эпохи Мадленъ представляется намъ охотящимся за всѣми этими животными, но охотящимся все болѣе и болѣе планомѣрно. Все глубже и глубже вымывались пещеры въ известковыхъ скалахъ въ результатѣ столькихъ повторныхъ обледенѣній и слѣдовавшаго затѣмъ быстрого

оттаиванія. Все чаще и чаще этотъ человекъ пользуется пещерами, и въ нихъ то, главнымъ образомъ отложились тѣ слои съ остатками культуры, которые я выше назвалъ настоящими доисторическими музеями. Такъ пестра, такъ замѣчательна становится постепенно эта культура, судя по ея остаткамъ, что самымъ жестокимъ требованіемъ, какое со времянь первой побѣды Буше, предъявляла своимъ adeptамъ наша медленно крѣпнувшая доисторическая наука,—было требованіе вѣрить, въ этотъ періодъ культуры Мадленъ во всемъ объемѣ ея приобрѣтеній. Но каковъ же былъ въ это время внѣшній видъ человекъ,—человекъ этихъ позднѣйшихъ и послѣднихъ времянь дилювіального періода?

Въ 1868 году при постройкѣ желѣзной дороги въ Кро-Маньонѣ (Cro Magnon) въ часто упоминаемой нами долинѣ Везера были найдены остатки человѣческихъ костей, въ особенности три черепа, которые по всему своему положенію дали открывшему ихъ ученому Лартэ основаніе причислить ихъ къ черепамъ настоящихъ людей эпохи Мадленъ. Они лежали засыпанными подъ однимъ изъ вышеупомянутыхъ балконовъ-навѣсовъ, образовавшихся вслѣдствіе вымыванія, и были расположены надъ несомнѣнными остатками культуры эпохи Мадленъ. То, что свидѣлствуютъ кости, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онѣ принадлежатъ могучему, высокому, красивому человекъ съ ясно выраженной европейской культурной головой безъ утолщеній лобной кости, съ хорошо развитымъ подбородкомъ—во всякомъ случаѣ, не неандертальцу. Если эти черепа представляютъ собою черепа дилювіального человекъ, то тогда европейская раса была въ существенныхъ чертахъ своихъ уже готова. Человекъ этой второй, болѣе поздней дилювіальной эпохи по своему анатомическому строенію былъ диаметрально противоположенъ человекъ первой, болѣе древней эпохи.

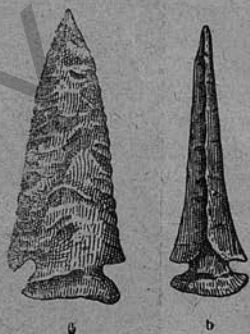
Но Габріэль де Мортилье самъ сталъ возражать противъ этого безапелляціоннаго вывода. Онъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь передъ нами могила, правда, до-исторической, но уже не дилювіальной эпохи, и старая ниша эпохи Мадленъ была совершенно случайно использована во второй разъ. Такіе случаи, конечно, возможны повсюду. Первый настоящій черепъ неандертальца тоже сначала считали принадлежащимъ казаку нашего времени, который якобы забрался въ данную пещеру и тамъ умеръ. Но скептицизмъ Мортилье имѣлъ такъ же мало успѣха, какъ въ свое время скептицизмъ вирховской школы.

Въ 1872 году въ Нижней Ложери (Lagerie basse), также въ долинѣ Везера, въ слоѣ, стиснутомъ тяжестью громаднхъ обваловъ скалы и состоящемъ изъ костей животнхъ дилювіа и остатковъ культуры эпохи Мадленъ, былъ найденъ скелетъ, который принадлежалъ къ тому же типу. Соотвѣтствующая третья находка была сдѣлана въ Брантомѣ (Brantôme) въ Дордони, и съ полдюжины другихъ присоединились еще сюда съ того времени. Трудно, очень трудно допустить, что здѣсь вездѣ шутилъ нечистый, перепутавшій настоящее съ поддѣльнымъ. Въ общемъ, специалисты въ настоящее время склоняются къ тому мнѣнію, что здѣсь передъ нами настоящая раса дилювіальныхъ времянь, и при этомъ раса именно эпохи Мадленъ. Послѣ первой находки ей было дано имя расы изъ Кро-Маньона. Въ такъ называемомъ „дѣтскомъ гротѣ“ „Красной скалы“ близъ Ментоны на побережьи былъ найденъ не только одинъ скелетъ, который также соотвѣтствовалъ бы этой расѣ, но также два скелета

не неандерталоиднаго внѣшняго вида; на основаніи послѣднихъ хотѣли сдѣлать выводъ, что тогда уже якобы окончательно сформировался африканскій типъ негра, и что здѣсь имѣло уже мѣсто временное нашествіе такихъ африканцевъ въ южную Европу; но такія предположенія еще очень проблематичны.

Вотъ, приблизительно, какъ обстоитъ дѣло съ этимъ основнымъ вопросомъ. Хотѣлось бы имѣть нѣсколько болѣе вѣскія доказательства, но все же при настоящемъ положеніи вещей приходится принять теорію о кро-маньонской расѣ, какъ въ данный моментъ наиболѣе вѣроятную. Уже не разъ ученые пробовали доказать непосредственный переходъ неандертальскаго типа въ эту расу на европейской почвѣ.

По схемѣ Мортилье, для этого перехода мы должны были бы обратить вниманіе, приблизительно, на эпоху Солютрэ. Какъ мы уже упоминали, первоначально рѣшающимъ обстоятельствомъ въ пользу этого обозначенія были крайне своеобразныя мѣста находокъ близъ Ліона. Тамъ, близъ мѣстечка Солютрэ, подъ обрывомъ скалы высотой въ 350 метровъ лежатъ огромныя количества костей дикихъ лошадей дилювіальнаго времени, перемѣшанныя съ человѣческими орудіями и оружіемъ; среди послѣдняго уже издавна вниманіе ученыхъ всего міра обратили на себя небольшія, особенно красиво обработанныя кремневая копыя, заостренныя на обоихъ концахъ въ видѣ лавроваго листа. Число экземпляровъ лошадей, валяющихся въ этой „живодернѣ“, какъ народъ называетъ это мѣсто, превосходитъ 40 тысячъ. Здѣсь доисторическіе люди, должно быть, имѣли прямо-таки безчисленное количество лошадей въ своемъ распоряженіи. Высказывалось мнѣніе, что они, быть можетъ, употребляли для ловли лошадей такой же способъ, какой примѣняютъ хищныя животныя при охотѣ за быстрой дичью, а именно, они загоняли стада лошадей на горный хребетъ, и затѣмъ на внезапно открывавшемся откосѣ они заставляли ихъ бросаться въ бездну. Во всякомъ случаѣ, здѣсь должно было играть роль какое либо особое обстоятельство. Если, дѣйствительно, нельзя, основываясь лишь на случайно особенно любимой въ данномъ случаѣ формѣ кремневаго острія, отграничить цѣлую культурную ступень дилювіальной эпохи, то все же это обстоятельство представляетъ геологическую черту, которая, дѣйствительно, въ извѣстной степени характеризуетъ эту лошадиную бойню въ Солютрэ и могла бы соединить ее въ цѣльную обособленную картину со сравнительно небольшимъ числомъ другихъ мѣстъ находокъ, относящихся къ позднѣйшей стадіи дилювіальнаго періода. Дѣло въ томъ, что здѣсь мы находимся въ долинѣ Роны (знаменитая французская область винодѣлія), геологически на типичномъ лёссѣ, т. е. на рыхлыхъ отложенияхъ пыли степей дилювіальныхъ временъ (на рейнскомъ нарѣччіи эти отложения и называются Löss, отъ слова lose, свободный, рыхлый). Но лёссъ еще и теперь распространенъ на большомъ разстояніи въ нашей части свѣта. По схемѣ Пенка, самое главное время его образованія должно было совпасть съ послѣднимъ межледниковымъ періодомъ, т. е. приблизительно съ

Наконечники каменныхъ стрѣлъ.

тѣмъ временемъ, когда мы должны были бы искать переходъ къ кроманьонской расѣ. Тамъ, гдѣ человѣкъ ясно появляется въ слояхъ лесса, такія находки надлежало бы изслѣдовать съ данной точки зрѣнія, и могло бы оказаться, что, разсуждая такъ, мы получили бы возможность выдѣлить своего рода эпоху Солютрэ въ качествѣ отдѣльной важной ступени.

Первобытный человѣкъ на охотѣ.

Хотя въ самомъ Солютрэ были найдены человѣческіе скелеты, но ихъ принадлежность къ періоду настоящаго лѣсса и огромнаго распространенія лошадей уже долгое время оспаривается, и они, во всякомъ случаѣ, не даютъ никакихъ данныхъ для рѣшенія интересующаго насъ вопроса. Наоборотъ, въ настоящемъ австрійскомъ лѣссѣ были найдены другія мѣста съ богатыми остатками культуры. Самымъ знаменитымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи является Предмость (Predmost) близъ Прага въ Моравіи.

Мощность лесса здѣсь достигаетъ многихъ метровъ, и еще во времена его отложенія здѣсь, должно быть, жилъ очень своеобразный и смѣшанный мѣръ животныхъ; наряду съ дикими лошадьми, какъ въ Солютрѣ, здѣсь жили мамонтъ и носорогъ, покрытый волосами, мускулистый быкъ и полярная лисица, сѣверный олень и альпійскій заяцъ, или бѣлякъ; здѣсь, очевидно, уже наступаетъ вышеупомянутое характерное смѣшеніе фауны, которое позднѣе является такимъ типичнымъ для всей эпохи Мадленъ. Но, по схемѣ Пенка, мы имѣли бы это явленіе уже передъ началомъ послѣднихъ колебаній въ мощности глетчернаго льда. Въ одномъ верхнемъ слоѣ лѣсса мы видимъ теперь самымъ недвусмысленнымъ образомъ, что здѣсь энергично хозяйничалъ уже и человекъ. Мы видимъ тамъ цѣлый рядъ очаговъ, съ животныхъ массама снимали шкуры, ихъ кости раскалывали для добыванія мозга, ихъ мясо жарили. Самымъ важнымъ предметомъ въ первобытномъ обиходѣ былъ мамонтъ—наиболѣе чуждое намъ животное, но тогда еще жившее въ этихъ мѣстахъ. Какъ въ Солютрѣ для лошадей, такъ здѣсь для гигантскихъ мамонтовъ была устроена настоящая бойня, что, очевидно, объясняется какими то таинственными мѣстными условіями. Во всякомъ случаѣ, при видѣ этихъ остатковъ мы получаемъ, съ одной стороны, понятіе о томъ, въ какихъ размѣрахъ уже диллювіальный человекъ производилъ тогда опустошенія въ рядахъ животнаго міра, а съ другой—о томъ, какія огромныя количества животныхъ, и частью, колоссальныхъ животныхъ, населяли тогда Европу. Тибетъ, какъ его описываетъ Свенъ Гединъ—тамъ еще и теперь пыльные вихри, соперничаютъ съ снѣжными бурями, и, несмотря на это, тамъ живутъ прямо-таки невѣроятныя множества животныхъ—Тибетъ представляетъ, пожалуй, самую лучшую картину, для сравненія. Изъ предмостскаго слоя, гдѣ были найдены слѣды очаговъ было извлечено болѣе двухъ тысячъ однихъ только коренныхъ зубовъ мамонта. Рука диллювіального человека часто очень хорошо сортировывала слоновыя кости,—отдѣльныя части скелета многихъ экземпляровъ разложены отдѣльными кучками. Къ тому же, эти мѣста находокъ, прежде чѣмъ ученые обратили на нихъ серьезное вниманіе, эксплуатировались, вслѣдствіе богатства въ нихъ костей, съ сельскохозяйственной цѣлью: размолотыя кости мамонта служили для удобренія полей!

Одно время, однако, многіе годы спустя послѣ послѣдовавшаго открытія, обстоятельства сложились такъ, что казалось, будто настоящая доисторическая цѣнность этого классическаго мѣста дискредитирована крайне остроумной выдумкой ученыхъ. Высокоуважаемый маститый ученый Стенструпъ, какъ специалистъ, высказалъ мнѣніе, что здѣсь могли жить люди въ такое время, когда не было уже живыхъ мамонтовъ, но что они вырывали изъ-подъ льда замерзшія трупы первобытныхъ мамонтовъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ современные намъ сибирскіе охотники, и поѣдали эту падаль—во всякомъ случаѣ, это была гораздо болѣе удобная форма запасанія провіанта, чѣмъ опасная охота на живыхъ гигантскихъ животныхъ. Эта идея была слишкомъ остроумна, чтобы не найти приверженцевъ, и Вирховъ, имѣя ее въ виду, говорилъ, что теперь уже разрушена всякая увѣренность въ томъ, что человекъ дѣйствительно жилъ на землѣ еще вмѣстѣ съ мамонтомъ. Но тѣмъ не менѣе она представляла собою лишь эффектную выдумку, которая скоро была оставлена. Дѣйствительная совмѣстная жизнь человека и мамонта подтверж-

дается въ настоящее время въ очень многихъ мѣстахъ самыми недвусмысленными доказательствами, и положеніе дѣль въ Предмость съ тѣхъ поръ уже настолько выяснено, что и здѣсь должно исчезнуть всякое сомнѣніе въ существованіи «свѣжей дичи».

Но какъ разъ въ Предмость были найдены остатки человѣческаго скелета, приписываемые теперь расѣ, у которой признаки неандертальца (напримѣръ, отсутствіе подбородка) какъ бы находились въ стадіи регреса. Такимъ образомъ, мы имѣли бы здѣсь дѣйствительно какъ бы переходъ. Весьма возможно, что дальнѣйшія находки въ лёссѣ смогутъ выяснитъ дѣло въ этомъ смыслѣ. Но пока еще нельзя сказать, чтобы здѣсь уже получился матеріаль, достаточный для опредѣленныхъ сужденій.

Вотъ что мы знаемъ о расовомъ вопросѣ въ позднѣйшую дилювіальную эпоху. Если мы вернемся теперь къ великолѣпному культурному матеріалу, который намъ во всякомъ случаѣ оставила эта эпоха, то за неувѣренность въ расовомъ вопросѣ насъ здѣсь вознаграждаетъ совершенно исключительное богатство этого матеріала, который до сихъ поръ не встрѣчался намъ, но который долженъ занимать прямо таки центральное мѣсто. Каковы бы ни были выводы изъ анатомическаго строенія человѣка эпохи Мадленъ, они уже больше не смогутъ отвлечь насъ отъ того, что насъ прежде всего интересуетъ и привлекаетъ къ этому человѣку, въ противоположность всему остальному доисторическому міру. Въ этомъ далекомъ отъ насъ человѣкѣ, образъ котораго неясно расплывается въ далекой странной намъ обстановкѣ, насъ внезапно, съ прямо таки ошеломляющей силой поражаетъ одна черта: уже въ дилювіальную эпоху человѣкъ былъ не только Робинзономъ, который достигъ богатыхъ успѣховъ въ техникѣ, поражающей несмотря на свою удивительную простоту; онъ не только завоевалъ себѣ зачатки социально-этического существованія; онъ жилъ не только въ сферѣ неясныхъ, шедшихъ ощупью попытокъ объясненія болѣе общаго значенія міра, образующихъ основу религій мѣовъ, а также философіи и изслѣдованія, — нѣтъ, кромѣ того, онъ поднялся до ступени занятія искусствомъ.

„Каменный вѣкъ“, который мы переживали еще въ эпоху Мадленъ, не слѣдуетъ, какъ я уже однажды упомянулъ, понимать такъ, какъ будто бы человѣкъ употреблялъ для производства своихъ орудій лишь одинъ матеріаль—камень. Камень долженъ лишь выражать противоположность металлу. Впрочемъ, вполне ясно, что тотъ, кто дошелъ уже до употребленія камней, не оставитъ безъ вниманія при случаѣ и дерево, и раковины улитокъ, и кости, и оленій рогъ. Если доисторическимъ людямъ доставалась въ огромномъ количествѣ такая добыча, какъ мамонтъ съ огромнѣйшими клыками, то вполне понятно, что слоновая кость стала у нихъ обычнымъ матеріаломъ для орудій. Но животнымъ, доставлявшимъ самый лучшій матеріаль въ эпоху Мадленъ былъ, по всѣмъ видимостямъ, сѣверный олень. Этотъ—единственный олень, который и теперь еще является ясно выраженнымъ другомъ арктическаго климата, и который въ странныхъ еще не опредѣлившихся климатическихъ условіяхъ конца ледниковаго періода находилъ вплоть до глубины южной Европы столь благоприятныя для себя условія, что онъ сталъ прямо таки типичнымъ животнымъ и буквально напрашивался всякому охотнику.

Но для насъ въ настоящее время сѣверный олень не является такимъ животнымъ, за которымъ мы только охотимся. Въ высокихъ широтахъ олень и теперь живетъ въ симбіозѣ (симбіозъ—сожитель-ство) съ человѣкомъ. Онъ необходимо долженъ былъ стать домашнимъ животнымъ, такъ какъ мертвый и живой онъ представлялъ собою самую цѣнную вещь изъ инвентаря его товарищей—людей, своего рода передвижной магазинъ предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія важнѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Но не надо себѣ представлять, что такъ хорошо и мирно обошлось это прирученіе въ диллювальную эпоху. Понятіе „домашнее животное“ опять таки не представляетъ собою въ природѣ чего либо совершенно исключительнаго. Уже муравьи оберегаютъ листовенныхъ тлей, какъ домашнихъ животныхъ, подобно тому, какъ мы бережемъ своихъ коровъ. Тѣмъ не менѣе, мы не имѣемъ никакого основанія говорить, что на этой настоящей диллювальной ступени человѣкъ уже дѣйствительно имѣлъ въ своемъ распоряженіи домашнее животное. У него обычно не было даже собаки, которая, безъ сомнѣнія, готова была примкнуть къ нему легче, чѣмъ всякое другое животное. Полярныя лисицы бѣжали за нимъ, когда онъ, какъ, на примѣръ, въ Предмостѣ, сражался съ мамонтами, шакалы слѣдовали за нимъ, во время охоты, подобно тому, какъ они плетутся за львомъ, чтобы урвать себѣ, мелкой сошкѣ, кусочекъ добычи со стола великана. Впослѣдствіи прирученіе собаки пошло уже, навѣрное, совсѣмъ гладко послѣ этого добровольнаго прихода ея къ человѣку, когда человѣкъ-охотникъ позналъ всю пользу такого товарища при преслѣдованіи дичи, а пещерный человѣкъ и кочевникъ въ шалашахъ—всю пользу ея, какъ ночного сторожа, предупреждающаго и дающаго сигналы. Но даже въ самыхъ богатыхъ мѣстахъ находокъ эпохи Мадленъ нѣтъ ни малѣйшаго признака, который бы указывалъ на существованіе прирученной собаки или лошади, рогатаго скота и свиньи. Понятія домашняго животнаго, какъ новаго чело-вѣческаго изобрѣтенія, еще не было въ то время, хотя дикія формы этихъ ставшихъ потомъ друзьями человѣка животныхъ бродили уже повсюду, въ лѣсу и степи, вокругъ его хижины и представляли собою наилучшій объектъ охоты. Также обстояло дѣло и съ сѣвернымъ оленемъ. Но что какъ разъ этотъ сѣверный олень, не зависимо отъ возможности имѣть его на жаркое, представлялъ своимъ мѣхомъ, костями и рогами первоклассный арсеналь для производства орудій,—это знали уже давно.

Взявъ въ руку заостренный камень въ видѣ ножа, человѣкъ вырѣзывалъ изъ матеріала, доставляемаго сѣвернымъ оленемъ, прекрасныя иголки, шила, острія копьевъ, кинжалы, гарпуны и многое другое. Въ этой техникѣ люди всей эпохи Мадленъ бесспорно являются великими мастерами. Отдѣлка камня собственно говоря, выступаетъ на первый планъ въ эту эпоху, но она все болѣе и болѣе ограничивается производствомъ небольшихъ, болѣе совершенныхъ, возможно болѣе удобныхъ для руки ножей для вырѣзыванія. Типъ этихъ (во всякомъ случаѣ самихъ по себѣ крайне совершенныхъ) каменныхъ ножей когда-то былъ рѣшающимъ при установленіи всей эпохи Мадленъ, но онъ становится понятенъ, какъ дѣйствительный прогрессъ всей техники только тогда, когда мы видимъ, что онъ во всю эту эпоху является, въ сущности говоря, лишь новымъ техническимъ средствомъ для достиженія совершательства, обнаруженнаго при обработкѣ костей сѣвернаго оленя.

Но главнымъ условіемъ всего этого былъ излишекъ въ матеріалѣ, доставляемомъ сѣвернымъ оленемъ, и ни въ одну культурную эпоху Европы онъ ни раньше, ни впоследствии, не былъ предоставленъ въ распоряженіе человѣка въ такихъ большихъ размѣрахъ, какъ тогда. Но все же представляется вполне возможнымъ, что охотники эпохи Мадленъ должны были иногда ходить вслѣдъ за своимъ живымъ арсеналомъ. Сѣверный олень, несмотря на все смѣшаніе климатическихъ условій этой эпохи, все же по своимъ склонностямъ былъ любителемъ тундры и охотнѣе направлялся къ ледникамъ, чѣмъ въ настоящую степь. Туда то онъ и увлекалъ за собой человѣка, и при этихъ условіяхъ люди эпохи Мадленъ съ полной очевидностью оказываются и на германской почвѣ, а именно, у Шусенквелле близъ Шуссенрида въ Швабіи.

Нигдѣ такой далекій отъ насъ міръ не развертывается передъ нами въ такомъ несомнѣнномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью и въ то же время такъ ясно и наглядно, какъ здѣсь. При раскалываніи отложившихся болѣе позднихъ слоевъ обнаружилась сохранившаяся вслѣдствіе случайнаго отсутствія воздуха прямо таки дилювіальная тундровая земля съ своимъ (въ настоящее время гренландскимъ) мхомъ, и непосредственно на этой растительной подстилкѣ передъ нами появились остатки культуры: прежде всего, обработанный олений матеріалъ, гдѣ видны всѣ стадіи обработки, начиная отъ свѣже распиленныхъ и разломанныхъ роговъ и кончая остриями копьевъ, гарпунами и кинжалами изъ оленьяго рога. Но здѣсь мы замѣчаемъ еще два новыхъ обстоятельства. И то, и другое, собственно говоря, начинали проявляться уже у охотниковъ за мамонтами въ предместномъ лёссѣ, такъ что они, слѣдовательно, безъ сомнѣнія, представляли собою уже давній обычай. Шесты изъ костей сѣвернаго оленя регулярно снабжены насѣчками! Чѣмъ, собственно говоря, должны означать эти насѣчки, это само по себѣ не совсемъ ясно. Сначала ихъ сочили за мѣтки, обозначающія числа, быть можетъ, число убитыхъ животныхъ, на манеръ, напримѣръ, того, какъ студенты отмѣчаютъ число пробитыхъ ими въ университетѣ семестровъ на металлической крышкѣ своихъ пивныхъ кружекъ. Быть можетъ, это были зачатки украшеній. Но во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что рогъ уже употреблялся для другихъ цѣлей, кромѣ производства кинжала или острія копья.

Зитѣмъ тамъ встрѣчается красное, добываемое изъ желѣзняка, красящее вещество, такое же какъ въ Предмостѣ. Въ Предмостѣ лежатъ различныя краски въ такомъ поразительно большомъ количествѣ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о простой случайности. Люди, повидимому, разрисовывали что-то. Вспомнимъ Пятницу Робинзона и подобныхъ ему: голые дикари еще и теперь обыкновенно натираютъ свое тѣло всевозможными пестрыми красками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это натираніе, безъ сомнѣнія, служитъ извѣстной защитой. Кто не знаетъ поговорку, что грязь грѣетъ. Но еще болѣе сильное дѣйствіе оказываетъ этотъ обычай при защитѣ отъ оводовъ и комаровъ. Слоны тоже покрываются пылью, защищаясь отъ нихъ. Но какъ разъ тундра еще и теперь представляетъ собою пристанище самыхъ злѣйшихъ комаровъ, такъ что, слѣдовательно, и дилювіальные охотники въ тундрѣ могли уже ощущать сильную потребность въ такомъ защитительномъ локовѣ. Техника повторяетъ здѣсь снова то, что, по всей вѣроятности, въ другихъ мѣстахъ уже прочно укоренилось подъ влияніемъ естест-

веннаго подбора: а именно, весьма вѣроятно, что черная окраска кожи негритянскихъ народовъ, живущихъ въ тропическихъ странахъ, представляетъ собою подобную защиту, она даетъ темные слои пигмента, какъ бы внутреннюю прокраску кожи, которая предохраняетъ отъ извѣстныхъ зараженій.

Но вопросъ объ искусственной окраскѣ кожи затрагиваетъ еще другую интересную область. Для разрисовыванія необходима наличность голой кожи. Но былъ ли человѣкъ тогда уже совершенно голымъ, т. е. въ томъ смыслѣ, что его кожа не была уже больше покрыта волосами, какъ у обезьянъ? И сколько времени тому назадъ произошло это исчезновеніе волосъ? Какъ обстояло дѣло въ этомъ отношеніи съ людьми неандертальской расы? Большое количество дѣйствительно красиво обработанныхъ, крайне цѣлесообразныхъ костяныхъ иголокъ съ ушками, найденныхъ въ мѣстахъ находокъ эпохи Мадленъ, и такое же ясное существованіе безчисленнаго количества скребковъ ясно указываютъ, что, по крайней мѣрѣ, въ эту болѣе позднюю эпоху, люди приготавливали себѣ одежду изъ кусковъ мѣха. Оленья шкура, какъ матеріалъ для одежды, имѣлась тогда уже въ избыткѣ, а морозъ былъ достаточной побудительной причиной для такого изобрѣтенія, конечно, при условіи, что у охотниковъ тундры не имѣлось уже больше, какъ и у насъ, собственнаго мѣха на тѣлѣ. Но если у людей кроманьонской расы были уже такіе красивые современные черепа, тогда, на основаніи общихъ соображеній, не придетъ въ голову предположить, чтобы они были покрыты еще настоящими волосами, какихъ теперь нѣтъ ни у одной современной намъ человѣческой расы. Въ этомъ мѣстѣ мы должны вспомнить о положеніи дѣлъ у современныхъ эскимосовъ: на воздухѣ, по крайней мѣрѣ, въ холодные періоды, — защита посредствомъ мѣховъ; въ искусственно нагрѣваемыхъ пещерахъ, у очага, — обнаженіе тѣла сниманіемъ одежды. Это, была самая удобная форма при этихъ двухъ различныхъ обстановкахъ, созданныхъ, съ одной стороны, естественными условіями, съ другой культурою. Въ общемъ же, все же закаливаніе играло и на воздухѣ большую роль, способствуя все большому и большому обнаженію. Наоборотъ, въ обнаженіи дома и въ другихъ мѣстахъ уже давно начало играть роль понятіе „эротическаго обнаженія“: желаніе подчинить извѣстныя части тѣла изъ соображеній пола извѣстной смѣнѣ прикрытія и (въ силу контраста) особенно дѣйствовавшего обнаженія даже тамъ, гдѣ не могло уже быть рѣчи о сохраненіи тепла; вотъ—тотъ путь, который привелъ къ особому явленію сокрытія половыхъ органовъ, къ развитію понятія цѣломудрія, и который, въ концѣ концовъ, сообщилъ особый оттѣнокъ у культурныхъ народовъ всему понятію одежды, которые продолжительное время носили послѣднюю.

Вопросъ о наготѣ или волосяномъ покровѣ становится тѣмъ болѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ дальше мы обращаемся къ людямъ неандертальской расы, такъ какъ здѣсь надо дать отвѣтъ, почему человѣкъ, вообще, не покрытъ волосами. На основаніи имѣющихся слѣдовъ культуры я не могу установить ни одного вѣскаго факта, который говорилъ бы противъ того, почему бы и неандертальцы, хотя бы Крапины или Мустье, не приготавливали себѣ мѣховыхъ одеждъ, поскольку поводомъ для этого послужилъ бы зимній климатъ умѣреннаго пояса, снѣжныя степныя бури или полярная тундра. Но проблема, почему человѣкъ, вообще, въ какое то время своего

развитія сталъ голымъ, т. е. лишился согрѣвающего мѣха млекопитающихъ и, слѣдовательно, ощутилъ потребность въ чужомъ мѣховомъ покровѣ, въ настоящее время тоже не можетъ быть рѣшена вполне удовлетворительно.

Однако, мы вполне увѣренно можемъ утверждать, что человѣкъ произошелъ отъ покрытыхъ мѣхомъ животныхъ. Онъ не могъ лишиться волосъ подѣ влияніемъ тропическаго климата, такъ какъ млекопитающія тропиковъ (если только они не находятся въ близкой зависимости отъ воды или другихъ особыхъ условій, не играющихъ роли для человѣка) вплоть до человѣкообразныхъ обезьянъ покрыты густымъ волосатымъ покровомъ. Голый дикарь тропиковъ рядомъ съ представителями животнаго міра является тамъ существомъ, которое раздѣлѣно послѣдствіемъ. Предполагали, что здѣсь передъ нами первоначальное явленіе соотносительности, которое якобы еще лежало въ основѣ спеціальнаго развитія первобытнаго человѣческаго существа. Соотносительностью въ развитіи называется такое явленіе, когда какой либо органъ измѣняется, приспособляясь къ какой-нибудь новой цѣли, и при этомъ, вслѣдствіе внутренней связи, гдѣ-нибудь измѣняется также и другой органъ, не имѣющій отношенія къ данной цѣли. Такимъ образомъ, растущій мозгъ развивавшагося человѣка могъ бы соотносительно (коррелятивно) повлечь за собою, напримѣръ, выпаденіе волосъ, за которое послѣдствіемъ въ холодныхъ областяхъ человѣкъ могъ бы быть вознагражденъ тѣмъ, что благодаря этому мозгу онъ приобрѣлъ способность изготовлять себѣ искусственныя одежды. Но теорія не обладаетъ опредѣленными данными, которыя подтверждали бы наличность какъ разъ такого соотношенія; она скорѣе должна придумать данныя, отвѣчающія этой цѣли; это, стало быть, — гипотеза, подкрѣпленная гипотезой же!

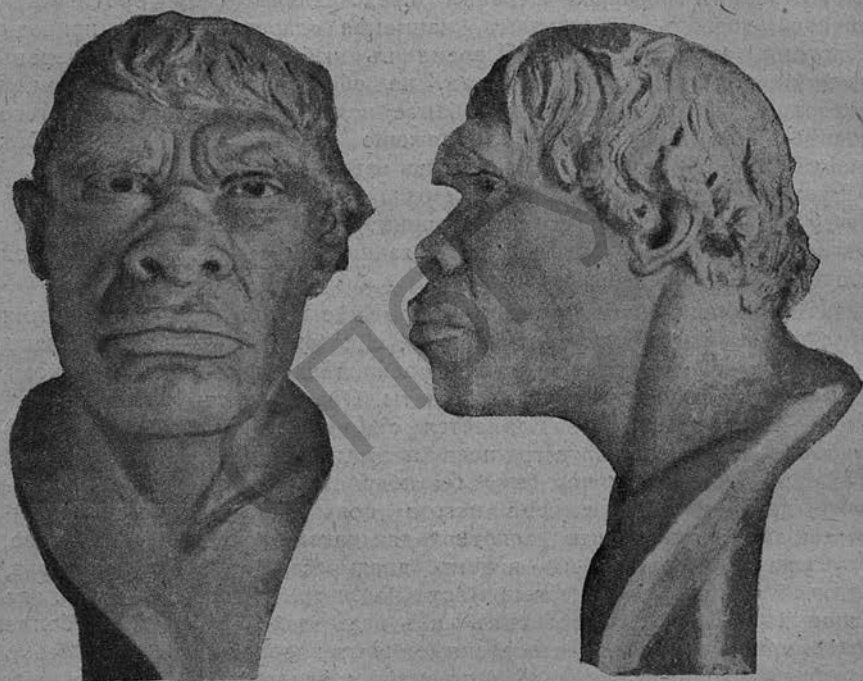
Другое объясненіе обнаженности можно было бы найти въ результатахъ изслѣдованій первыхъ ступеней культуры. Человѣкъ былъ якобы одѣтъ естественнымъ волосатымъ покровомъ вплоть до первыхъ стадій культурной эпохи, и этотъ покровъ сохранялся у него въ теченіе всего болѣе древняго каменнаго періода. Увеличивавшееся затѣмъ охлажденіе въ умѣренномъ поясѣ могло затѣмъ вызвать тамъ желаніе быть покрытымъ болѣе густыми волосами. У непокрытыхъ волосами животныхъ этого пояса (у мамонта и носорога) образовался теперь — понятно, медленно, какъ непосредственный результатъ естественнаго подбора — волосатый покровъ, у животныхъ же, покрытыхъ волосами, этотъ покровъ сталъ болѣе густымъ. Но человѣкъ, очутившись въ такомъ положеніи, давно опередилъ этотъ естественный процессъ тѣмъ, что сталъ употреблять въ качествѣ одежды чужія мѣховыя шкуры. И эта мѣховая одежда, вошедшая въ привычку, привела, въ концѣ концовъ къ тому, что лежавшій подѣ нею собственный волосатый покровъ постепенно исчезъ самъ собою. Эту теорію слѣдовало бы соединить съ другой, упомянутой выше теоріей, а именно: что настоящее восхожденіе первобытной культуры на болѣе высокую ступень происходило лишь въ холодномъ поясѣ сѣвернаго полушарія, и что заселеніе остальной земли (далѣе за тропики) людьми, стоявшими, приблизительно, на стадіи неандертальской культуры, надо объяснять возобновившимся притокомъ сюда народовъ съ сѣвера; люди неандертальскаго типа, лишившіеся въ значительной степени своего волосатого покрова уже на сѣверѣ, могли бы какъ иммигранты объяснить,

почему нынѣшніе австралійцы не покрыты волосами. Хотя теорія переселенія въ этомъ случаѣ и можетъ опереться на правдоподобность своихъ собственныхъ построеній,—здѣсь все же остается широкое поле для всякихъ умозрѣній. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ послѣдній ходъ мыслей можетъ дать вспомогательные доводы, которые и сами по себѣ интересны. Если одѣяніе имѣлось уже до окончательнаго исчезновенія природнаго волосаго покрова, то здѣсь могъ бы оказать уничтожающее дѣйствіе тотъ факторъ, къ которому Дарвинъ хотѣлъ сначала свести обнаженіе человѣческаго тѣла. Въ пещерѣ, у очага мѣхъ снимался. Здѣсь остатокъ естественнаго волосаго покрова былъ уже излишенъ, даже тягостенъ. Можно было бы себѣ представить, что въ противовѣсъ ему здѣсь могъ работать какой либо искусственный подборъ. Дарвинъ представлялъ себѣ эротическій, половой подборъ. Индивидуамъ, наименѣе одареннымъ отъ природы волосами, отдавалось долгое время въ любви предпочтеніе передъ другими, пока, въ концѣ концовъ, не образовалась раса, лишенная волосъ. Тотъ, кто интересуется болѣе подробной разработкой этого изслѣдованія, найдетъ полное изложеніе его въ моей книгѣ „Das Liebesleben in der Natur“ („Любовь въ природѣ“). Оставаясь въ рамкахъ нашего изложенія и стремясь, по возможности, не покидать почву несомнѣнныхъ остатковъ старины, мы находимъ въ этой послѣдней идеѣ нѣчто, тѣсно съ ней связанное, и съ чисто фактической стороны, имѣющее важное значеніе.

Вышеупомянутая окраска и покрываніе голой кожи различными красящими веществами, „татуировка“, о которой такъ ясно говорятъ уже диллювіальные матеріалы для окраски, дѣлается современными намъ дикарями не только въ цѣляхъ защиты. Она служитъ также для того, чтобы „нравиться“. Она дѣлается съ цѣлью привлечь къ себѣ вниманіе и любовь другого пола пестрыми украшеніями на кожѣ. Въ этомъ случаѣ можно было бы подумать, что въ вышеупомянутомъ дарвиновскомъ смыслѣ нагота пользовалась особымъ предпочтеніемъ, какъ лучшее „полотно“ для такой окраски. Весьма важно, что уже у обезьянъ мы видимъ владычество полового подбора, который подхватываетъ голыя мѣста на лицѣ, а прежде всего, на половыхъ органахъ, чтобы затѣмъ какъ разъ здѣсь развить наиболѣе яркіе красные и синіе естественные цвѣта; вспомнимъ хотя бы о мандриллѣ. Человѣкъ могъ бы по своему продолжать это развитіе, лишь комбинируя его съ мыслительной работой и техникой производствъ орудій, которыя сдѣлали здѣсь возможнымъ и искусственное раскрашиваніе. Какъ бы то ни было, но желаніе „нравиться“ выступаетъ при раскрашиваніи тѣла у нашихъ дикарей, не только какъ вспомогательное средство при выборѣ себѣ друга или подруги, но оно, вообще, проявляется, какъ движущая сила. Пестрота манитъ и возбуждаетъ; глазъ съ удовольствіемъ скользитъ по извѣстнымъ орнаментамъ; съ извѣстными, самостоятельно созданными формами и сочетаніями красокъ соединяются всевозможныя ассоціаціи; цѣлая огромная часть жизненной дѣятельности переносится на эти вещи и живетъ въ нихъ. Говоря короче, къ разрисовыванію дикарей здѣсь уже примѣшивается нѣчто такое, что стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ всякаго понятія защиты, охраны, непосредственной грубой потребности: здѣсь великій своеобразный продуктъ роскоши—искусство.

Въ географически не слишкомъ удаленной отъ Шуссенрида мѣст-

ности съ остатками культуры диллювиальной эпохи, — а именно въ Швейцербильдѣ близъ Шафгаузена, — мы находимъ еще большее количество материала, хотя и въ болѣе запутанномъ положеніи. Здѣсь мы видимъ еще цѣлую картину жизни, относящуюся къ этой привлекательной области. Сначала мы видимъ тамъ человѣка первобытныхъ временъ, который обнаруживаетъ свое чувство пониманія красиваго и изящнаго, собирая соответствующіе предметы. Цѣлыми кучами лежатъ куски горнаго хрусталя шарики бобовидной желѣзной руды, имѣющія комичный видъ окаменѣлости, блестящіе зубы животныхъ, — матеріаль, очевидно, порою, принесенный издалека. Человѣкъ, собирающій такіе предметы, стоитъ какъ разъ на той ступени австралійскихъ бесѣдочниковъ (птицъ), которые накапливаютъ себѣ цѣлыя сокровищницы

Предполагаемый типъ человѣка каменнаго вѣка.

изъ подобныхъ предметовъ. Но въ зубахъ и раковинахъ пробуравлены отверстія: черезъ эти отверстія продѣвалась сухая жила животнаго, и получавшееся ожерелье украшало шейку какой либо доисторической дѣвушки; здѣсь сейчасъ же сказывается мозгъ, умѣющій создавать орудія!

Пробуравленныя кости копыта сѣвернаго оленя представляютъ собою, какъ это оказывается теперь, не что иное, какъ свистокъ, дудку. Но скептикъ можетъ сказать, что это были лишь сигнальные свистки для охотниковъ. Вѣдь, всѣ птицы и млекопитающія, ведущія социальный образъ жизни, даютъ другъ другу сигналы. Почему бы и эта потребность не подвергалась своего рода „очеловѣченію“ путемъ примѣненія искусственныхъ орудій? Но вѣдь, дроздъ, напримѣръ, свиститъ очень мелодично и для другой цѣли, кромѣ сигнализаци. Гиб-

бонъ можетъ уже пропѣть гамму. Почему бы человѣку не унаслѣдовать этой способности и не создать здѣсь вспомогательное орудіе въ видѣ музыкальнаго инструмента, настоящей флейты?

Вѣдь, теперь мы, безъ сомнѣнія, встрѣтились лицомъ къ лицу съ созидающимъ искусствомъ въ видѣ вырѣзыванія. Вмѣсто простыхъ насѣчекъ на оленьемъ рогѣ мы видимъ настоящіе вырѣзанные орнаменты, и въ нихъ, къ нашему великому удивленію, господствуютъ тѣ же основные законы стиля, которымъ, начиная съ этого момента вплоть до нашихъ дней, была подчинена вся сокровищница орнаментовъ человѣчества. Мы называемъ эти орнаменты „красивыми“, и въ этомъ смыслѣ эти охотники за оленями эпохи Мадленъ уже окончательно знали, что такое „прекрасное“.

Уже въ этомъ мѣстѣ мы видимъ, что такіа украшенія орнаментомъ поразительно часто встрѣчаются на своеобразныхъ длинныхъ палкахъ изъ оленьяго рога, на болѣе широкомъ концѣ которыхъ обыкновенно пробуравлено большое круглое отверстіе. Такія пробуравленныя

Возвращеніе съ охоты.

палки встрѣчаются въ большомъ количествѣ и почти всегда одной и той же формы (иногда съ нѣсколькими отверстіями) также и въ южно-французскихъ пещерахъ этого времени. Почти строгая, какъ бы освященная обычаемъ общая форма, необыкновенная тщательность отдѣлки и вся какая то особенная любовь, съ которою какъ разъ здѣсь повсюду сдѣланы украшенія, указываютъ намъ, что эти палки играли какую то крайне важную роль въ культурной жизни тѣхъ временъ. Но какова же была ихъ роль—это до сихъ поръ спорный вопросъ. Болѣе древнее мнѣніе—что это „предводительскій жезлъ“, знакъ начальника племени. Штензакъ считаетъ ее первобытной формой застежки, устроенной на открывавшейся спереди мѣховой одеждѣ, что служило для замѣны пуговицы на груди слѣдующимъ образомъ: въ

отверстіе кости продѣвались два конца шнурка, пришитыхъ къ одеждѣ, и скрѣплялись поперечными палочками; нѣсколько отверстій давали возможность распускать одежду и, такимъ образомъ, позволяли употреблять этотъ предметъ въ видѣ пряжки. Наконецъ третья группа ученыхъ считаетъ фетишами, магическими жезлами, такъ что, въ случаѣ, если это мнѣніе вѣрно, здѣсь мы имѣли бы случай наблюдать уже раннее отношеніе искусства къ религиозной жизни. Но для подтвержденія послѣдней идеи мы можемъ, пожалуй, обратиться къ чему-то такому, что насъ затѣмъ приводитъ къ высшей точкѣ, какая вообще, могла быть достигнута „искусствомъ“ этихъ дилювіальныхъ людей. Для изученія этого мы должны снова переѣхать мѣсто.

Въ такомъ же швейцарскомъ предгорьѣ какъ и Швейцербильдѣ, находится мѣстечко Кеслерлохъ близъ Тайнгена въ кантонѣ Шафгаузенъ. Это—пещера въ юрскомъ известнякѣ, названная такъ по часто ночевавшимъ тамъ бродяжничающимъ котельщикамъ (Kessler—котельникъ); она когда-то была, очевидно, главной квартирой охотниковъ за мамонтами; въ продолжительную промежуточную эпоху (въ болѣе ранній, не дилювіальный каменный вѣкъ) въ этой же пещерѣ жили или часто бывали карлики, представители замѣчательной карликовой чело-вѣческой расы, которая по росту напоминаетъ современныхъ намъ карликовыхъ негровъ Африки; существованіе этой расы въ данной мѣстности подтверждается также неоднократно попадавшимися тамъ скелетами; такъ мнѣются вещи на свѣтѣ!

На основаніи настоящихъ дилювіальныхъ остатковъ, найденныхъ въ Кеслерлохѣ, мы опять таки можемъ составить себѣ прекрасное представленіе объ обстановкѣ и культурѣ той эпохи. Большое удовольствіе, должно быть, доставляла здѣсь охота смѣлымъ людямъ того времени! Мамонтъ и покрытый волосами носорогъ были въ этихъ мѣстахъ крупной дичью перваго сорта; на переднемъ планѣ рядомъ съ ними стоитъ сѣверный олень, жившій здѣсь въ огромномъ количествѣ. Но такъ какъ и на этотъ разъ тундра, лѣсъ и настоящая степь по времени очень тѣсно соприкасались другъ съ другомъ, то и здѣсь къ сѣверному оленю присоединялись благородные олени, дикіе быки и лошади; въ водѣ бобры строили свои плотины; тамъ былъ и каменный козелъ, который въ настоящее время безмолвно совершаетъ послѣдній шагъ по пути давнымъ давно исчезнувшихъ представителей первобытнаго міра; рядомъ съ медвѣдемъ и рысью производила опустошенія и росомаха, теперъ вытѣсненная далеко, далеко къ полярнымъ странамъ; тамъ рычалъ левъ, который только, приблизительно, въ гомеровскія времена (вспомнимъ о многочисленныхъ упоминаніяхъ о львѣ въ Иліадѣ) окончательно покинулъ нашу часть свѣта. И здѣсь мы съ абсолютной увѣренностью имѣемъ передъ собой очаги, въ которыхъ лежатъ обожженные кости мамонта. Часто мы встрѣчаемъ острія копьевъ, приготовленныя изъ мамонтовой кости, нѣтъ недостатка также и въ кинжалахъ, сдѣланныхъ изъ того же матеріала. Но главный матеріалъ для своего собственнаго уничтоженія все же продолжаетъ доставлять сѣверный олень.

Его рога даютъ, въ особенности, матеріалъ для великолѣпныхъ гарпуновъ и удочекъ съ острыми крючками. Ловля гигантскихъ, подымавшихся сюда изъ нижней части Рейна лососей, была, безъ сомнѣнія, наряду съ охотой, однимъ изъ главныхъ удовольствій этихъ людей изъ Кеслерлоха. Хотя у насъ нѣтъ непосредственныхъ

остатковъ дерева, но все же мы можемъ вполне допустить, что владѣльцы такихъ хорошихъ орудій для рыбной ловли должны были признать свое умѣнье обращаться съ огнемъ къ тому, чтобы выжигать деревья, и въ такомъ поломъ стволѣ, служившемъ имъ въ видѣ лодочки, могли при случаѣ отправляться за добычей въ ближайшее Боденское озеро, кишѣвшее рыбой. Могли они, конечно, пользоваться для этого и плотами.

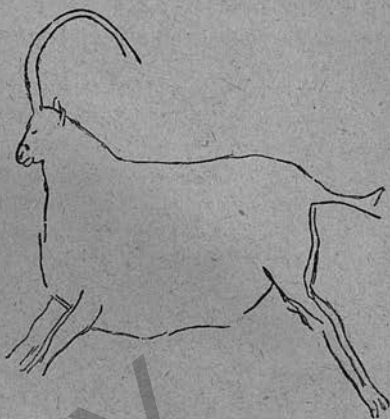
Что касается оружія, то здѣсь мы впервые наталкиваемся на важный признакъ: на концахъ копьевъ видны продолговатыя бороздки, которыя не допускаютъ иного толкованія, кромѣ того, что уже тогда оружіе смазывали какимъ либо ядовитымъ веществомъ. Снова приемъ первобытныхъ животныхъ,—на этотъ разъ приемъ пресмыкающагося, змѣи съ ея зубомъ, по канальчику котораго проходитъ смертноснй ядъ; этотъ приемъ былъ самостоятельно воспроизведенъ человекомъ, достигшимъ стадіи изготовления орудій. Но является спорнымъ вопросъ, употреблялись ли тогда уже лукъ и стрѣлы. То, что въ мѣстахъ находокъ, относящихся къ до-дилювіальному времени находится безчисленное количество небольшихъ острыхъ кусочковъ камня и кости, которые по ихъ величинѣ всякій непредубѣжденный человекъ приметъ скорѣе за кончикъ стрѣлы, чѣмъ копья,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Съ другой стороны, въ этомъ случаѣ находили нужнымъ подчеркнуть то обстоятельство, что еще въ настоящее время встрѣчаются дикіе народы, которые абсолютно не употребляютъ лука; къ таковымъ несомнѣнно принадлежатъ примитивные австралийцы. Здѣсь снова хотѣли испробовать силу обратнаго умозаключенія: такъ какъ у австралийцевъ нѣтъ того-то и того-то, то этого не было и у доливальныхъ людей. Но это заключеніе въ такой формѣ не выдерживаетъ критики. Изъ австралийцевъ не вышло больше ничего. Изъ стадіи культуры эпохи Мадленъ должна была развиться, хотя и не въ томъ же мѣстѣ Европы, а въ другихъ мѣстахъ, наша позднѣйшая высшая культура. Но люди, жившіе на этой стадіи культуры, даже въ болѣе или менѣе относящейся къ области чисто миеическаго періоду свайныхъ построекъ, безусловно умѣли уже владѣть лукомъ и стрѣлами. Кто же можетъ чисто теоретически опредѣлить, въ какое время диллювальной эпохи люди научились этому искусству? Гораздо важнѣе могло бы показаться то обстоятельство, что австралийцы, быть можетъ, не употребляютъ лука потому, что они привыкли къ употребленію такъ называемаго бумеранга и у нихъ, на подобіе стрѣлы, летитъ копье, приводимое въ движеніе второй палкой, какъ рычагомъ. Такими бумерангами считаютъ также извѣстныя диллювальныя палки изъ оленьихъ костей съ выступающимъ впередъ зубцомъ, какія были найдены въ Нижней Ложери и здѣсь въ Кеслерлохѣ. Отсюда дѣлается выводъ, что и здѣсь не было потребности въ другомъ оружіи для метанія. Но бумерангъ встрѣчается у эскимосовъ нашего времени, а эти эскимосы вмѣстѣ съ тѣмъ употребляютъ настоящей лукъ со стрѣлами. Трудно повѣрить, чтобы разумный народъ, который не замеръ на одной какой либо стадіи культуры, а развивался и далѣе, не перешелъ отъ употребленія бумеранга къ тетивѣ. Поэтому, насколько мнѣ кажется, у насъ нѣтъ данныхъ для противнаго утвержденія, хотя я признаю, что меня поражаетъ въ доисторическомъ инвентарѣ отсутствіе луковъ изъ оленьихъ костей по образцу эскимосскихъ; должно быть, употреблялись лишь

деревянные луки, что не может насъ сильно удивлять въ виду близости лѣсовъ.

То, чего здѣсь дѣйствительно не достаетъ, и что нигдѣ еще не было съ полной достовѣрностью доказано для всей заключительной, диллювiальной эпохи, такъ это горшечныхъ обломковъ. Горшечное производство тогда еще не было изобрѣтено. Одинъ моментъ можно было прійти въ изумленіе при видѣ такого становища охотниковъ, какимъ былъ Кеслерлохъ: вѣдь еще и теперь у африканскихъ, американскихъ и другихъ дикихъ народовъ (напримѣръ, у жителей Центральной Бразиліи, находившихся при ихъ открытіи на стадіи культуры каменнаго вѣка) горшечное производство представляетъ собою исключительно занятіе женщинъ; при строгомъ раздѣленіи труда ни одна женщина не пойдетъ на охоту, и ни одинъ мужчина не станетъ заниматься приготовленіемъ горшковъ; не были ли и эти доисторическія становища лишь лагерями мужчинъ, и потому вблизи нихъ никогда не было видно ничего женственного, а слѣдовательно, и горшка, соданнаго женскою рукою? Послѣднее соображеніе заставляетъ отбросить и такую мысль: почему бы эти охотники не могли все же носить съ собою горшковъ, сдѣланныхъ дома ихъ женами? Но тогда французскія пещеры, которыя, несомнѣнно, являлись мѣстами для зимовокъ, должны были бы быть наполнены такими черепками. Однако, тамъ нѣтъ ни малѣйшаго обломка. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ такой же рѣзко выступающій пробѣлъ, какой представляло собою отсутствіе скотоводства, земледѣлія и обработки металловъ.

Но обратимся въ Кеслерлохъ къ гораздо болѣе ясновыраженной сторонѣ культуры, а именно, къ искусству. Первое, что насъ здѣсь поражаетъ, такъ это углубленіе того, что въ Шуссенридѣ мы отмѣтили какъ простую насѣчку на оленьихъ рогахъ, въ высшей степени важную новую сторону. Острія копьевъ снабжены часто выѣзанными треугольниками и крестами такой характерной формы, что, судя по аналогіи съ обычаями современныхъ намъ дикарей, мы должны считать ихъ не чѣмъ инымъ, какъ мѣтками, знаками, по которымъ владѣльцы распознавали свое оружіе. Такая индивидуальная отмѣтка оружія еще и теперь является своего рода закономъ у дикихъ народовъ, благодаря ей можно опредѣлить, кто бросилъ копьѣ, кто нанесъ смертельный ударъ преслѣдуемому животному, въ которое многіе бросали свои копыя. Эта небольшая мѣтка не имѣетъ еще никакого непосредственнаго отношенія къ искусству, но она важна для дальнѣйшей культурной перспективы. Вырѣзанный треугольникъ или крестъ, три треугольника или четыре треугольника, два креста одинъ надъ другимъ или рядомъ другъ съ другомъ являются символомъ имени мужчины. У этихъ людей, несомнѣнно обладавшихъ въ извѣстной мѣрѣ рѣчью, были также уже имена, личные и нарицательныя, имена для сѣвернаго оленя, дикой лошади, солнца, озера, копыя, каменнаго ножа. И вотъ вслѣдствіе удобства такихъ мѣтокъ какая либо насѣчка могла укорениться въ племени для обозначенія такихъ общихъ именъ, особый постоянный символическій знакъ для сѣвернаго оленя, особый знакъ для солнца и особый для озера. Вы предчувствуете, что такимъ путемъ должно было быть изобрѣтено письмо. Въ французской пещерѣ Масъ д'Азиль вблизи Пиринеевъ было найдено много гольшей, съ странными красными рисунками, которые уже одинъ разъ сочли за слѣды доисторическаго письма знаками. Данное истолкованіе стоитъ

на очень шаткой почвѣ, точно также и пресловутые раскрашенные голыши не представляют собою продукта, по меньшей мѣрѣ, настоящей дилювіальной эпохи Мадленъ, а принадлежать къ болѣе позднему періоду (переходъ къ послѣдилювіальному каменному вѣку). Поэтому высказанная выше логическая догадка остается въ полной силѣ. Когда бы то ни было, будь это и позднѣе, но этотъ путь привелъ гдѣ-то къ триумфу такой великой по своему значенію вещи, какъ введеніе письма. Быть можетъ, вышеупомянутые размаляванные камни были волшебными камнями. Но всякое письмо первоначально имѣло отношеніе къ волшебству. Руны, знаки, символизирующіе вещь, сохранили въ народной фантазіи до сихъ поръ таинственную дѣйствительную связь съ тѣмъ, что они должны выражать. Обращаясь къ приемамъ колдовства, мы снова, видимъ, какъ здѣсь сжигаются письмена съ именемъ человѣка для того, чтобы съ нимъ въ этотъ моментъ приключилось что нибудь нехорошее.

Доисторическій рисунокъ козла изъ грота Ла-Муть.

Тотъ же приемъ примѣняется и къ изображеніямъ и къ портретамъ. Но это приводитъ насъ къ вышеупомянутымъ мнимымъ «предводительскимъ жезламъ» и украшеніямъ на нихъ. Если эти замѣчательныя палки были, можетъ быть, своего рода личными амулетами, которые на охотѣ носились вокругъ шеи (я тоже подумалъ о томъ, что они могли, кромѣ того, служить и жезлами, какъ это полагалъ Шётензакъ, при чемъ значеніе ихъ, какъ амулета, извиняло ихъ относительно крупную величину и неудобство), то было весьма понятно, что носитель такого жезла, именно какъ охотникъ, выводилъ на немъ нѣчто такое, что имѣло отношеніе къ его дичи. Когда онъ шелъ на единоборство съ мамонтомъ или сѣвернымъ оленемъ, то колдовство должно было оказать свое дѣйствіе и на животныхъ. Образъ соотвѣтствующаго животнаго, вырѣзанный вмѣсто простаго орнамента, конечно, имѣлъ бы болѣе значеніе. Но что мы можемъ въ настоящее время вполне увѣренно утверждать, такъ это то, что въ виду отдаленности дилювіальной культуры, мы сами никогда не пришли бы къ этой мысли, если бы намъ здѣсь не помогли прямо таки неожиданнымъ и невѣроятнымъ образомъ находки доисторическихъ временъ.

Вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ въ Кеслерлохѣ были найдены обработанныя олени кости съ дѣйствительно вырѣзанными на нихъ контурами животныхъ. Самой лучшей вещью былъ пасущійся сѣверный олень, переданный съ такой увѣренностью художественнаго содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ абсолютнымъ соотвѣтствіемъ природѣ, что, казалось, это оставляло позади даже самую смѣлую мысль о первоначальныхъ начаткахъ культуры. Однако именно потому, что изображеніе было слишкомъ хорошо, оно вначалѣ пробудило сомнѣніе. Но тогда имѣлись уже подобные рисунки изъ классическихъ мѣстонахожденій эпохи Мадленъ въ Южной Франціи, найденные лѣтъ за де-

сять до вышеописанных находокъ. Въ „пещерѣ съ балкономъ“ Мадленъ, давшей свое имя цѣлой эпохѣ, Лартэ нашелъ кусокъ мамонтовой кости съ яснымъ изображеніемъ на немъ контуровъ мамонта; эта

находка была сдѣлана въ такое время, когда дѣйствительное со-вмѣстное существованіе мамонта и человѣка было еще очень серьезнымъ спорнымъ вопросомъ. Но въ тѣ годы бѣльшая часть того, что было добыто и выдвинуто французскими изслѣдователями доисторическихъ временъ, къ сожалѣнію, не встрѣчало признанія среди германскихъ ученыхъ; мы, нѣмцы, смѣялись надъ ихъ фантастическими построениями, надъ ихъ „патріотизмомъ“, который хотѣлъ приурочить первоначальную родину всей культуры вплоть до изящныхъ искусствъ къ французской почвѣ, надъ легковѣріемъ восторженныхъ изслѣдователей, которымъ якобы подбрасывали только что вышедшія изъ мастерской поддѣлки въ тотъ моментъ, когда они брались за лопату. Поэтому, мамонтъ Лартэ долгое время считался такого рода глупой шуткой. Въ лучшемъ случаѣ намекали, что человѣкъ, сдѣлавшій „открытие“, просто произвольно построилъ контуры мамонта изъ совершенно неразборчивой путаницы перекрещивающихся царапинъ.

Эта критика обратилась также и на новыя находки, сдѣланныя въ Кеслерлохѣ. Къ несчастью, удалось доказать, что какъ разъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно имѣли мѣсто поддѣлки. Фигуры животныхъ изъ книги для юношества Лейтеманна (Leutemansche Jugendbuch) срисовывались на старый матеріалъ, найденный въ этихъ мѣстахъ. Дѣло кончилось полицейскимъ преслѣдованіемъ и наказаніемъ лица

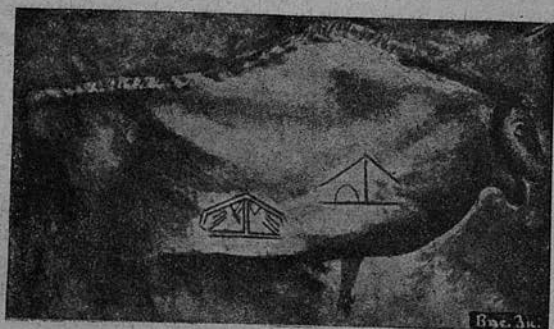
сыгравшаго такую злую шутку. На нѣкоторое время было совершенно подорвана вѣра и въ такія вещи, поддѣльность которыхъ отнюдь нельзя было доказать; къ числу ихъ принадлежало также и удивительное изображеніе сѣвернаго оленя. И все же, въ концѣ концовъ, скептики остались не при чемъ. — новый замѣчательный примѣръ преувеличенной осторожности, присущей также и критикѣ. Въ настоящее время найдена масса такихъ рисунковъ животныхъ, относящихся

Стало скота въ изображеніи первобытнаго человѣка.

къ настоящей эпохѣ Мадленъ, — и найдена въ самыхъ различныхъ мѣстахъ, въ совершенно новыхъ мѣстностяхъ, гдѣ раскопками руководили честнѣйшіе изслѣдователи въ присутствіи лица судебного вѣдомства, — и тогда только прекратился скептицизмъ, господствовавшій въ кругахъ специалистовъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ пусть онъ

дѣлаетъ свое дѣло, это никогда не можетъ повредить. Въ общемъ же никто не думаетъ теперь отвергать сплошь сдѣланныя приобрѣнія. Эти рисунки животныхъ не представляютъ собою исключенія въ культурѣ эпохи Мадленъ: тамъ, гдѣ эта культура проявляется, такъ сказать, въ видѣ домашнего производства, какъ въ Южной Франціи, они составляютъ неотъемлемую часть всего наслѣдства этой культуры.

Доисторическій рисунокъ быка треугольнички изображаютъ первобытные шатры.

Но если въ этомъ смыслѣ фактическая сторона не подлежитъ въ настоящее время никакому сомнѣнію, то факты, какъ таковые, кажутся тѣмъ болѣе удивительными. Они представляютъ собою прямо таки самый поразительный моментъ во всей культурѣ диллювальной эпохи.

Описанное выше удивительное изображение сѣвернаго оленя, найденное въ Кеслерлохѣ, повидимому, сдѣлано на обломкѣ одного изъ „предводительскихъ жезловъ“. Что касается многихъ другихъ рисунковъ, то о нихъ можно съ увѣренностью сказать, что они сдѣланы именно на такихъ жезлахъ. Такимъ образомъ, наша теорія о волшебномъ изображеніи находитъ здѣсь твердую почву. Впрочемъ, въ распоряженіи ученыхъ постепенно накопилось очень много рисунковъ на матеріалѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ оленьими костями, такъ что мы ясно видимъ здѣсь слѣдующее: искусство процвѣтало тамъ въ качествѣ чистаго искусства, а не только находилось на службѣ у таинственной магіи. За это говоритъ также вездѣ и удивительное выполненіе картинъ. Нельзя говорить при видѣ этихъ эскизовъ, что тутъ передъ нами зачатки искусства. Люди должны были заниматься этой дѣятельностью уже очень долгое время и крайне усердно. Она не могла быть создана исключительно для нѣсколькихъ амулетовъ. Здѣсь должна была господствовать продолжительная любовь къ такому занятію, поддерживавшаяся и подкрѣплявшаяся безчисленными и разнообразными обстоятельствами жизни.

На второй, получившей извѣстность картинѣ, найденной на оленьей кости въ Кеслерлохѣ, изображена лошадь. Такое изображеніе животного интересно въ настоящее время для насъ, не только въ художественномъ, но также и въ зоологическомъ отношеніи. Какъ выглядит живой сѣверный олень, это мы знаемъ, такъ какъ видимъ его теперь собственными глазами. Но люди описываемаго нами времени знали такъ же хорошо исчезнувшихъ совершенно въ наше время диллювальныхъ дикихъ лошадей Европы. На этой картинѣ изображена какъ

разъ такая дикая лошадь съ поразительно небольшой, изящной, сухощавой головой, такъ что можно было бы подумать, что она представляетъ собою первобытную расу, отъ которой на Востокъ произошла настоящая арабская благородная лошадь; правда, другіе ученые считали эту картину изображеніемъ собаго вида азіатскаго осла, который въ то время (какъ это можно доказать) въ огромномъ количествѣ жилъ также и въ этомъ мѣстѣ; такое толкованіе мнѣ меньше нравится, но рисунокъ производитъ на меня такое впечатлѣніе, будто онъ состоитъ изъ двухъ различныхъ частей, передняя часть меньше и, тогда какъ главная часть съ длиннымъ туловищемъ нарисована на ней наоборотъ. Въ классической пещерѣ Мадленъ были найдены прямо таки великолѣпныя, ясныя съ перваго взгляда изображенія тѣхъ небольшихъ, толстыхъ, дикихъ лошадей съ крупными головами и щетинистой гривой, которыхъ очень напоминаетъ живущая еще и въ настоящее время въ монгольскихъ степяхъ дикая лошадь Пржевальскаго. И въ пользу несомнѣнной „неподдѣльности“ этихъ мадленскихъ рисунковъ, особенно говоритъ то обстоятельство, что они были найдены и обнаружены значительно раньше, чѣмъ, вообще, была открыта эта лошадь Пржевальскаго, и прежде чѣмъ можно было сравнить ихъ съ нею; поддѣлыватель, какъ это ясно слѣдуетъ, долженъ былъ бы обладать болѣе широкими знаніями, чѣмъ всѣ наши зоологи, чтобы быть въ состояніи сфабриковать изображеніе именно этого животнаго.

Въ Кеслерлохѣ найдено было также другое художественное изображеніе—вполнѣ отчетливо слѣпанная голова муксуснаго быка, но на этотъ разъ не выцарапанная на кости, а въ видѣ пластической рѣзбы изъ рога. Когда она была найдена, никто изъ ученыхъ не думалъ, чтобы въ центрѣ Европы могли существовать вытѣсненные въ настоящее время въ Гренландію, слѣдовательно, американскіе муксусные быки. Значительно позднѣе остатки костей, найденные въ сосѣднемъ Швейцербильдѣ, физически подтвердили присутствіе этого страннаго гостя въ дилювіальной Швейцаріи. Именно такія рѣзныя изображенія способствовали славъ французскихъ пещеръ. Нижняя Ложери, которая играла извѣстную роль уже при открытіи череповъ эпохи Мадленъ, доставила намъ кинжалъ изъ оленьяго рога, ручка котораго представляетъ собою художественно слѣпаннаго, наклонившагося впередъ оленя съ пригнутыми рогами. Объ амулетѣ здѣсь не можетъ быть больше и рѣчи, мы видимъ тутъ любовь къ прекрасному и беззавѣтное увлеченіе чисто эстетической цѣлью художественнаго украшенія. Кромѣ того, у насъ имѣются также найденные въ Дордони, соответствующимъ образомъ стилизованные рѣзные мамонты и великолѣпная, вполнѣ соответствующая дѣйствительности статуэтка дикой лошади. Въ изображеніи мамонта доисторическимъ художникомъ крайне замѣчательна вѣрная передача чертъ, которыя мы никогда не могли бы получить на основаніи одного лишь ископаемаго скелета; проконтролировать же ихъ мы можемъ, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ условій, благодаря сохранившемуся въ сибирскихъ льдахъ цѣлому трупу мамонта, съ кожей и волосами; такъ, мы можемъ провѣрить существованіе толстаго мѣха, уха, поразительно малаго въ сравненіи съ размѣрами животнаго, наконецъ огромной кисти хвоста. На рисункѣ, найденномъ въ пещерѣ Мадленъ, видны не только огромные клыки и хоботъ, но и характерно выступающій впередъ черепъ и изумительно живо переданный глазъ слона.

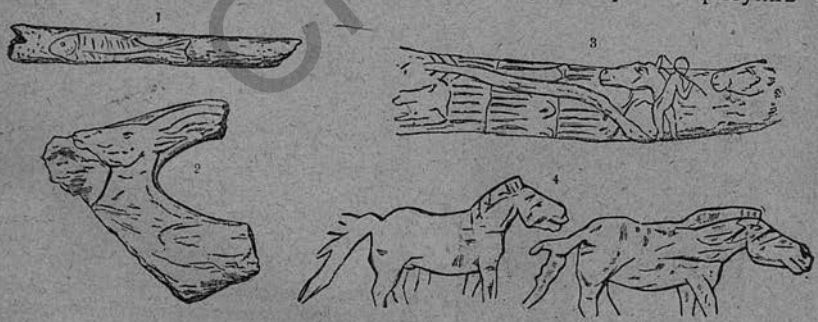
Но во многихъ случаяхъ искусство не ограничивается передачей

простыхъ отдѣльныхъ животныхъ; оно прогрессируетъ къ дѣйствительному скомбинированному художественному произведенію, изображающему дѣйствіе. Такъ, здѣсь живо схваченъ бѣгущій мамонтъ. Дикія лошади образуютъ цѣлую цѣпь. Сѣверный олень изъ Кеслерлоха на пастбищѣ. Но еще болѣе удивительнымъ кажется намъ то, какимъ образомъ ограниченное пространство такой оленьей кости использовано для изображенія сложныхъ группъ. Мы имѣемъ, на примѣръ, изображенія двухъ сѣверныхъ оленей: почти съ юмористической, карикатурообразной отчетливостью представлено здѣсь, какъ самецъ сзади обнюхиваетъ самку. Въ другомъ мѣстѣ охотникъ сзади подкрадывается къ бизону.

Рѣзба на кости изъ Масд'Азиль, изображающая чело-
вѣкообразное существо.

Въ послѣднемъ случаѣ мы должны обратить особое вниманіе на изображеніе самого чело-
вѣка. Передъ нами охотникъ за мамонтами, запечатлѣвшій свой образъ своими собственными руками. Но, къ сожалѣнію, мы должны сказать, что, въ общемъ, наряду съ такимъ большимъ количествомъ изображеній животныхъ, изображенія чело-
вѣка встрѣчаются очень рѣдко, и при томъ они доставляютъ намъ очень мало данныхъ. Все же это можетъ быть просто случайностью, какъ, очевидно, можно объяснить случайностью уже то обстоятельство, что при такомъ богатствѣ матеріала до насъ не дошелъ ни одинъ рисунокъ или рѣзба, изображающая покрытаго волосами носорога конечно, вполне достойнаго того, чтобы быть изображеннымъ. На упомянутомъ рисунокѣ че-

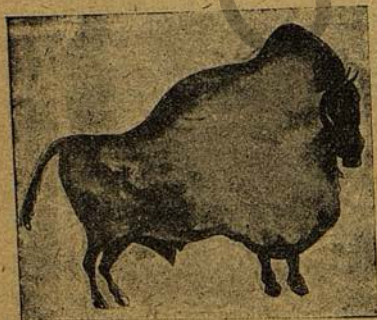
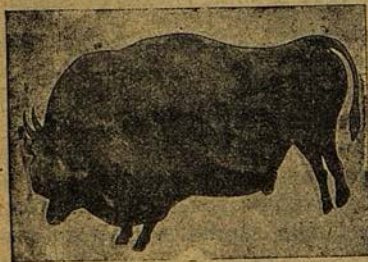

Рѣзные рисунки на кости сѣвернаго оленя изъ пещеръ Дордони: 1—рыба, 2—каменный козель, 3—человѣкъ съ лошадыми, 4—дикія лошади. (По Войтъ-Даукинсу).

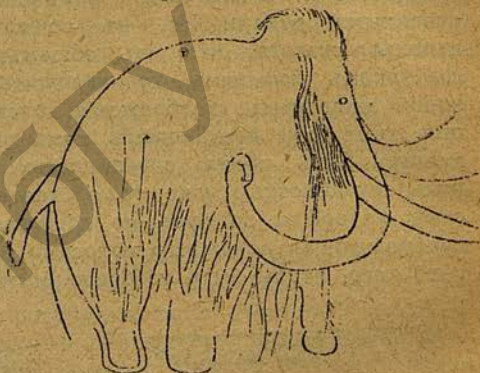
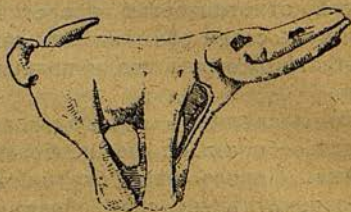
ловѣкъ нарисованъ менѣе умѣло, чѣмъ быкъ, но поза охотника, ползкомъ приближающагося къ животному и поднимающаго копые для метанія, не подлежитъ, въ общемъ, никакому сомнѣнію. Хотя, судя по контурамъ, чело-
вѣкъ кажется голымъ, но на тѣлѣ и на ногахъ замѣчается своего рода штриховка, которая у животного, очевидно, означаетъ мѣхъ. На оригиналѣ она сильно врѣзалась мнѣ въ память. Послѣ всего вышесказаннаго было бы слишкомъ смѣло предполагать здѣсь существованіе чело-
вѣка, дѣйствительно покрытаго волосами. Такимъ образомъ, здѣсь можетъ идти дѣло о тѣсно прилегающей одеждѣ

Подкрадывающийся къ бизону охотникъ (одѣтъ въ звѣриную шкуру (?), рис. найденъ въ Ложери, въ долинь Везера).

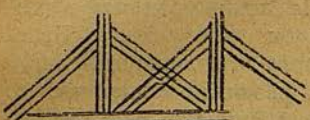
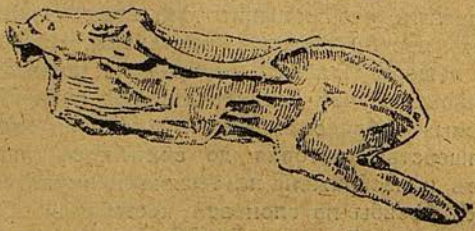
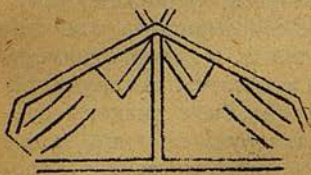
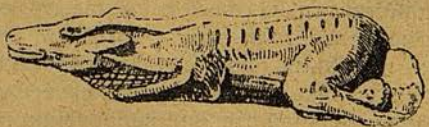
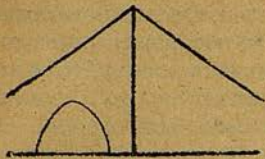

Стѣнная живопись изъ грота Фонтъ-де-Гомъ). Рисунки (въ краскахъ) бизоновъ, сдѣланные дилювіальнымъ чело-вѣкомъ. (По Капитану).

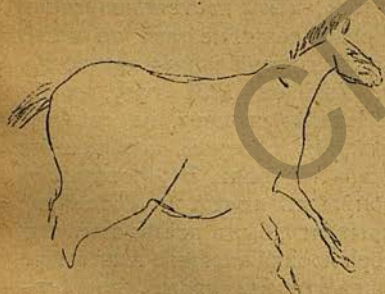
Рисунки, изображающіе мамонта (европейскаго слона, покрытаго густой шерстью и такимъ путемъ приспособившагося къ условіямъ жизни, господствовавшимъ въ ледниковую эпоху). На верхнемъ рисункѣ воспроизведенъ мамонтъ, вырѣзанный на оленьемъ рогѣ (найденъ въ Броникельской пещерѣ, хранится въ настоящее время въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ); въ серединѣ — рисунокъ мамонта сдѣланный дилювіальнымъ чело-вѣкомъ на стѣнѣ Комбарельскаго грота; внизу — мамонтъ, вырѣзанный на кускѣ мамонтовой кости (изъ пещеры Ла-Мадленъ).

Произведѣнія искусства дилювіальнаго чело-вѣка.

Разныя рукоятки изъ мамонтовой кости; на нихъ изображены олени. Обѣ рукоятки хранятся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. (Клаатшъ).

Рисунки, изображающіе шатры съ подпорками и вырѣзами для входа (найлены на стѣнахъ грота Фонтъ-де-Гомъ).

Лошадь геміонъ по рисунку въ гротѣ Ля-Муть (Ривьера).

Наконечникъ метательнаго копья (по Гернесу).

Гарпунъ (по Мортилье).

Иголка (по Мортилье).

Каменная фигура (по Гернесу).

Продукты творчества первобытнаго челоуька.

изъ звѣриной шкуры, подобно тому, какъ мы это видимъ у нашихъ эскимосовъ. Извилистую линію въ задней части тѣла принимали за хвостъ животныхъ, который люди, быть можетъ, носили сзади на мѣховой курткѣ; это вполне соответствовало бы обычаямъ, принятымъ у современныхъ намъ дикарей. На другомъ рисункѣ съ изображеніями лошадиныхъ головъ, найденномъ въ пещерѣ Мадлэнъ, изображень, повидимому, дѣйствительно голый копьеносецъ безъ штриховки волосъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что люди, охотившіеся лѣтомъ въ степи за дикими лошадьми, при случаѣ сбрасывали съ себя всѣ одежды. На основаніи штриховки на рисункѣ, изображающемъ беременную женщину и въ значительной степени испорченномъ и неясномъ, мы можемъ предположить, что женщины тѣхъ временъ, подобно современнымъ эскимоскамъ, носили мужскіе панталоны. На концѣ копья, тоже найденномъ въ пещерѣ Мадлэнъ, изображена, повидимому, татуированная рука. Въ данномъ случаѣ такая отдѣльная рука, безусловно, была знакомъ суевѣрныхъ обрядовъ: это — знаменитая магическая рука противъ злого волшебства, которая до сихъ поръ играетъ роль въ жизни народовъ и изображена на тысячахъ амулетовъ. На крайне рѣдкихъ образцахъ рѣзбы по слоновой кости изъ „Grotte du rapé“ близъ Брасанпуи въ Гаскони мы видимъ женскую голову съ длинными локонами, а также голый женскій торсъ съ очень развитой задней частью тѣла, напоминающій знаменитую „готтентотскую Венеру“. Эти скульптуры были использованы для подтвержденія отмѣченной выше теоріи (мы лишь бѣгло коснулись ея) о первобытномъ нашествіи негровъ на Европу въ періодъ распространенія тамъ лёсса. Во всякомъ случаѣ, какъ разъ эти находки недостаточно выяснены и стоятъ внѣ всякой связи съ добытымъ матеріаломъ.

Въ общемъ казалось, что послѣ того, какъ постепенно стали разсматривать и оцѣнивать всѣ эти чудесныя вещи, не такъ то легко было поразить неожиданностями изъ области диллювіального искусства. И все же получались и неожиданности. Уже въ 1880 году кто то заявилъ, что онъ открылъ въ Сѣверной Испаніи пещеру, на стѣнахъ и потолкѣ которой нарисованы великолѣпныя цвѣтныя изображенія животныхъ, сдѣланныя рукой доисторическаго человѣка. Это показалось слишкомъ сильно даже и для наиболѣе смѣлыхъ людей, и Марселино де Сантуола, выступившій съ этимъ открытіемъ, былъ всѣми осмѣянъ, какъ новый Донъ-Кихотъ. Сказочная пещера носила названіе Альтамира (Altamira) (см. стр. 62). На потолкѣ въ высшей степени художественно въ техническомъ отношеніи и крайне характерными чертами было изображено стадо дикихъ быковъ, дикихъ лошадей, вепрей, оленей и каменныхъ козловъ; контуры ихъ были, отчасти, высѣчены въ камнѣ и аккуратно раскрашены черной, красной и коричневой краской. Трудно предположить, чтобы какой нибудь современный фальсификаторъ (онъ долженъ былъ бы быть прекраснымъ рисовальщикомъ животныхъ), сталъ тщательно разрисовывать потолокъ такой пещеры съ единственной цѣлью — обмануть двухъ-грехъ изслѣдователей-специалистовъ. Нарисованныя животныя были таковы, что вполне подходили къ обстановкѣ позднѣйшаго диллювіального времени. Но, въ общемъ, все-таки получалась неразбериха, пестрая, какъ сами эти рисунки — здѣсь въ собственномъ смыслѣ слова.

Но и въ этомъ случаѣ скептики должны были постепенно, но основательно раскаяться въ своемъ прежнемъ образѣ мыслей.

За послѣднія двадцать лѣтъ (правда, очень медленно) до насъ доходили свѣдѣнія о такихъ раскрашенныхъ пещерахъ. Одинъ учитель нашель въ южной Франціи вырѣзанныя на стѣнѣ пещеры изображенія мамонта, но, конечно, вначалѣ, его словамъ не придали никакого значенія. Затѣмъ въ гротѣ Ла-Муть въ классической Дордони, т. е. въ самой дилювіальной Помпеѣ, были найдены стѣнные изображенія, въ которыхъ можно было узнать мамонта, дикую лошадь, сѣвернаго оленя, слѣдовательно, какъ разъ главныхъ представителей дилювіальныхъ временъ. Одна пещера въ деп. Жиронды была засыпана доверху мусоромъ, и только послѣ того, какъ его съ трудомъ отгребли, на стѣнѣ, на разстояніи шестнадцати метровъ отъ входа, обнаружились раскрашенные желтымъ и краснымъ изображенія мамонтовъ и лошадей. Одновременно съ этимъ въ пещерѣ были найдены остатки дилювіальныхъ животныхъ и орудій. Но рѣшающую роль сыграло послѣдовавшее лишь въ 1901 году открытіе пещеръ Комбарель и Фонтъ-де-Гомъ, получившихъ съ того времени широкую извѣстность и расположенныхъ въ небольшихъ боковыхъ долинахъ все еще единственной по своимъ открытіямъ и богатствамъ рѣки Везеръ. Послѣ того, какъ видные спеціалисты нѣмцы провѣрили и признали несомнѣнными данныя французскихъ ученыхъ на этихъ самыхъ блестящихъ и убѣдительныхъ мѣстахъ, ледъ недовѣрія былъ снова сломенъ. Вполнѣ согласовалось съ остальнымъ и это послѣднее и высшее чудо дилювіальнаго искусства. Послѣ этого въ южной Франціи и Испаніи было открыто еще съ дюжину такихъ пещеръ съ изображеніями животныхъ. Опять таки нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, что люди, которые такъ изящно вырѣзывали и выцарапывали картины на крошечномъ пространствѣ и на самомъ трудномъ матеріалѣ, могли въ зимніе часы абсолютнаго отдыха использовать для искусства стѣны или потолокъ своей пещеры. Плоская лампа изъ краснаго песчаника, въ которой видны еще слѣды горѣвшаго животнаго сала, и которая была найдена въ въ одной изъ такихъ пещеръ рядомъ съ кремневыми клиньями и подгорѣвшими костями оленя, повидимому, служить намъ хорошей иллюстраціей. Нѣтъ прямого основанія сомнѣваться въ доисторическомъ происхожденіи этой лампы, хотя ея мискообразная каменная чашка крайне изумляетъ насъ по другимъ соображеніямъ: а именно, странно появленіе ея въ этой средѣ, гдѣ не было еще извѣстно горшечное производство; когда смотришь на нее, кажется, что передъ глазами этихъ людей буквально съ ослѣпительной яркостью вырисовался искусственный сосудъ; — а между тѣмъ, они еще не были знакомы съ гончарною техникою.

Грубое изображеніе человѣка на задней сторонѣ костяного диска въ Мосъ-д'Азиль.

Мы уже также говорили, что эти люди употребляли краски. Что здѣсь больше всего поражаетъ, такъ это такое сочетаніе: нарисованныя изображенія животныхъ были также раскрашены, и затѣмъ—величина, блестящее выполненіе, грандіозность всего стиля. Что касается магическихъ картинъ для заклинанія духовъ, то о нихъ здѣсь не можетъ быть больше рѣчи, такъ какъ мы знаемъ, что въ это время еще не

чистымъ наслажденіемъ искусствомъ. Какъ богата, должно быть, была ихъ фантазія, если она еще разъ воскресила, при непостоянномъ освѣщеніи, въ такой глубокой и тѣсной пещерѣ, всю жизнь и охоту на вольномъ воздухѣ, при чемъ воскресила ихъ, не только, какъ сонъ, но выразила въ художественныхъ образахъ. И эти образы послѣ столькихъ тысячъ лѣтъ стоятъ въ настоящее время передъ нами во всей ихъ свѣжести, когда все, что въ былые дни „дѣйствительно“ видѣли глаза этихъ охотниковъ, забыто и погребено, какъ беспорядочный кошмарный сонъ.

Какъ это наглядно изобразили Клаатшъ и Ферворнъ, пещера Комбарель ни въ коемъ случаѣ не представляетъ собою чего то

Доисторическій рисунокъ челоѣкоподобнаго существа (*Pithecanthropus atavus*?)

такого, что мы ожидаемъ встрѣтить, вспоминая, на примѣръ, наши извѣстныя большія сталактитовыя пещеры,—это не высокій куполь, восхщающій посетителя, а довольно-таки неудобная шахта, въ которой, въ большинствѣ случаевъ, челоѣкъ можетъ лишь ползти, а не идти, выпрямившись во весь ростъ. На разстояніи 234 метровъ идетъ шахта въ известковой скалѣ по этому старому руслу, какъ по узкому жерлу колодца. Первые сто съ чѣмъ то метровъ лишены, какъ это ни странно, какихъ-либо украшеній. За то послѣднее разстояніе въ сто метровъ представляетъ по своимъ украшеніямъ почти цѣльную картину. Большія очертанія животныхъ покрываютъ длинной цѣпью стѣны между сталактитовыми образованіями потолка и толстымъ, соотвѣтственно залитымъ слоемъ галекъ на полу. Часто этотъ известковый наносный покровъ заходитъ даже на часть стѣнныхъ картинъ—лучшее доказательство, что здѣсь не имѣли мѣста никакія позднія реставраціи. Тамъ, гдѣ съ пола пещеры были убраны гальки, и благодаря этому обнаружилась нижняя часть картины, которая до сихъ поръ была покрыта этимъ слоемъ,—намъ бросается въ глаза больша

шая отчетливость и свѣжесть очертаній животныхъ въ сравненіи съ рисунками на давно уже свободной поверхности. Въ сравненіи съ размѣрами шахты, картины, въ большинствѣ случаевъ, прямо-таки колоссальны. Часто высота ихъ достигаетъ одного и даже полутора

метровъ. Если даже представить себѣ, что наносный слой убранъ, и, слѣдовательно, входъ въ пещеру, достигающій теперь 1—1³/₄ метра, увеличился бы еще на одинъ метръ въ высоту, то все же прямо-таки удивительно, какъ могли быть нарисованы и видимы самыя сложныя фигуры животныхъ въ такихъ размѣрахъ. Даже теперь при свѣтѣ свѣчи намъ, простымъ зрителямъ, очень трудно составить себѣ цѣльное представление о такихъ огромныхъ животныхъ. И все же формы представляютъ собою нѣчто совершенно цѣльное.

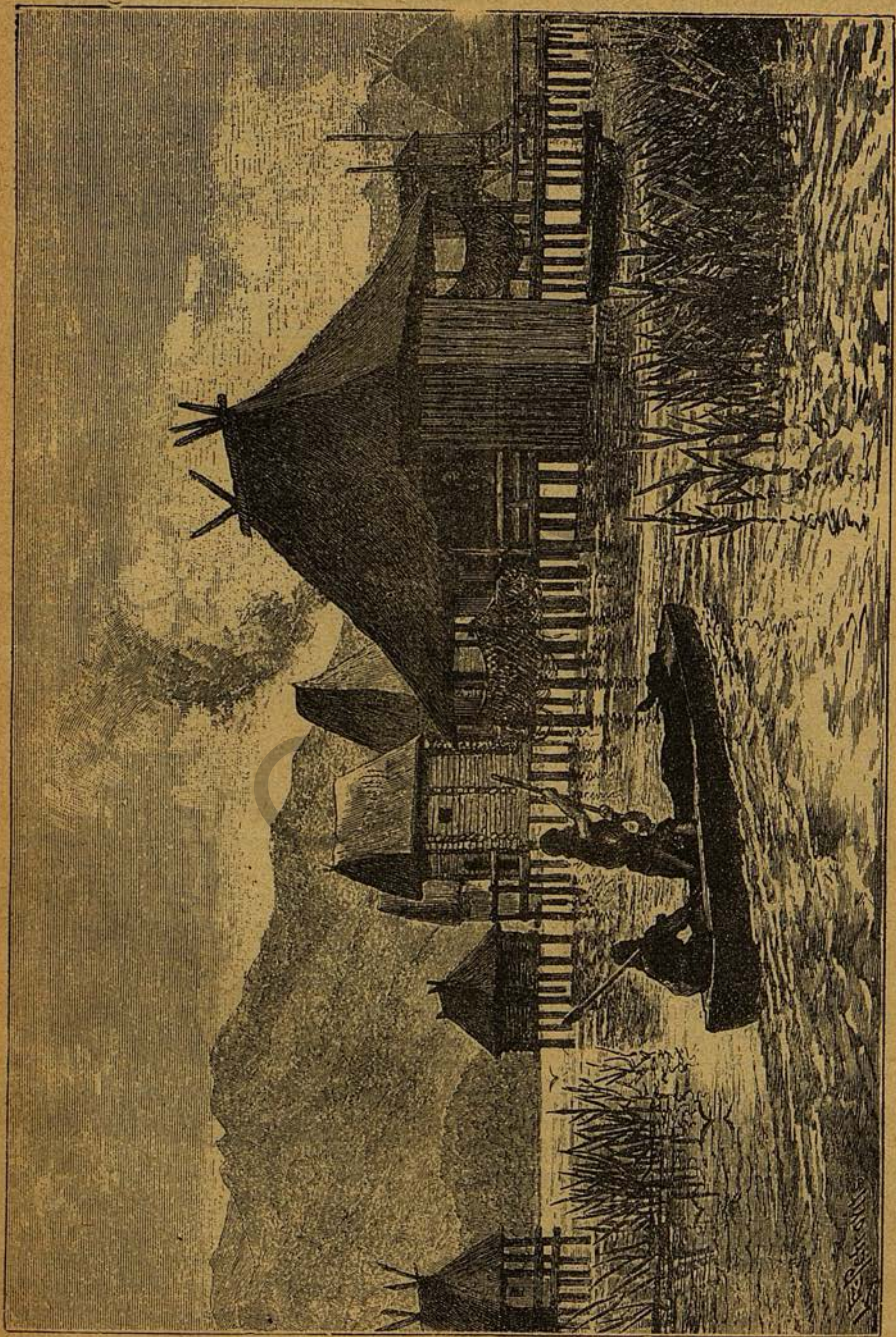
Въ этой первой пещерѣ разрисовка не играетъ еще особенной роли. Какъ на „предводительскихъ жезлахъ“ въ небольшихъ размѣрахъ, такъ здѣсь, въ большемъ масштабѣ, сохранившіяся нарисованныя очертанія врѣзаны въ стѣну на глубину приблизительно въ полъ-сантиметра. Еще и теперь ясно видно, что очертаніе не было сдѣлано сразу, а производилось на подобіе эскиза, штрихами, съ многочисленными исправленіями, и лишь самый лучший контуръ энергичнѣе врѣзывали въ стѣну. Рядомъ съ этимъ прибѣгали къ помощи рельефной работы, то въ видѣ углубленія всей фигуры внутри очертанія, то въ видѣ оставленія одной лишь головы въ качествѣ рельефа. Линія контура часто проведена черной краской. Въ общемъ, на этой стѣнѣ, занимающей пространство въ сто метровъ, нарисовано 109 картинъ животныхъ, кромѣ большого количества орнаментныхъ неудачныхъ попытокъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ пещерахъ съ картинами, мы видимъ на стѣнахъ много неудавшихся опытовъ, но среди нихъ выдѣляется масса мастерски исполненныхъ вещей.

Главную массу изображенныхъ предметовъ составляютъ дикія лошади, при чемъ здѣсь (что крайне интересно) выступаютъ уже болѣе грубая и болѣе изящная разновидности, которыя при позднѣйшемъ прирученіи, быть можетъ, оставили свои слѣды въ современныхъ лошадиныхъ породахъ. Что поразительно, такъ это то, что обѣ эти разновидности, повидимому, жили въ дикомъ состояніи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Граничили ли какъ разъ эти двѣ области распространенія другъ съ другомъ, такъ что охотники за лошадьми изъ Комбарель могли заглядывать и въ ту, и въ другую? Или послѣдняя ледниковая эпоха вызвала и здѣсь необычное передвиженіе въ царствѣ животныхъ, приводившее различныя породы въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Обиліе изображеній лошадей натолкнуло французскихъ изслѣдователей на мысль, что эти картины были нарисованы еще въ эпоху лёсса болѣе старыми охотниками изъ Солютрэ, особенно преслѣдовавшими лошадей. Но въ пользу этого предположенія у насъ нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ данныхъ, если бы мы, вообще, захотѣли провести здѣсь вполне рѣзкія границы. Четырнадцать картинъ воспроизводятъ мамонтовъ, у которыхъ опять-таки форма головы изображена очень хорошо. Длинный хоботъ кажется подвижнымъ, часто загнутымъ внутрь. Преувеличенная огромность клыковъ именно мамонта, въ которой современные изслѣдователи охотно видятъ уродливость, явившуюся результатомъ недостаточнаго изнашивания (клыкъ слона былъ первоначально орудіемъ для ломанья дерева въ лёсу, онъ не могъ найти для себя правильное употребленіе въ безлѣсной, покрытой мхомъ степи и потому долженъ былъ выродиться),—эта уродливость изображена здѣсь очень нагляднымъ образомъ. Именно благодаря тому, что эти клыки не дорисованы до конца а, благодаря извилистымъ параллельнымъ линіямъ, какъ бы уходятъ

въ безконечность, здѣсь, повидимому, и могъ сплучиться особенно важный характерный эскизъ, отличающийся дѣйствительною художественностью. Онъ лишь намекаетъ, но эти нѣсколько черточекъ создаютъ у зрителя полнѣйшую иллюзію, какъ будто бы каждая деталь была представлена тамъ такъ же идеально. Дѣтеныши мамонта изображены совершенно иначе: они представляютъ собою настоящіе круглые комки шерсти съ расходящимися во всѣ стороны курчавыми волосами. Тутъ же мы видимъ древняго первобытнаго быка, отъ котораго, какъ отъ главной родовой формы произошелъ нашъ ручной рогатый скотъ; видимъ затѣмъ лося, сѣвернаго оленя, каменнаго козла, вѣроятно, также современную степную антилопу самыхъ крайнихъ русскихъ восточныхъ областей, сайгу, которая, какъ это можно доказать, доходила тогда до Франціи.

Но самыя великолѣпныя вещи мы встрѣчаемъ въ пещерѣ Фонтъ-де-Гомъ. Устройство этой шахты болѣе сложно. Болѣе широкая «передняя» производитъ скорѣе всего впечатлѣніе входа въ настоящій сталактитовый гротъ съ сталактитовыми колоннами. Затѣмъ черезъ подобіе крайне узкихъ воротъ въ скалѣ вы вступаете въ святая святыхъ пещеры; и здѣсь мы видимъ довольно узкій, но все же нѣсколько болѣе высокой входъ. А внутри пещеры все разрисовано согласно правиламъ искусства. Какъ и въ Альтамирѣ, матеріаломъ для красокъ является марганецъ и охра; смѣшеніе ихъ даетъ всѣ оттѣнки отъ краснаго, черезъ бурый, до глубоко чернаго. Очертанія крупныхъ животныхъ часто вырѣзаны въ стѣнахъ и окрашены въ черный цвѣтъ, поверхность же тѣла разрисована, сообразно дѣйствительности, по преимуществу, въ бурый и красный цвѣтъ. Изъ сибирскихъ находокъ мы знаемъ, что такого красно-бурого цвѣта былъ мамонтъ, таковъ же цвѣтъ нашей живущей еще теперь дикой лошади Пржевальскаго, нашихъ азіатскихъ дикихъ ословъ и немногихъ уцѣлѣвшихъ теперь бизонъ. И на этотъ разъ главную роль во всѣхъ этихъ рисункахъ играетъ первобытный быкъ: 49 такихъ дикихъ быковъ съ бурой шерстью украшаютъ стѣны этой преисподней. Обычнымъ предметомъ охоты въ южной Франціи было тогда великолѣпное животное, потомки котораго доживаютъ теперь послѣдніе дни на востокѣ нашей части свѣта, а именно, въ Литвѣ (зубры) и на Кавказѣ. Здѣсь мы находимъ лишь два изображенія мамонта, изображеній лошадей тоже не много. Но за то тутъ васъ восхищаетъ группа изъ двухъ пасущихся оленей; она сдѣлана эскизно, въ вышеупомянутомъ смыслѣ, но съ такимъ подъемомъ характерныхъ намѣчающихъ линий, который прямо-таки превосходенъ. Здѣсь вполне ясно вы чувствуете, что художникъ, который, вырѣзывая сѣвернаго оленя въ Кеслерлохѣ, тщательно работалъ надъ каждой деталью, придаетъ теперь своей композиціи, наоборотъ, широкій размахъ, напоминающій фрески.

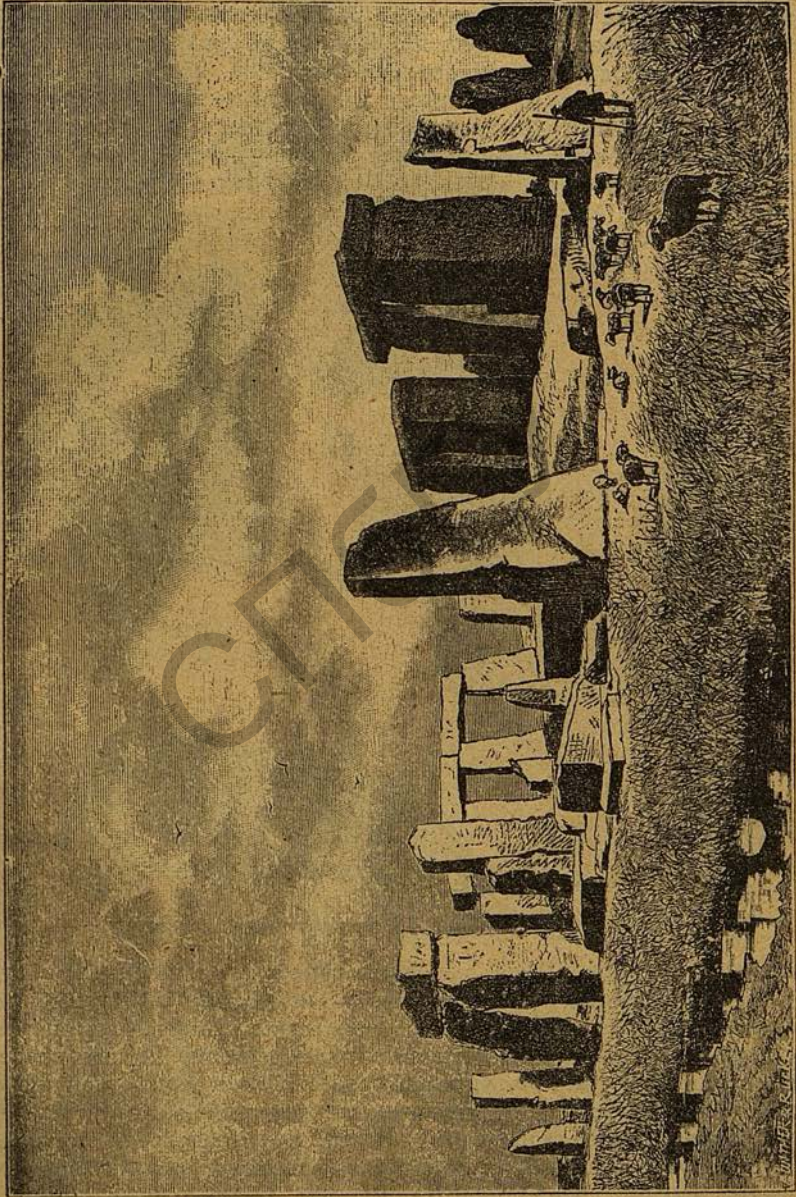
На основаніи болѣе рѣдкихъ изображеній мамонта и лошади въ сравненіи съ бизономъ ученые хотѣли сдѣлать выводъ, что живопись этой второй пещеры отвѣчаетъ нѣсколько инымъ естественнымъ условіямъ, чѣмъ живопись изъ пещеры Комбарель, а именно, она относится къ нѣсколько болѣе позднему промежутку времени въ предѣлахъ дилювіальной эпохи, когда фауна мамонта начала смѣняться животнымъ міромъ, который долгое время послѣ дилювія оставался типичнымъ для Европы. Во всякомъ случаѣ, эти рисовальщики мамонтовъ и бизонъ изъ долины рѣки Везеръ увѣковѣчили еще одну сторону своей

Доисторическое свайное поселеніе въ Швейцаріи.

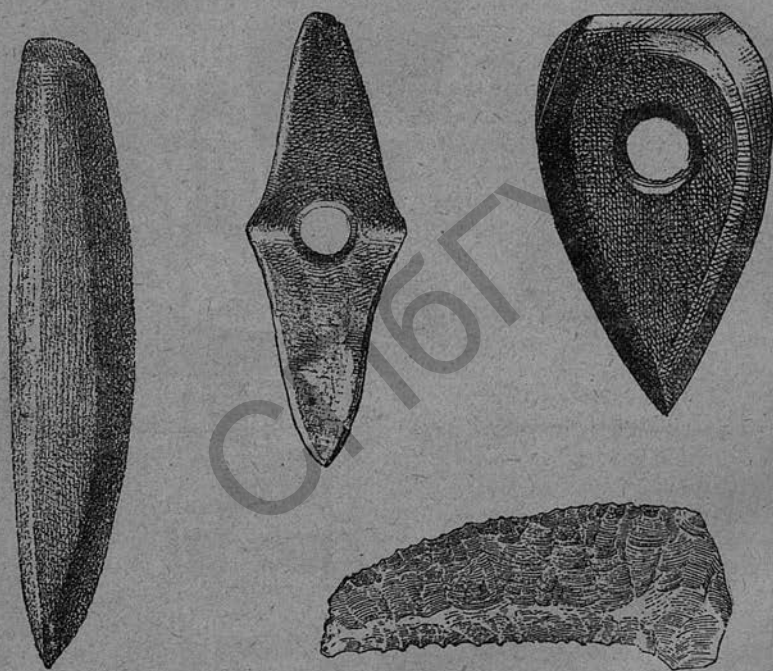
собственной жизни. Посреди изображений этихъ животныхъ здѣсь вдругъ появляются несомнѣнные рисунки шатровъ. Мы видимъ передъ собой настоящіе кожаные шатры съ палкой для подпорки по срединѣ и полукруглымъ вырѣзомъ для входа. Художникъ, мечтавшій въ узкой пещерѣ о веселыхъ часахъ охоты во время лѣта вспомнилъ также и постройки, которыя возводилась лѣтомъ (вдали отъ зимней и постоянной квартиры—пещеры), самымъ простымъ образомъ изъ палокъ и шкуръ животныхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь мы узнаемъ еще одну важную черту, а именно, что былъ уже изобрѣтенъ искусственный домъ, который при случаѣ могъ замѣнять естественную пещеру. Ни въ какой другой чертѣ не чувствуется такъ приближеніе новой культурной эпохи, которая не исчерпывалась уже однимъ словомъ: „пещерный человѣкъ“. Но, безъ сомнѣнія, мы, съ другой стороны, имѣемъ полное право допустить, что какъ разъ такая постройка шатровъ производилась уже давно и повсюду тамъ, гдѣ природа, вообще, не предоставляла въ распоряженіе человѣка никакихъ пещеръ. Рѣшительный переходъ отъ постройки временныхъ шатровъ кочующими охотничьими племенами къ прочнымъ постройкамъ домовъ и къ деревнямъ, конечно, представлялъ собою огромный переворотъ. И у насъ нѣтъ еще никакихъ данныхъ утверждать, что онъ гдѣ-либо совершился уже въ дилювіальный періодъ; но главныя условія его и здѣсь (какъ и въ вышеупомянутомъ случаѣ съ служившей въ видѣ лампы чашкой и горшечнымъ производствомъ) безусловно были уже подготовлены въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, хотя какъ бы оставались неосуществленными; поэтому-то переходъ позднѣе совершился не какъ нѣчто неожиданное, не какъ скачекъ, а какъ нѣчто само собою понятное.

Съ того времени, какъ эти произведенія дилювіальнаго искусства были признаны подлинными, ученыхъ не перестаетъ занимать вопросъ, какъ можно совмѣстить ихъ съ предствленіемъ о первобытныхъ людяхъ, стоявшихъ во всемъ остальномъ на такой низкой ступени культуры. Дѣлали предположеніе о существованіи особаго «художественно развитаго народа», своего рода до-историческихъ эллиновъ. Какъ разъ эти художественныя произведенія особенно согласовались съ предположеніемъ о существованіи уже высоко развитой кро-маньонской расы. Но дѣйствительно понять положеніе дѣла мы сможемъ только тогда, если сравнимъ эти художественныя произведенія съ художественными произведеніями современныхъ намъ дикарей. Изображенія животныхъ мы встрѣчаемъ у африканскихъ бушменовъ, т. е. у наиболѣе примитивнаго народа, вымирающаго на нашихъ глазахъ; эти изображенія, которыя мы, отчасти, находимъ на стѣнахъ пещеръ, сдѣланы въ высшей степени искусно и не только достигаютъ, но даже превосходятъ лучшія произведенія дилювіальной культуры. Точно также въ высшей степени примитивныя индѣйскія племена въ области Шингу въ Центральной Бразиліи обладаютъ удивительной способностью быстро рисовать крайне мѣтко и характерно даже впервые увидѣнные ими предметы, напримѣръ, фигуру европейскаго ученаго, посѣтившаго ихъ; они передаютъ данный предметъ въ каррикатурномъ видѣ, что вполне доказываетъ существованіе у нихъ таланта. Бóльшая часть вообще прямо таки колоссальнаго количества художественныхъ произведеній нашихъ дикарей и полу-дикарей, цѣликомъ направленная въ сторону стилизованной орнаментаций, служить, такъ сказать, для со-

Мегалитическая постройка. — Стоунгенджъ, близъ Сольсбери.

зданія ласкающихъ глазъ ритмическихъ сочетаній, а другая часть представляетъ собою продуктъ свободно измышляющей причудливой фантазіи, гдѣ дѣйствительность какъ бы заслоняется своего рода художественными грезами. Но на ряду съ этимъ мы находимъ и „натуралистическое“ теченіе, которое съ великолѣпной правдивостью и вѣрностью изображаетъ природу. Иногда можно прослѣдить, какъ это вѣрное природѣ художественное созерцаніе и рисунокъ даютъ болѣе древніе образцы, къ которымъ только затѣмъ примкнула орнамента, стилизація. Индѣецъ вначалѣ рисуетъ рядъ настоящихъ рыбъ, и отсюда получается разукрашенная фигура ромба. Даже въ самыхъ ужасныхъ рожахъ всѣмъ извѣстныхъ танцовальныхъ масокъ вы всегда можете открыть извѣстные элементы крайне тщательнаго

Неолитическія каменные орудія ($1/2$ естеств. велич.).

наблюденія природы. Даже на болѣе высокихъ степеняхъ исторіи искусства, напримѣръ, въ египетскомъ искусствѣ, мы также ясно видимъ, что слѣпое воспроизведеніе природы также означаетъ начальную стадію, за которой слѣдуютъ все болѣе и болѣе идущія впередъ стадіи стилизаціи (часто соединяясь съ стадіями религіозной неподвижности при извѣстныхъ „священныхъ формахъ“); эти стадіи, въ концѣ концовъ, такъ далеко отходятъ отъ своей начальной точки, что вышеупомянутое основное настроеніе кажется совершенно исчезнувшимъ и затѣмъ вновь обнаруживается на еще болѣе высокой ступени, какъ художественный неонатурализмъ.

Если мы все это достаточно взвѣсимъ, то представляется вполне вѣроятнымъ, что существованіе вышеупомянутыхъ до-историческихъ произведеній является не чѣмъ-либо случайнымъ, свойственнымъ одной какой-нибудь мѣстности, или же гениальнымъ прогрессомъ какого-

либо „художественно-настроеннаго народа“, а лишь извѣстнымъ об- щимъ этапомъ всей культуры того времени. Принципіально я лично не видѣлъ бы ничего невозможнаго въ томъ, если бы эти художе- ственныя произведенія возникли въ самомъ началѣ дилювіальныхъ временъ. Какъ мы уже говорили, во Франціи обсуждается вопросъ,

Костяная и глиняная утварь и украшенія изъ каменнаго вѣка Франконской Швейцаріи. 1 и 2—сосуды, 3 и 4—веретенныя кольца, 5—глиняная буса, 6, 7 и 8—украшенія, 9—иглы, 10—гарпунъ, 11—костяной крючекъ (по Ранке).

насколько эпоху ихъ возникно- венія надо отнести къ періоду, предшествовавшему всей эпохѣ Солютрэ. Въ Предмость и дру- гихъ моравскихъ мѣстахъ нахо- докъ, которыя приблизительно надо отнести къ этому времени, уже начинается появляться рѣзба на слоновой кости. Если эти признаки будутъ увеличиваться (на что, повидимому, есть много шансовъ) мы дѣйствительно дол- жны будемъ постепенно пере- носить дату назадъ, вглубь вре- менъ, и тогда серьезно воз- никнетъ вопросъ, должны ли мы остановиться въ исторіи искус- ства на эпохѣ, слѣдующей послѣ неандертальцевъ, или же надо зайти далеко назадъ и въ ихъ эпоху. Это можетъ положи- тельно выясниться лишь постепенно и прежде всего въ вышеупомя- нутой, не вполне точно опре- дѣленной пограничной области между неандертальцами и пред- полагаемой кро-маньонской ра- сою; теоретически же здѣсь нѣтъ никакой точки, гдѣ слѣдовало бы остановиться.

Все же мы останемся при томъ, что эти художественныя про- изведенія, какъ признакъ постоянно развивающейся умственной жизни, представляютъ собою высшій продуктъ культуры дилювія, какъ бы рано или какъ бы поздно они ни возникали. Они увѣнчиваютъ и въ то же время заканчиваютъ всю картину.

Окончаніе дилювія, какъ настоящаго „преддверія“ историческихъ временъ, ни въ коемъ случаѣ не означаетъ само по себѣ для куль- туры и культурнаго человѣчества начало „историческаго времени“, времени непосредственной передачи преданій. Между этими двумя періодами имѣется еще одинъ большой періодъ, который мы называемъ въ широкомъ смыслѣ слова „доисторическимъ“. Въ Европѣ и эта эпоха иллюстрируется цѣлымъ рядомъ очень наглядныхъ картинъ. Поскольку это еще „каменный вѣкъ“, она называется „неолитическимъ вѣкомъ“, т. е. болѣе новымъ или молодымъ каменнымъ вѣкомъ, въ противоположность „палеолитическому“—болѣе старому каменному вѣку, кото- рый заканчивается съ окончаніемъ дилювія. Для прогресса чистой ка-

менной техники, если мы покинемъ схему Мортилье, характернымъ признакомъ является прекрасная внѣшняя полировка каменныхъ орудій, хотя нельзя отрицать того, что и здѣсь сказывается извѣстная односторонность совершенно такъ же, какъ и въ болѣе раннихъ стадіяхъ техники, установленныхъ Мортилье. Но здѣсь мы встрѣчаемся уже съ двумя выдающимися явлениями.

Съ одной стороны, мы видимъ на озерахъ внутри страны эпоху расцвѣта деревень или городовъ, дома которыхъ построены на идущихъ рѣшеткообразно рядами сваяхъ — такъ наз. свайныя постройки. Въ связи съ этими постройками, остатки культуры которыхъ крайне счастливо сохранились въ болотистой почвѣ озеръ и, подобно французскимъ пещерамъ, доставили намъ цѣлую „Помпею“ того времени, — мы видимъ здѣсь, какъ постепенно появляются въ видѣ крупнаго новаго этапа прогрессирующей культурной техники скотоводство, земледѣліе, производство глиняной утвари, ткацкое производство и, наконецъ, постепенно захватывающее все новыя и новыя области примѣненіе металловъ. Самый послѣдній періодъ культуры свайныхъ построекъ совпадаетъ уже съ періодомъ употребленія желѣзныхъ орудій и (по временамъ) даже съ эпохой болѣе узкой исторической традиціи.

Другое крупное культурное явленіе примыкаетъ, наоборотъ, къ въ высшей степени своеобразнымъ, отчасти, прямо-таки колоссальнымъ каменнымъ памятникамъ — къ такъ наз. „мегалитическимъ постройкамъ“ (отъ *megas* — большой и *lithos* — камень). Здѣсь передъ нами менгиры, дольмены, курганы и различно называемыя въ разныхъ мѣстахъ колоссальныя сооруженія, встрѣчающіяся въ очень многихъ мѣстностяхъ. Въ этихъ часто прямо-таки неразрушимыхъ постройкахъ передъ нами проявляется то выраженіе высоко развитой умственной жизни, которое (при разработкѣ вышепомянутыхъ первобытнѣйшихъ идейныхъ зачатковъ неандертальской эпохи) и жизнь, и смерть, прежде всего, связывало съ областью религиозныхъ представленій и затрачивало колоссальный трудъ на религиозные памятники и отраженіе культа мертвыхъ. Одновременно съ этимъ мы встрѣчаемъ въ географическомъ распространеніи этихъ характерныхъ каменныхъ памятниковъ и могилъ несомнѣнные признаки участія идущаго съ сѣвера народа — мореплавателя. И это крайне важное культурное явленіе стоитъ, въ концѣ концовъ, на порогѣ историческаго времени.

Ближайшее рассмотрѣніе этой послѣдилювіальной эпохи не входитъ въ рамки данной книги. Заслуживаетъ вниманія здѣсь то обстоятельство, что въ географически далеко расположенныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, и, прежде всего, въ классической Дордони, повидимому, крайне рѣзкая граница раздѣляетъ дилювіальную и послѣдилювіальную эпохи. Правда, въ одномъ и томъ же мѣстѣ наряду съ слѣдами палеолитической культуры находятъ также и слѣды неолитической культуры, которые можно узнать прежде всего по обломкамъ обожженныхъ горшковъ; но между обоями слоями обыкновенно всегда лежитъ рѣзко разграничивающій ихъ пластъ, въ которомъ, вообще, не содержится никакихъ слѣдовъ культуры. Такимъ образомъ, получается такое впечатлѣніе, будто въ данныхъ пещерахъ въ теченіе долгаго времени послѣ окончанія дилювія никто не жилъ, а затѣмъ въ нихъ снова поселились люди, принесшіе съ собою неолитическую культуру. Эти позднѣйшіе люди были иногда карликами, которые снова теперь отыскивали пещеры, главнымъ образомъ, для погребенія мерт-

выхъ. Такимъ образомъ, здѣсь снова всплываетъ старый вопросъ о переселеніи и расахъ. Дѣйствительно ли вымерли въ опредѣленное время въ своихъ наиболѣе любимыхъ мѣстахъ увлекавшіеся искусствомъ и храбрые охотники за оленями послѣднихъ дней дилювія съ ихъ (предполагаемыми) красивыми кро-маньонскими черепами? Или же они тогда эмигрировали неизвѣстно куда? И заняли ли это мѣсто новые поселенцы послѣ нѣкотораго промежутка времени, когда здѣсь никто не жилъ? Были ли при этомъ новые пришельцы носителями совершенно иной культуры? Или же они произошли путемъ органическаго культурнаго прогресса все отъ тѣхъ же людей эпохи Мадленъ въ другихъ, менѣе доступныхъ нашему контролю мѣстахъ? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣднее предположеніе кажется наиболѣе вѣроятнымъ. Въ общемъ же все это вопросы, на которые нѣтъ отвѣта. Эта вторая эпоха дилювіальной культуры заканчивается неразрѣшенными еще вопросами, и такими же вопросами она и началась.

На всемъ пройденномъ нами теперь пути нѣтъ ни одной точки, которая теперь, вообще, не была бы „вымощена“ вопросами. Но если мы вспомнимъ, что еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ большинство серьезныхъ специалистовъ ученыхъ, — прежде всего профессиональные историки, но также и выдающіеся естествоиспытатели — всѣми средствами высмѣивали всякую попытку объяснить какой либо предметъ, найденный при раскопкахъ дилювіи, дѣломъ рукъ человѣка; если мы вспомнимъ, что еще сто лѣтъ тому назадъ все понятіе дилювія выдавалось за странную фантазію, и что идея ледниковыхъ эпохъ гнѣздилась въ умахъ, быть можетъ, двухъ или трехъ не-специалистовъ (среди которыхъ былъ Гете), тогда какъ научная геологія не подозрѣвала ничего подобнаго, — вспомнивъ все это, мы должны будемъ признать, что эта страдающая пробѣлами и приблизительная картина жизни „первобытнаго человѣка“ и его культуры въ теченіе дилювіального времени и еще дальше назадъ, представляетъ собою завоеваніе, почти не имѣющее себѣ равныхъ; это — продуктъ умственного труда, имѣющій неизмѣримо важное значеніе. Цѣлая наука расцвѣла здѣсь въ какія нибудь полстолѣтія; основанная естествоиспытателями, она, въ концѣ концовъ, завоевала себѣ уваженіе историковъ и — рѣдкій случай — самымъ счастливымъ образомъ соединила другъ съ другомъ посредствомъ общей промежуточной области двѣ такія, повидимому, безконечно отдаленныя другъ отъ друга отрасли знанія, какъ естествознаніе и исторія.

Я съ любовью вспоминаю еще и теперь лекціи профессора Шааффаузена въ Боннѣ, которыя я слушалъ въ началѣ восьмидесятихъ годовъ. Этотъ прекрасный старый ученый, который былъ также однимъ изъ первыхъ борцовъ, ратовавшихъ за существованіе настоящихъ неандертальцевъ, читалъ намъ уже тогда основы доисторической науки. Его лекціи посѣщались студентами всѣхъ факультетовъ, но въ то же время слыли своего рода курьезомъ. Специалисты-историки болѣе старой школы абсолютно не знали, что предпринять съ данными Шааффаузена и въ отдѣльныхъ случаяхъ прямо таки грубо отрицали всякую цѣнность и связь этихъ вещей съ ихъ областью. Къ этому присоединялся еще страхъ, что если бы тѣ результаты, о которыхъ говоритъ Шааффаузенъ, когда-нибудь дѣйствительно подтвердились, то они уронили бы достоинство человѣка и идеальную цѣль исторіи — излагать намъ нравственный и умственный прогрессъ

человѣчества. Но развѣ именно въ этой первоначальной главѣ исторіи культуры не наиболѣе ярко рисуется передъ нами, во всемъ своемъ величїи побѣдное шествіе человѣка къ порогу всѣхъ его позднѣйшихъ наивысшихъ триумфовъ? Тотъ фактъ, что это сомнѣніе въ настоящее время рѣшительно стало исчезать и въ кругахъ историковъ, представляетъ собою наиболѣе ясное доказательство растущей силы молодой доисторической науки,—силы, прибавившейся даже съ тѣхъ поръ. Въ концѣ концовъ, логика фактовъ всегда пробиваетъ себѣ дорогу, если только накопится опредѣленный матеріалъ. Но если факты, въ конечномъ счетѣ, пробиваютъ себѣ путь, то обыкновенно всегда, хотя и незамѣтно, мы приходимъ къ одному и тому же результату, а именно: что новое въ области познанія не нанесло намъ ущерба ни съ умственной, ни съ нравственной стороны, но напротивъ, и въ теорїи, и на практикѣ сдѣлало насъ болѣе сильными и гордыми въ наиболѣе благородномъ смыслѣ этого слова.

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

00072957

ЮФ СПбГУ